

ПРИОКСКАЯ ГЛУБИНА

Краеведческий
альманах
№ 1 (24) • 2025

Приокская глубинка: краеведческий альманах. Вып. 1 (25): 12+ / сост. Е.А. Самсонова и др.; отв. за выпуск Н.А. Гусева. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2025. – 240 с.: ил.

© Администрация городского округа г. Выкса. 2025
© МБУК «ЦБС городского округа город Выкса». 2025
© Издательство «Дятловы горы». 2025

Уважаемый читатель!

Восемьдесят лет прошло с победного мая 45-го. Но и спустя годы война продолжает гулким болезненным эхом отзываться в душах потомков. Память о подвиге дедов и прадедов до сих пор объединяет народы и поколения... Нет такой семьи на территории бывшего СССР, которая не заплатила бы за Победу свою цену: жизнью, кровью, силами, здоровьем, на передовой, в тылу, в застенках гестапо, в лагерях смерти. Но вопреки лишениям, боли и горю наши деды и прадеды упорно шли к Победе. Шли тогда, когда сдался весь мир, когда в Победу не верил никто, кроме них.

Вот почему 9 Мая – не просто праздник, не просто дата в календаре. Это триумф мужества, триумф всенародной стойкости, триумф единства. То есть всего самого лучшего, что только может быть в человеке. А День Победы – один на всех, потому что каждый житель нашей огромной многонациональной страны на протяжении четырех долгих лет делал все возможное, чтобы его приблизить.

Из маленькой Выксы на фронт ушли 20350 человек и 6538 не вернулись, а те, кто возвратились, не хотели вспоминать войну. Именно по этой причине свидетельства очевидцев – чрезвычайная ценность, особенно сегодня, когда ветераны уходят один за другим.

В этом выпуске «Приокской глубинки» составители сборника объединили материалы из выксунских СМИ, исследования из сети Интернет, очерки журналистов и даже архивную статью из журнала «Костер» за 1968 год! Здесь статьи из журнала «Красные Зори» и из газеты «Выксунский рабочий», исследования, биографии ветеранов, записанные детьми и внуками.

Перед читателем раскроется неприглядная и пугающая правда о войне. Это и воспоминания воспитанников детского дома, располагавшегося в Шиморском, и письма с фронта

и еще многое и многое другое, что следует помнить и знать. Наша задача – бережно сохранить эти свидетельства и передать их новым поколениям выксунцев.

Выражаем слова глубокой благодарности за помощь в составлении сборника главному редактору газеты «Выксунский рабочий» – Наталье Орловой и генеральному директору Группы изданий «Красные Зори» – Наталье Смирновой.

Елена Самсонова

Наталья Гусева

Содержание

Николай Новоселов

Воинские захоронения Выксы 9

Николай Михайловский

Последние из Севастополя 29

Воспоминания о войне

Нины Сергеевны Смактиной (Ключаревой)

«Что пришлось пережить — не забыть никогда...» 64

Алена Баикина

Память сильнее времени:

Каунасский еврейский детский дом в Шиморском 71

Надежда Князева

Встречи и споры с братом-фронтовиком 92

По воспоминаниям Эдуарда Чернышова

Когда началась война 95

Алена Самсонова

Я помню 97

Алена Самсонова, Марина Строкань

Я помню войну 103

Владимир Прошкин

С чего начинаются семейные альбомы? 110

Наталья Александрова

Наследие пережитого 113

<i>Наталья Александрова</i> Ничто не забыто	117
<i>Полина Артамонова</i> Подвиг почтальона	120
<i>Наталья Александрова</i> Над нами «Хейнкели» кружили... ..	124
<i>Наталья Орлова</i> Доктор Колпаков взял в плен 43 немцев	127
<i>Елена Липатова</i> Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой... ..	131
<i>Полина Артамонова</i> Повар на передовой	136
<i>Полина Артамонова</i> Герой партизанской войны	138
<i>Ксения Абдулхакова, Владимир Виль, Антонина Сафронова (Проскурина)</i> Ах, война, что ж ты сделала, подлая... ..	141
<i>Елена Липатова</i> Бояться надо не смерти, а пустой жизни	148
<i>Полина Артамонова</i> Был моряком, стал разведчиком	155
<i>Полина Артамонова</i> «Весь страх был в Горьком...»	158

<i>Татьяна Макракова</i> Соловки стали школой жизни для Владимира Порхачева.....	161
<i>Татьяна Мазурина</i> Война в судьбе поколения молодых машиностроителей	165
<i>Полина Артамонова</i> Война – это смерть товарищей и каждодневный труд	174
<i>Полина Артамонова</i> Выручала нас нередко наша славная разведка	176
<i>Елена Липатова</i> Герой с необычным именем.....	179
<i>Елена Липатова</i> Дети войны... Стали собственной памяти старше мы	183
<i>Елена Липатова</i> «Иду в бой и целую Машкину ладошку...»	191
<i>Полина Артамонова</i> Из солдат в металлургии	194
<i>Татьяна Мазурина</i> Семья Киреевых всю войну ковала победу на заводе ДРО	198
<i>Полина Артамонова</i> Маленькие корабли и большие планы	202

<i>Полина Артамонова</i> Орудие возмездия.....	205
<i>Елена Липатова</i> Мое единственное желание – чтобы мир был вечно... ..	207
<i>Полина Артамонова</i> Штыком и гранатой	212
<i>Полина Артамонова</i> От Выксы до Праги	215
<i>Ксения Абдулхакова</i> Привет с подводной лодки	218
<i>Полина Артамонова</i> Война и связь	220
<i>Полина Артамонова</i> По полю танки грохотали... ..	224
<i>Светлана Федорова</i> Рассказ прабабушки	227
<i>Полина Артамонова</i> С молитвой у сердца и с музыкой в душе	229
<i>Полина Артамонова</i> Воевали и подводник, и снабженец.....	233
<i>Полина Артамонова</i> Шел в бой, презирая смерть	236

Воинские захоронения Выксы

Интересное и поучительное исследование удалось мне провести по небольшому воинскому захоронению г. Выкса Нижегородской области. Поучительное, наверное, для всех захоронений на территории регионов, где не велись боевые действия и где все захороненные – это умершие в госпиталях от ран и болезней солдаты и офицеры.

Братская могила на Северном кладбище
Фото из открытых интернет-источников

Начнем с паспортов захоронений.

В 1992 году в захоронении на Северном кладбище г. Выкса числятся погребенными 104 воина. Имена всех известны.

К моменту составления паспорта 2014 года в список захоронения была добавлена еще 31 фамилия. При этом не указано, когда и откуда были перезахоронены воины.

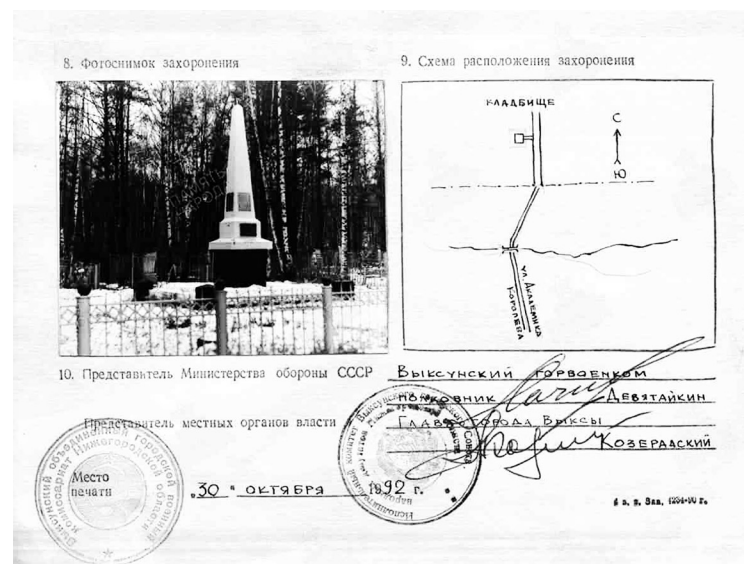
Попробуем по данным эвакуационных госпиталей установить: кто из солдат и когда был похоронен **на городском кладбище г. Выкса**. Обратимся к архивным документам.

Эвакуационный госпиталь 5829

По Книге учета умерших в эвакогоспитале 5829 удалось установить данные на 34 человека. Все они числятся в списках данного захоронения.

Это:
 рядовой Акужев Абу 1904 г.р., умер 06.01.1944
 рядовой Анохин Борис Фадеевич 1904 г.р., умер 10.04.1944
 гражданский Аришкевич Владимир Петрович 1924 г.р.,
 умер 04.07.1945
 рядовой Ашинов Фасун 1926 г.р., умер 19.10.1944
 рядовой Бабак Василий Давыдович 1926 г.р., умер 07.04.1946
 рядовой Бердалиев Батмар 1913 г.р., умер 01.01.1944
 ст. сержант Веретин Тихон Андреевич 1920 г.р., умер
 10.12.1944
 рядовой Власов Николай Степанович 1897 г.р., умер
 26.05.1944
 рядовой Горобец Павел Федорович 1913 г.р., умер 18.04.1944
 рядовой Громов Федор Федорович 1910 г.р., умер 18.09.1944
 гв. лейтенант Дюсимбаев Осипан 1922 г.р., умер 17.09.1944
 сержант Ергуянов Сакиф 1925 г.р., умер 30.12.1944
 рядовой Зверев Петр Иванович 1903 г.р., умер 16.03.1944
 рядовой г.р., умер Зыков Алексей Иванович 1903 г.р., умер
 12.09.1944
 ефрейтор Исмаилов Туракан 1912 г.р., умер 27.06.1945
 рядовой Капилюш Василий Васильевич 1903 г.р., умер
 04.10.1944
 ст. сержант Карпенко Алексей Петрович 1923 г.р., умер
 12.03.1945
 сержант Карпов Николай Андреевич 1924 г.р., умер
 04.01.1944
 рядовой Кильдюшин Иван Егорович 1912 г.р., умер
 29.08.1944
 рядовой Комолов Иден 1900 г.р., умер 06.09.1944
 рядовой Корявко Иван Анисимович 1901 г.р., умер
 18.05.1944
 рядовой Лунин Михаил Тихонович 1922 г.р., умер 01.01.1944
 мл. сержант Малышкин Федор Кузьмич 1909 г.р., умер
 13.02.1944
 рядовой Москаленко Федор Филиппович 1911 г.р., умер
 12.02.1944

сержант Никонов Павел Ефимович 1913 г.р., умер 27.01.1945
 сержант Нурматов Хармурат 1916 г.р., умер 10.06.1944
 рядовой Олехнович Степан Иванович 1898 г.р., умер
 31.08.1944
 рядовой Руев Алексей Григорьевич 1906 г.р., умер 20.01.1944
 рядовой Сотников Михаил Георгиевич 1900 г.р., умер
 22.09.1944
 сержант Тимохович Александр Гаврилович 1924 г.р., умер
 11.03.1944
 рядовой Хохлов Иван Афанасьевич 1894 г.р., умер 23.01.1944
 ст. сержант Цвигун Дмитрий Иосифович 1918 г.р., умер
 24.06.1943
 рядовой Чемоданов Николай Павлович 1921 г.р., умер
 21.09.1944
 рядовой Юрчишин Николай Степанович 1900 г.р., умер
 16.06.1945

Паспорт захоронения. Фото из открытых интернет-источников

могила 1	могила 2	могила 3	могила 4	могила 5	могила 6	могила 7	могила 8	могила 9	могила 10
Лукин Михаил Тихонович	Аужев Абу	Бердалиев Батмар	Хохлов Иван Афанасьевич	Манашиин Федор Кузьмич	Москаленко Федор Филиппович	Тимаков Александр Гаврилович	Зверев Петр Иванович	Анохин Борис Федорович	Горобец Павел Федорович
01.01.1944	06.01.1944	01.01.1944	23.01.1944	13.02.1944	12.02.1944	11.03.1944	16.03.1944	10.04.1944	18.04.1944
	Карлов Николай Андреевич	Ручев Алексей Григорьевич							
	04.01.1944	20.01.1944							
могила 11	могила 12	могила 13	могила 14	могила 15	могила 16	могила 17	могила 18	могила 19	могила 20
Каряко Иван Анисимович	Власов Николай Степанович	Нурматов Хармурат	Кильдошин Иван Егорович	Олежович Степан Иванович	Комаров Иден	Зыков Алексей Иванович	Досимбаев Осипак	Громов Федор Федорович	Чекоданов Николай Павлович
18.05.1944	26.05.1944	10.06.1944	29.08.1944	31.08.1944	06.09.1944	12.09.1944	17.09.1944	18.09.1944	21.09.1944
могила 21	могила 22	могила 23	могила 24	могила 25	могила 26	могила 27	могила 28	могила 29	могила 30
Сотников Михаил Гаврилович	Капилюш Васильевич	Ашинов Фасук	Васютин Тихон Андреевич	Ерунов Саяф	Никонов Павел Ефимович	Карпенко Алексей Петрович	Бабак Василий Давыдович	Юришин Николай Степанович	Цвигин Дмитрий Иосифович
22.09.1944	04.10.1944	19.10.1944	10.12.1944	30.12.1944	27.01.1945	12.03.1945	07.04.1945	16.06.1945	24.06.1945
могила 31	могила 32								
Исмаилов Туракан	Артикевич Владимир Петрович								
27.06.1945	04.07.1945								

Эвакуационный госпиталь 5829

Горьковская обл., Выксунский р-н, г. Выкса

В Книге учета возле фамилии каждого захороненного указан номер могилы, в которой он погребен.

Исходя из этого можно составить схему захоронения, на которой получится 32 могилы.

При этом мы увидим, что из общего количества выделяются две могилы № 2 и 3, так как даты гибели у двух воинов, похороненных в них, слишком разнятся по времени. Это означает, что индивидуальных могилы было все-таки 34, а не 32, поскольку в одной могиле не могли похоронить людей, умерших с разницей в 19 дней.

Также необходимо учитывать, что умершие от ран пациенты данного госпиталя были захоронены в 1944 и 1945 годах. Поэтому номера могил, указанные в Книге учета, имеют отношение не к участкам, где захоронены воины, а к самим воинам, точнее – к очередности их смерти. Это наглядно доказывают захоронения следующего эвакогоспиталя.

Эвакуационный госпиталь 2914

Эвакогоспиталь № 2914 хоронил воинов, умерших с ноября 1941 года по август 1943 года. По донесениям, хранящимся в архивах ЦАМО, удалось установить фамилии 46 воинов, которые умерли от ран в эвакогоспитале № 2914 и были первично похоронены на выксунском кладбище.

В таблице их фамилии выделены шрифтом.

Список умерших пациентов эвакогоспиталя № 2914
рядовой Алешин Василий Иванович 1913 г.р., умер 24.12.1941

гв. рядовой Архипов Владимир Акимович 1910 г.р., умер 18.07.1943

рядовой Барсуков Петр Николаевич 1903 г.р., умер 19.05.1943

мл. сержант Барыкин Анатолий Петрович 1906 г.р., умер 13.06.1943

сержант Буренкин Федор Сергеевич 1905 г.р., умер 26.01.1943

рядовой Быков Василий Антонович 1898 г.р., умер 06.04.1943

рядовой Варфоломеев Василий Николаевич 1906 г.р., умер 09.10.1941

рядовой Грищенко Иван Павлович 1903 г.р., умер 01.05.1943

рядовой Гусев Павел Яковлевич 1924 г.р., умер 30.03.1943

рядовой Данилин Иван Григорьевич 1904 г.р., умер 01.02.1943

рядовой Джумурбаев Абабай 1901 г.р., умер 08.04.1943

рядовой Добровольский Павел Васильевич 1899 г.р., умер 01.04.1943

рядовой Еремеев Клим Еремеевич 1907 г.р., умер 05.04.1943

сержант Ешков Вениамин Степанович 1923 г.р., умер 07.06.1943

рядовой Жирнов Николай Николаевич 1898 г.р., умер 01.02.1943

рядовой Захаров Александр Васильевич, г.р. неизвестен, умер 14.07.1948

рядовой Иванов Филипп Николаевич 1905 г.р., умер 06.05.1943

рядовой Идлов Петр Степанович 1897 г.р., умер 05.03.1943

рядовой Клеонский Илья Иосифович 1924 г.р., умер 19.11.1942

рядовой Ковалев Тихон Димитриевич 1905 г.р., умер 25.03.1943

пом. политрука Корнеев Степан Иванович 1911 г.р., умер 11.12.1941

рядовой Кочкарев Мирзали 1917 г.р., умер 14.01.1943

рядовой Лавров Евграф Николаевич 1901 г.р., умер 21.03.1943

рядовой Лиив Эдуард Придович 1907 г.р., умер 25.03.1943

рядовой Мартынов Павел Николаевич 1924 г.р., умер 30.12.1942

рядовой Матырзаев Каджияз 1919 г.р., умер 10.04.1943

сержант Миронов Дмитрий Васильевич 1908 г.р., умер 15.04.1943

рядовой Монахов Иван Лукич 1897 г.р., умер 05.04.1942

мл. сержант Неукисов Александр Иванович 1913 г.р., умер 03.04.1942

рядовой Никитенков Степан Дмитриевич 1908 г.р., умер 15.12.1941

рядовой Опенков Василий Сергеевич 1900 г.р., умер 11.04.1943

рядовой Погудин Александр Михайлович 1904 г.р., умер 31.10.1942

рядовой Пономарев Иван Павлович 1900 г.р., умер 17.02.1943

рядовой Саратов Александр Илларионович 1924 г.р., умер 14.05.1943

рядовой Сергеев Егор Алексеевич 1900 г.р., умер 01.02.1942

рядовой Сидоров Владимир Александрович 1924 г.р., умер 13.08.1943

рядовой Сизов Иван Матвеевич 1903 г.р., умер 18.03.1943

рядовой Трошин Николай Петрович 1922 г.р., умер 23.01.1942

рядовой Усов Павел Александрович 1920 г.р., умер 01.11.1942

рядовой Фролов Иван Никитич 1901 г.р., умер 13.05.1943

рядовой Хабибулин Миньяр Хабибуллович 1901 г.р., умер 24.10.1942

рядовой Ханов Александр Капитонович 1915 г.р., умер 18.09.1942

рядовой Хлуднев Степан Сергеевич 1904 г.р., умер 13.06.1943

рядовой Хукачар Егор Дмитриевич 1916 г.р., умер 30.04.1943

рядовой Шапошников Михаил Николаевич 1903 г.р., умер 06.08.1943

рядовой Шестипалов Тит Ионович 1917 г.р., умер 30.05.1943

Однако при сверке этих списков с паспортом захоронения видим, что в паспорте не указаны фамилии **22 воинов**, для которых выксунское кладбище стало первичным местом за-

хоронения. Если бы в паспорте захоронения были указаны неизвестные солдаты, то отсутствие их имен не вызывало бы вопросов, но фамилии солдат известны. А ведь госпиталь 2914 был не единственным на выксунской земле.

Эвакуационный госпиталь 2838

В архиве ЦАМО хранятся именные списки солдат, умерших от ран и болезней в эвакогоспитале № 2838. Таким образом можно установить данные на **64 воина**, которые были похоронены на кладбище Выксы.

Список умерших пациентов эвакогоспиталя 2838

рядовой Аверьянов Василий Егорович 1904 г.р., умер 07.05.1943
рядовой Агиров Гароман 1911 г.р., умер 08.09.1942
рядовой Алексеев Алексей Петрович 1903 г.р., умер 01.05.1943
рядовой Альменев Ислян 1915 г.р., умер 15.08.1943
рядовой Артемьев Игнат Никифорович 1919 г.р., умер 05.09.1943
рядовой Астахов Николай Иванович 1904 г.р., умер 07.10.1943
рядовой Безуглый Михаил Ефремович 1905 г.р., умер 30.01.1943
рядовой Бичев Александр Михайлович 1925 г.р., умер 03.09.1943
рядовой Бобренко Михаил Александрович 1915 г.р., умер 23.11.1941
рядовой Бобров Василий Иванович 1905 г.р., умер 02.10.1941
рядовой Бондаренко Федор Фалалевич 1916 г.р., умер 20.07.1943
рядовой Быков Иван Корнилович 1918 г.р., умер 20.01.1942
военинженер 3 ранга Василевич Михаил Александрович 1907 г.р., умер 09.04.1943

рядовой Вахтанов Данье Васильевич 1924 г.р., умер 02.02.1942

мл. политрук Величкин Сергей Егорович 1917 г.р., умер 08.01.1942

ст. сержант Весель Николай Рудольфович 1920 г.р., умер 26.10.1942

рядовой Вишняков Петр Петрович 1903 г.р., умер 20.12.1942

рядовой Воронов Анисим Михайлович 1898 г.р., умер 23.03.1943

мл. сержант Горборуков Иван Алексеевич 1918 г.р., умер 18.08.1943

сержант Григорьев Иван Васильевич 1908 г.р., умер 03.12.1941

рядовой Джуманиязов Раджат 1923 г.р., умер 13.02.1943

рядовой Закиров Дансы 1913 г.р., умер 14.09.1943

мл. командир Иженейкин Григорий Афанасьевич 1908 г.р., умер 16.10.1941

рядовой Кислицын Андрей Николаевич 1903 г.р., умер 24.01.1943

рядовой Клычев Иван Иванович 1903 г.р., умер 13.09.1943

рядовой Князатов Александр Иванович 1923 г.р., умер 19.02.1943

сержант Кriuля Иван Емельянович 1918 г.р., умер 24.04.1943

рядовой Лавров Михаил Васильевич 1908 г.р., умер 20.01.1942

рядовой Локтионов Иван Иванович 1921 г.р., умер 11.01.1943

рядовой Мерзлов Иван Николаевич 1899 г.р., умер 20.01.1943

рядовой Метелкин Николай Дмитриевич 1914 г.р., умер 06.10.1942

рядовой Микрюков Макар Константинович 1896 г.р., умер 06.07.1942

рядовой Моисеев Александр Владимирович 1923 г.р., умер 22.08.1943

мл. лейтенант Муйдинов Туреумбай 1920 г.р., умер 23.07.1943

рядовой Мухомеджаев Хайрудиль 1906 г.р., умер 02.02.1942

рядовой Нисветаев Игнатий Егорович 1903 г.р., умер 18.03.1942

гв. рядовой Панков Егор Михайлович 1905 г.р., умер 17.01.1943

рядовой Пантеев Сулды Шамодилович 1903 г.р., умер 17.08.1943

рядовой Прокопьев Карп Никифорович 1901 г.р., умер 08.04.1943

сержант Рандла Август Юлисович 1920 г.р., умер 27.04.1943

рядовой Роговой Лаврентий Алекс. 1913 г.р., умер 08.09.1943

мл. сержант Салимов Норна Сагарович 1917 г.р., умер 08.03.1942

рядовой Самаев Мухтаркан 1904 г.р., умер 23.05.1943

рядовой Сергеев Михаил Антонович 1908 г.р., умер 30.08.1943

старшина Серебряков Сергей Евгеньевич 1906 г.р., умер 22.08.1843

рядовой Сидоров Михаил Иванович 1904 г.р.

ст. лейтенант Суховерхов Михаил Алексеевич 1923 г.р., умер 19.08.1943

интендант 3 ранга Тараканов Алексей Иванович 17.03.1904 г.р., умер 30.03.1943

рядовой Троший Аким Степанович 1902 г.р., умер 17.01.1942

сержант Туритин Николай Прокофьевич 1922 г.р., умер 27.09.1942

рядовой Усяев Иван Александрович 1908 г.р., умер 22.07.1942

сержант Фарсудинов Каюм 1909 г.р., умер 07.02.1942

рядовой Федоров Василий Иванович 1922 г.р., умер 27.08.1943

мл. лейтенант Федоров Григорий Петрович 1905 г.р., умер 12.12.1942

сержант Федорченко Прокофий Васильевич 1897 г.р., умер 13.04.1943

рядовой Фунтов Андрей Владимирович 1908 г.р., умер 10.08.1943

рядовой Фурзиков Александр Михайлович 1900 г.р., умер 24.07.1942

рядовой Харичкин Алексей Никит. 1898 г.р., умер 06.03.1943

рядовой Хозяинов Иван Алексеевич, г.р. неизвестен, умер 12.06.1942

рядовой Чернов Александр Иванович 1908 г.р., умер 14.07.1942

рядовой Шактанов Галиб 1918 г.р., умер 31.08.1943

мл. сержант Шеваков Александр Никифорович 1924 г.р., умер 26.05.1943

рядовой Шевцов Кузьма Сергеевич 1909 г.р., умер 31.05.1943

сержант Яковлев Афанасий Васильевич 1912 г.р., умер 24.07.1943

При этом из 64 воинов, похороненных эвакогоспиталем № 2838, в списках захоронения отсутствуют фамилии **38 человек**.

Итого, по данным двух госпиталей пропущено **60 воинов**.

Подведем небольшой итог. По трем эвакогоспиталям №№ 2914, 2838 и 5829 удалось установить данные на **144 воина**, которые имели первичным местом захоронения **Выксунское городское кладбище**, причем каждый солдат был похоронен в индивидуальной могиле. В списке захоронения фамилий этих 60 человек не оказалось.

Но перейдем к следующему эвакогоспиталю.

Эвакуационный госпиталь 3010

Захоронения воинов умерших от ран и болезней в этом госпитале все относятся к 1942 году. При этом первичным ме-

стом погребения была не только Выкса, но и другие населенные пункты – с. Чаадаево, г. Муром и другие.

Список умерших пациентов эвакогоспиталя 3010

рядовой Золотов Алексей Федорович 1889 г.р., умер 27.07.1942

рядовой Коновалов Яков Васильевич 1902 г.р., умер 02.07.1942

рядовой Мухаматулин Гайфули 1909 г.р., умер 23.05.1942

рядовой Румянцев Михаил Иванович 1903 г.р., умер 23.06.1942

рядовой Рютин Михаил Степанович 1920 г.р., умер 05.05.1942

рядовой Ураков Василий Васильевич 1906 г.р., умер 12.06.1942

рядовой Чернышев Иван Федорович 1901 г.р., умер 24.01.1942

рядовой Куршаков Иван Данилович 1907 г.р., умер 22.05.1942

Из 8 воинов, имевших первичным местом захоронения выксунское кладбище, в списке **пропущены трое**.

При сверке с паспортом захоронения удалось установить фамилии еще пятих.

Однако у четырех из них первичное место захоронения в донесении не указано, поэтому утверждать, что они однозначно были погребены в Выксе, невозможно. Фамилии всех умерших воинов добавлены в список захоронения после 1992 года.

Это:

ст. сержант Лечаев Константин Георгиевич 1909 г.р., умер 05.04.1942

рядовой Мамаджанов Ерлич 1924 г.р., умер 12.12.1942

рядовой Норбаев Иргаш 1924 г.р., умер 15.12.1942

рядовой Панкратов Иван Андреевич 1912 г.р., умер 09.03.1942

Еще один воин, похороненный в данном госпитале, имел первичным местом захоронения с. Чаадаево Владимирской области. Это Рядовой Лякин Борис Иванович 1924 г.р., умер 31.10.1942

А пока перейдем к следующему эвакуационному госпиталю.

Эвакуационный госпиталь 2820

Погребения данный госпиталь производил в 1945 году. В паспорте захоронения числятся четверо воинов.

Это:

партизан Жаров Василий Иванович 1921 г.р., умер 27.06.1945

гв. сержант Зинятов Галихмула 1926 г.р., умер 29.01.1945

рядовой Сушилилин Федор Захарович 1914 г.р., умер 01.10.1945

мл. сержант Шеховцов Борис Александрович 1926 г.р., умер 12.12.1945

Эвакуационный госпиталь 2848

Захоронения данного госпиталя произведены с октября 1943 года по февраль 1944 года.

Список умерших пациентов эвакогоспиталя 2848

рядовой Бикмуратов Ашир 1901 г.р., умер 03.02.1944

рядовой Васильев Степан Петрович 1912 г.р., умер 08.02.1944

ст. сержант Геранкин Василий Никитович 1904 г.р., умер 24.10.1943

рядовой Гребнев Михаил Павлович 1903 г.р., умер 03.10.1943

рядовой Толстяков Филипп Евдокимович 1898 г.р., умер 03.10.1943

рядовой Ядыкин Александр Андреевич 1910 г.р., умер 26.10.1943

Из 6 воинов, умерших от ран в эвакогоспитале № 2848 и похороненных на выксунском кладбище, в списке захоронения оказалось пропущенными трое.

Еще несколько эвакуогоспиталей приведем общим списком с указанием госпиталя.

Список умерших пациентов разных эвакуогоспиталей

ст. сержант ...инькин ...й ...рович 1904 г.р., умер 24.10.1943 (ЭГ 3442)

рядовой Галимов Хусаин 1905 г.р., умер 13.03.1942

рядовой Дергачев Дмитрий Никитович 1892 г.р., умер 23.12.1941 (ЭГ 1775)

рядовой Дорогунцев Николай Александрович 1907 г.р., умер 22.03.1943

рядовой Запольский Николай Иванович 1911 г.р., умер 01.06.1942 (ЭГ 2314)

лейтенант Краснов Степан Григорьевич 1902 г.р., умер 05.12.1941 (ЭГ 2914)

рядовой Макаров Василий Павлович 1916 г.р., умер 08.06.1942 (ЭГ 2845)

ст. сержант Неретин Тихон Андреевич 1905 г.р., умер 10.12.1944

рядовой Рудометов Павел Иванович 1900 г.р., умер 13.08.1942 (ЭГ 1775)

рядовой Румянцев Василий Ильич 1906 г.р., умер 01.02.1943 (ЭГ 2668)

сержант Сенаторов Григорий Дмитриевич 1907 г.р., умер 31.03.1942

рядовой Турканов Бутагор 1908 г.р., умер 08.12.1943 (МЭП 41)

рядовой Ульянов Гапит Авертович 1908 г.р., умер 23.03.1943 (ЭГ 1866)

рядовой Хмельницкий Макс. Иосифович 1924 г.р., умер 08.09.1943

рядовой Худайбедиев Хайназар 1901 г.р., умер 20.12.1943 (ВСП 1037)

рядовой Якубин Леонтий Семенович 1898 г.р., умер 09.04.1942

Снова из 16 воинов, имевших первичным местом погребения выксунское кладбище, в списке указаны лишь шестеро, фамилии 10 воинов пропущены. Даже у воина в списке, где не читается фамилия можно установить данные, если послать запрос по адресу, который более чем разборчив. Ныне это Пермская область.

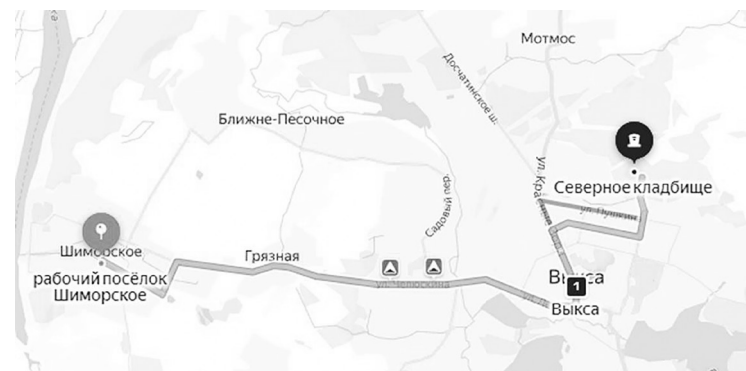
Еще трое воинов, имевших отношение к захоронению г. Выкса, это экипаж бомбардировщика ПЕ-2 205 ближнего бомбардировочного авиационного полка, который потерпел катастрофу 21.10.1943 года при перегоне из Казани.

сержант Луговой Иван Васильевич 1918 г.р., умер 22.10.1942
ст. лейтенант Федоров Иван Павлович 1914 г.р., умер 21.10.1942

капитан Фирсов Василий Арсентьевич 1911 г.р., умер 21.10.1942

Двое летчиков из экипажа оказались в списке захоронения, а штурман в список почему-то не внесен.

Также в списке захоронения оказались фамилии воинов, имевших первичным местом захоронения гражданское кладбище пос. Шиморское.

Места захоронения воинов, умерших в эвакуогоспиталях
Фото из открытых интернет-источников

К сожалению, в паспорте захоронения не указано, когда от-туда было произведено перезахоронение.

Шиморское захоронение

рядовой Бурдин Афанасий Моисеевич, умер 22.01.1943

рядовой Буслаев Михаил Николаевич г.р. неизвестен, умер 11.05.1942

рядовой Грибков Денис Петрович г.р. неизвестен, умер 30.05.1942

Жаров Филипп Иванович г.р. неизвестен, умер 03.05.1942

рядовой Золина Валентина Леонидовна, г.р. неизвестен, умерла 25.04.1942

Зорин Леонтий Иванович г.р. неизвестен, умер 03.05.1942

рядовой Зуев Петр Дмитриевич 1921 г.р., умер 30.03.1942

старшина м/с Мидейкин Иван Никифорович 1911 г.р., умер 13.02.1945

курсант Орешков Василий Иванович г.р. неизвестен, умер 10.12.1942

рядовой Полетаев Иван Дмитриевич г.р. неизвестен, умер 10.06.1942

рядовой Самсонов Григорий Сергеевич 1900 г.р., умер 14.06.1942

рядовой Червяков Сергей Михайлович г.р. неизвестен, умер 06.05.1945

рядовой Черенкевич Константин Иванович г.р. неизвестен, умер 11.05.1944

рядовой Чернавин Владимир Матвеевич 1903 г.р., умер 13.04.1943

К 11 воинам, указанным в паспорте этого захоронения, следует добавить еще троих, которые тоже имели первичным местом захоронения пос. Шиморское. Возможно, эти три воина, так и лежат на шиморском кладбище.

Кроме того, при проверке паспорта захоронения, удалось выяснить, что два воина из одиннадцати имели первичным местом захоронения находящиеся рядом населенные пункты – пос. Ближнее Песочное и с. Туртапка. Это рядовой Лагутин

Дмитрий Логгинович, 1898 г.р., умерший 24.04.1943 и рядовой Соколов Александр Данилович 1904 г.р., умерший 11.05.1944.

По остальным 10 воинам, указанным в паспорте захоронения, не удалось найти архивных документов в ЦАМО, их фамилии можно отыскать в Книгах памяти или только в паспорте захоронения. Без данных военкомата, на основании которых эти воины были внесены в список захоронения, что-либо узнать о них невозможно.

Это:

рядовой Безуший Михаил Ефремович 1906 г.р., умер 30.01.1943

Гранатов Федор Федорович 1910 г.р., умер 19.09.1944

Рядовой Ефремов Константин Николаевич г.р. неизвестен, умер 26.02.1945

Клычев Иван Иванович г.р. и смерти неизвестен

Котков Иван Степанович 1897 г.р., умер 25.05.1942

Краштин Анатолий Васильевич г.р. и смерти неизвестен

Кузьмин Анатолий Антонович 1920 г.р., умер 13.10.1943

Рядовой Лобачев Григорий Иванович г.р. неизвестен, умер 14.04.1942

Рядовой Малинов Федот Алексеевич 1902 г.р., умер 18.06.1942

мл. сержант Шильнов Анатолий Ефремович 1921 г.р., умер 18.08.1944

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА воинского захоронения		Приложение № 2 к директиве Министратв обороны СССР 1990 года №	
		Р. Ф.	
		страна	
		номер карточки	
1. Место и дата захоронения	Нижегородская обл. г.ВЫКСА ул. АКАДЕМИКА КОРЖАЕВА		
2. Вид захоронения	ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ГОРОДА БРАТСКАЯ МОГИЛА МАЙ 1942 ГОДА		
3. Размеры захоронения и его состояние	15 м x 15 м. ОГРАЖДЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ, ВЫСОТА 4 м, СОСТОЯНИЕ ХОРОШЕЕ		

Учетная карточка воинского захоронения
Фото из открытых интернет-источников

Подведем общий итог по данному захоронению. На всех воинов, имевших первичным местом захоронения выксунское кладбище, приведу данные одной таблицей.

Подразделение	Похоронено	В списке захоронения	Пропущено
ЭГ 5829	34		
ЭГ 2914	46	24	22
ЭГ 2838	64	26	38
ЭГ 3010	8	5	3
ЭГ 2820	4		
ЭГ 2848	6	3	3
Другие ЭГ	16	6	10
205 БАП	3	2	1
	181	66	77

Как видите, **42% воинов**, похороненных на выксунском кладбище, оказались забыты. Их фамилии в списках захоронения не указаны.

При этом и перезахоронение воинов из других мест может считаться истиной только при наличии в военкомате акта перезахоронения.

С полной версией статьи, в которой приведены копии архивных документов, можно ознакомиться на сайте библиотеки «Отчий край»: <https://bibliokray.ru/istoriya/zolotye-stranitsy-kraevedeniya/item/nikolaj-novosyolov-voinskie-zahoroneniya-vyksy>

Николай Новоселов

Новоселов Николай Леонидович

Капитан второго ранга в отставке Ветеран Вооруженных Сил.

Николай Новоселов

Родился 1 мая 1957 года в с. Заречное Котельничского района Кировской области. Женат, имеет двух сыновей.

В 1976 году поступил в Высшее Военно-Морское училище им. М.В. Фрунзе (ныне корпус Петра Великого).

После окончания в 1981 году продолжил службу на Северном флоте. Командовал кораблем, дивизионом кораблей. В 2002 году уволился в запас и поселился в г. Ярцево, Смоленской области.

С 2016 года активно занимается изучением истории Великой Отечественной войны, написал семь книг про события 1941 года под городом Ярцево и справочники о погибших советских воинах на территории Смоленской области.

Установил десятки тысяч фамилий воинов, которые были пропущены при увековечивании. Данные на них передал в органы власти районов и областей РФ, Республики Беларусь, Казахстана, Киргизии, Посольства РФ в странах Европы.

Итоги его многолетней поисковой работы изданы в 2024 году в издательстве «Свиток». Вышли четыре книги, посвященные боям под Ярцево по 1941 году «Ярцевский рубеж Рокоссовского, июль-август 1941 года, Ярцевский рубеж Рокоссовского, сентябрь 1941 года», по 1943 году – «Кровавый август

1943 года», «На пределе сил и ценою потерь». В данных книгах приведены данные на 12 тысяч советских солдат и офицеров, погибших в Ярцевском районе Смоленской области.

Являясь членом Общероссийской общественной организации «Боевое братство» данные о результатах поиска отправляются в Министерство Обороны и Администрации районов. Практически везде находятся понимание в необходимости исправлять допущенные ошибки. На протяжении последних трех лет каждый год по линии «Боевого Братства» отправляется в адрес Администраций данные на 5-6 тысяч воинов, которые оказались пропущены в списках братских могил.

Автор и создатель канала в Дзене «Воинские захоронения (братские могилы) Великой Отечественной войны». В приведенных статьях на канале родные могут быстрее найти своих близких погибших в годы войны. На канале размещены более 700 статей о воинских захоронениях от Мурманска до Варны и от Владивостока до Берлина.

Своей исследовательской работой старается сделать все, чтобы неизвестных солдат и офицеров стало как можно меньше.

Последние из Севастополя

Документальная повесть, журнал «Костер», № 2, 1968 г.

Летное поле было перепачнано бомбами и снарядами, и уже нельзя было признать в этом обугленном, дымящемся, изрытом глубокими воронками, располосованном клочке земли Херсонесский аэродром. Склады горели, и скелеты зданий зловеще чернели на рдеющей полосе заката. Все тонуло в свисте и грохоте — голоса людей и шумы заведенных моторов последних самолетов-штурмовиков. Выполняя приказ командования, они покидали Севастополь, забирая на Большую землю экипаж разбитого бомбой самолета и нескольких механиков.

Мизаил Штеренбоген, 1950-е годы

— Остальным придется остаться, — объявил командир полка и обвел взглядом нестройную шеренгу. Каждый докладывал о себе, в том числе и эти трое, все двести пятьдесят дней прожившие в одной землянке, связанные службой и дружбой:

- Старшина Белый!
- Авиационный мастер Штеренбоген!
- Техник Пельник!

Они докладывали так, как будто был еще порядок и существовали еще какие-то связи в этом перевороченном вздыбленном мире, как будто кому-то важны были и могли запомниться имена трех последних, остающихся на этой земле. Командир обнял каждого и, не сказав ни слова, побежал к самолету, на ходу натягивая шлем. Через несколько минут

самолеты оторвались от земли и, сделав круг, пошли к морю. Земля дрогнула, раздался взрыв — рухнули скелеты зданий. Люди упали на землю. Широкий, кряжистый старшина Белый сорвал с головы бескозырку и зарылся в нее лицом. Комья земли и щебня, подхваченные взрывной волной, обрушились на него. Он встал, увидел двух других и подошел к ним:

— Что делать, ребята?

Он смотрел на Штеренбогена — всегда веселого человека, остряка, который сейчас насупился, приумолк, на небольшого, с мальчишеским выражением лица Пельника, что молодецким здоровьем не отличался, зато в проворстве рук с ним никто не мог поспорить: двести бомбочек ввернет в кассеты и провожает самолет на штурмовку. А фронт рядом, не успеет Пельник оглянуться — летчик вернулся обратно, и ловкие руки ввинчивают новые двести бомб. Бывало, в сутки до десяти вылетов, вот и посчитай, сколько бомб проходило через его ловкие руки...

Еще два дня назад они, как обычно, снаряжали самолеты на штурмовку с верой, что Севастополь выстоит и победит. К вечеру им зачитали приказ об оставлении Севастополя и о том, что все имущество нужно уничтожить. Проводив самолеты на Большую землю, они начали небывалый аврал. Над аэродромом грохотали взрывы. Не от вражеских бомб и снарядов. Уничтожались остатки боеприпасов и все ценности, которыми не должен воспользоваться противник. Уцелела одна-единственная полуторка.

Молодой шофер с вихрастым чубом, загорелым лицом, на котором сверкали белые зубы, уроженец Севастополя, не зная устали, носился по фронтовой дороге к крутому отвесному берегу, сбрасывая в море все, что не успели подорвать. Люди дивились выдержке и терпению парня, а он крутил баранку, летая вихрем туда и обратно, туда и обратно...

Наконец все, что могло представить ценность, подорвали или похоронили в море. Осталась полуторка. Шофер подогнал ее к обрыву, включил скорость, сам ловко выскочил из кабины. Машина полетела вниз, парень проводил ее взглядом. И тут его лицо перекосилось болью, из уст вырвался крик: «Про-

щай, Севастополь!» Он раскинул руки и вслед за грузовиком ласточкой бросился в море. Все произошло так неожиданно и быстро, что люди опешили и только в следующее мгновение, подбежав к обрыву, увидели: там, внизу, над телом молодого паренька сомкнулись волны.

Началось поспешное отступление. Трое друзей в надежде уйти с последними катерами держались вместе. Путь от аэродрома до причалов Казачьей бухты не так уж далек. Но сейчас земля дыбилась, взрывы бомб и снарядов сливались воедино; издали доносилась гулкая дробь немецких автоматчиков.

В пыльных, замасленных комбинезонах трое авиаторов пробирались к Казачьей бухте. Рядом с ними шли другие, совсем незнакомые бойцы, матросы. Они тоже отступали, при близких взрывах снарядов падали, поднимались и продолжали свой нелегкий путь.

В такие минуты хотелось быть ближе к товарищу, знать, что он рядом. Это придавало уверенность, а вместе с тем каждый разрыв снаряда уносил десятки жизней. На минуту задержавшись, Михаил Штеренбоген сказал:

— Ребята, обидно так по-глупому отдать концы. Давайте ловчее, бежим в одиночку. Иначе не видать нам причала...

...Они снова встретились в воронке от снаряда крупного калибра. Молча лежали, притаившись, пока земля дрожала от близких взрывов, а когда утихло, старшина Белый отряхнулся, вытер потный лоб и спросил:

— Что дальше, братва?

— Вперед, к причалу, — откликнулся Штеренбоген.

— Другого пути нет, — подтвердил молчаливый Пельник.

Они пробирались от камня к камню, от куста к кусту. Впереди вздымалась сплошная стена пыли, и тогда они теряли друг друга. Пыль оседала, и снова различались знакомые фигуры.

Подошли к высокому склону. Открылась панорама бухты. Сотни людей толпились на берегу. Два катера — два «морских охотника» не могли принять всех жаждущих ухватиться за эту последнюю соломинку. Оттуда неслись крики, ругань и даже выстрелы...

Напрасно командиры катеров метались по палубам, требуя,

увещевая, пытаюсь навести элементарный порядок. Люди ни с чем не считались, прыгали на борт, и маленькие кораблики все больше оседали в воду.

— Пойдем и мы, что ли? — неуверенно предложил Пельник.

Белый махнул рукой:

— Только нас там не хватало!

Заурчали моторы, катера вздрогнули, зашевелились, а люди все лезли и лезли, хватаясь за бортовую обшивку, повисая над водой. И случилось неизбежное: перегруженные катера потеряли плавучесть и медленно оседали на грунт.

А тут разразился страшный огневой налет. Сначала несколько пристрелочных снарядов легло недалеко от причалов, и за ними обрушился настоящий огненный смерч. Снаряды взрывались впереди, сзади, по сторонам. Они рвались на земле и в воде.

Трое лежали, припав к земле. Сквозь разрывы до них доносился гул моторов катеров, откуда пассажиры бросились врассыпную, а катера тем временем снимались с мели и выходили на рейд.

Огневой налет кончился так же внезапно, как и возник.

Друзья поднялись и молча стояли на берегу, прекрасно понимая, что для них есть только один путь — в море. Но катера ушли и маячили далекими точками. Других кораблей нет и, возможно, не будет. Разве что броситься в море?! Все равно далеко не уплывешь, силы быстро оставят, захлебнешься. Здесь оставаться — на верную гибель, за спиной слышится стрельба, она нарастает. И, может быть, по привычке, выработавшейся у старшины Михаила Белого — держать бразды правления в своих руках и, если нужно, продиктовать свое решение, он показал на маяк и сказал:

— Там морской наблюдательный пост. Я бывал не раз, видел шлюпки, катера. Может, на наше счастье застряла какая-нибудь посудина.

Цепочкой пробирались они вдоль берега, зная о минах, которые могут встретиться на пути, осторожно ступая на гальку и песок. Они торопились, не чувствуя усталости, точно ноги сами несли их все дальше и дальше от опасности. До маяка

оставались десятки метров, когда ослепила новая вспышка и послышался небывалой силы взрыв.

— Что бы это такое, ребята? — спросил Пельник.

Старшина оглянулся:

— Наши подорвали тридцать пятую батарею и тоже отходят...

Тридцать пятая батарея! Последний рубеж обороны больше не существует...

Они торопливо шли дальше по самой кромке берега: впереди Штеренбоген, за ним Белый и Пельник.

Крутой обрывистый берег нависал над головой. Вот и место, где сбрасывали в море запасные части от самолетов, а потом полетела машина и ее неумолимый водитель, для которого, должно быть, весь смысл жизни заключался в защите родного города.

Они пробирались дальше, через горы ящиков от мин и снарядов, через гранитные валуны и скоро достигли маяка. Ходили вокруг, искали какую-нибудь шлюпку. Увы, все плавучие средства теперь превратились в обломки, щепки, мусор...

Они умаялись, во рту пересохло и больше всего хотелось пить, а на берегу моря не было и капли пресной воды. Жажда томила, ни о чем, кроме воды, не хотелось думать. Им казалось, что где-то поблизости есть колодец. Обшарили весь дворик, колодца так и не нашли. Зато попался на глаза бензиновый движок с радиатором водяного охлаждения.

— Тут наверняка есть водица, — сказал сметливый Штеренбоген и протянул руку к кранику. Краник заржавел и не поворачивался. Михаил ударил железкой, и краник открылся. Пельник, подставив фляжку, терпеливо сидел на корточках. Только зря. Остались считанные капли воды; через несколько минут он встал, чертыхнулся и плюнул на всю эту затею. Даже смочить губы не удалось.

Тем временем совсем стемнело, пронесли тучи, выглянула луна, море озарилось голубым светом и Белый увидел какой-то странный предмет, болтающийся на воде.

— Шлюпка! — Он стал быстро раздеваться. — Я попробую пригнать ее к берегу.

В одних трусах он с разбега бросился в воду и поплыл. Друзья следили за каждым взмахом его сильных рук, еще толком не зная, шлюпка это или обломок дерева с какого-нибудь потопленного корабля.

Скоро донесся голос Белого:

— Шлюпка-а...

Друзья обрадовались, зашевелились, Михаил Штеренбоген разделся и поплыл ему на помощь.

Но когда шлюпку вытащили на берег, все были разочарованы: в днище зияла пробоина, у самого форштевня вырваны две доски. Одним словом, не шлюпка, а разбитое корыто...

— Что ж делать, и это счастье. Возьмемся за ремонт, — так решил Белый.

Начались поиски древесины, старых досок, пакли, всего, что могло пригодиться для заделки пробоины.

Ночь подгоняла. Темнота — единственное спасение. Затишье давало возможность сосредоточиться. Они знали: как только начнет светать, трудно будет отплыть от берега, их легко и просто обнаружат, полоснут одной пулеметной очередью и — крышка.

А пока землю и море окутывала густая завеса ночи — надо успеть. Эта мысль не оставляла ни на минуту.

Все, что удалось найти в дворике вокруг маяка — осколки древесины, просмоленные доски, пакля — все было пущено в дело. Среди щепок обнаружили и добротные весла.

И очень скоро шлюпка раскачивалась на воде и друзья размещались в ней, готовясь к далекому плаванию.

Рисунок Т. Ксенофонтова
из журнала "Костер"

Старшина Белый взмахнул веслами, шлюпка на несколько метров подалась вперед...

В это время за кормой что-то начало хлюпать, из темноты донесся хриплый голос:

— Подождите, я с вами, моряки!

И, догнав шлюпку, неизвестный человек бросил свой вещевой мешок, а затем, подхваченный сильными руками, забрался и сел на банку.

— Ты откуда? — спросил старшина.

— Из пехоты, с частями прикрытия отступал, попал в эту чертову заварушку, еле жив остался. Дай, думаю, побегу к маяку, может, кто из наших остался, захватят...

— Полезай в корму, а то грести тяжело, — сказал Белый.

— Сейчас, браток, перелезу.

Солдат перебрался в корму, лица его не было видно, и лишь по слабо вздрагивающему голосу можно было понять, что и он тоже хватил горя.

Над ними было бархатистое небо, усеянное звездами. Вдоль всего побережья сверкали вспышки немецких орудий и время от времени вырывались каскады трассирующих пуль.

К счастью, луна спряталась за облаками и шлюпка укрылась во мраке. Зато четверо находившихся в ней все видели: орудийные вспышки, луч немецкого прожектора, нервно прощупывающий берег. Доносились крики людей, метавшихся на берегу в поисках спасения. На что они могли рассчитывать, если корабли оставили Севастополь, ушли последние два катера и только подводные лодки должны быть где-то далеко на рейде, чтобы принять всех, кто сможет до них добраться.

Впрочем, четверке бойцов это и в голову не приходило, они были счастливы, что нашли шлюпку, и надеялись только на самих себя.

Белый и Пельник сидели на веслах. С каждым новым рывком уходили в море, дальше от опасности. Им казалось, что она подстерегает только здесь, у берега, а оторвись они от мыса Феолент — и все будет намного проще.

— Ребята! Открылась течь, вода поступает! — сообщил Белый.

— Ничего, сейчас мы с ней справимся, — откликнулся Штеренбоген.

И пока двое гребли, двое других — Штеренбоген и солдат Георгий Селиванов — действовали вовсю, откачивая воду за борт.

Штеренбоген, занятый своим делом, наклонился за борт и в темноте заметил покачивающийся шар.

— Мина! Весла табань!

И только они успели осушить весла, как действительно по правому борту, совсем недалеко от шлюпки проплыло раскачиваемое волной черное рогатое чудовище...

Гребцы нажимали на весла, а вода просачивалась в шлюпку, и она тяжелела, теряла плавучесть и ходкость.

Выбившись из сил, Михаил Белый бросил весла и сплунул от досады:

— Ни черта не тянет! Придется, ребята, вернуться обратно, найти какое-нибудь укромное место, проконопатить корпус и в ночь уходить. А то ведь если утро застанет нас на воде, с берега шарахнут из пулемета и поминай как звали...

Все молчали, глядя с опаской в сторону берега: там по-прежнему вспыхивали зарницы, сверкали огненные трассы, метались прожекторы. Только вернись в это пекло, обратно не вырвешься. Все способные сопротивляться наверняка ушли из Севастополя. Тридцать пятую батарею подорвали. Значит, остались небольшие разрозненные отряды и одиночки, вроде нас грешных...

Так думали четверо в шлюпке, уже не двигавшейся вперед, а лениво переваливавшейся с волны на волну.

Показалась луна, и в серебристой дорожке, протянувшейся вдаль к горизонту, Пельник заметил какой-то неясный предмет, раскачивающийся на воде, дрейфующий в сторону открытого моря.

— Ребята! Смотрите, что там такое?

Белый взялся за весла и стал усиленно гребсти.

— Братцы, шестерка! — не унимался Пельник.

— Не каркай раньше времени, — осердился старшина. Они подплыли и убедились, что впрямь счастье улыбнулось. Вполне исправная шестерка, сухая, с уключинами, веслами, мачтой

и даже куском парусины, висевшим на мачте, раскачивалась на воде. Должно быть, кто-то добрался до кораблей, а потом бросил шлюпку на волю волн. Пусть плывет, может, кому и пригодится. И она действительно пришлась как нельзя кстати.

Захватив свой несложный скарб, они перелезли в новую шлюпку.

Старшина протянул Пельнику самую большую ценность — наган:

— На, спрячь!

— Охотиться будем?

— Возможно! — Белый обвел своих друзей взглядом и предупредил: — Только полностью обойму не разряжать.

— Это почему же?

— Почему? — Белый не нашелся, что сразу ответить. — А как ты сам думаешь, почему?

Пельник развел руками.

— Не знаю.

— То-то и есть. Четыре патрона пусть останутся. Так, на всякий случай...

Пельник больше ни о чем не спрашивал, погладил рукоятку нагана, завернул его в тряпку и бережно положил под решетку на дне, которая называется рыбиной.

Теперь они оттолкнулись от своего разбитого корыта и усиленно гребли в сторону открытого моря. Одна мысль, что берег остался там, вдали, и больше нет надобности к нему возвращаться, давала им силы и уверенность.

Короткая летняя ночь была на исходе. Звезды таяли в вышине, темнота рассеивалась и на востоке обозначилась пока слабая алая полоса. Над водой висела туманная дымка. И хотелось одного: чтобы туман продержался подольше, скрывая шестерку от немцев, уже вовсю орудовавших на берегу.

Довольно быстро занимался рассвет, а туман упорно держался низко над водой, и шлюпка, как будто под молочным колпаком, все больше удалялась от берега.

Но вот косые лучи солнца прорвались сквозь туманную грядку, она стала редеть, уступая место прозрачной голубизне воздуха. При свете наступающего дня старшина осматривал

шлюпку и думал: «Да, нам здорово повезло. Тут корпус крепкий, надежный. К тому же полное оснащение. На таком суденышке не страшно пуститься в открытое море».

Тем временем туман окончательно растаял, и вдалеке показался берег: черные дымы по-прежнему вились над Севастополем, и доносился неясный гул.

В синеве, распростершейся над морем, тоже было неспокойно. Небо гудело, рокотало и словно пело на разные голоса. И когда появился разведчик «хейншель-126», Белый понял: такой визит ничего хорошего не сулит. Он скомандовал: «Под банки!» Все четверо упали на дно, прикрылись парусиной, — пусть думает, что это пустая шлюпка, брошенная кем-то и болтающаяся на волнах.

Самолет покружил, покружил и ушел в сторону берега.

А гребцы поднялись, заняли свои места и налегли на весла. Впрочем, потом самолеты несколько раз появлялись над шлюпкой и четверо повторяли свой маневр, прятались под банками, лежали под брезентом не шевелясь, через несколько минут вылезали и занимали свои места.

В эти часы было не до еды и даже не до питья, хотя жажда мучила все больше. Попеременно садились на весла и налегали изо всех сил, понимая, что надо уходить дальше. Глаза были по-прежнему обращены к далекому извилистому берегу, который почти утонул в мареве, как будто затерялся, только белая головка Херсонесского маяка поднималась над водой, напоминая о Севастополе.

К вечеру Михаил Белый бросил грести, окинул усталым взглядом товарищей и понял, что они тоже вымотались, так же голодны, страдают от жажды.

— У кого что из еды есть, выкладывай! — объявил старшина. И первым потянулся к своему вещевому мешку, вытряхнул на рыбину все содержимое и свою главную ценность — банку со свиной тушенкой. Рядом с ней Штеренбоген положил пачку галет, Пельник протянул горбушку хлеба и еще сухари. Солдат Георгий Селиванов, или просто Жора, как стали его называть друзья, поставил фляжку.

— С водой? — спросил Белый.

Тот кивнул.

— Ну, значит, живем...

Теперь трое лежали на банках и ждали приглашения неизвестно к чему: завтраку, обеду или ужину...

— Пока откроем банку с тушенкой, — сказал старшина. — Каждому по бутерброду и два глотка воды.

Никто не возражал. Малюсенькие ломтики хлеба с тушенкой казались драгоценной находкой, хотя вся эта еда была, что называется, на один зуб и после нее только разыгрывался аппетит и совершенно неудержимая жажда.

Старшина подносил каждому фляжку со словами: «Не больше двух глотков», а хотелось вырвать ее и сосать все до последней капли...

Штеренбоген лежал, закинув голову, и с тоской смотрел в небо:

— Эх, не ценили мы жизни, — в раздумье говорил он. — Всего было вдоволь, приходи в магазин, какие угодно продукты на прилавке, а человек устроен так, — всегда ему чего-то не хватает... Сейчас бы шницелек с жареной картошечкой, — прищелкнув языком, добавил он.

— А я бы уши испробовал, — подхватил Пельник.

Тут послышался сердитый окрик старшины:

— Прекратить разговоры о жратве!

Штеренбоген сделал уморительную гримасу:

— Товарищ старшина, не надо волноваться. Помните, у Пушкина есть такие строчки: «Мечты кипят, в уме, подавленном тоской, теснится тяжких дум избыток». Так это наши мечты кипят насчет того, чтобы закусить. Понятно?!

Старшина бросил сердитый взгляд:

— Кипите на здоровье, все равно никакой еды сегодня не будет.

— Спасибо за ценное сообщение, — с ухмылкой отозвался Штеренбоген и смолк.

Пока закусывали и спорили, шестерку развернуло и понесло еще быстрее, а грести уже не было сил. Что тут делать?

— Поднять парус! Благо дует попутный ветерок, — сказал старшина.

Подняли мачту, с обеих сторон укрепили ее вантами. Из бесформенного куска парусины не мог получиться парус по всем правилам. Один край парусины прикрепили к топ-мачте, другой держали руками...

Шестерку понесло в сторону моря. Она скользила по волнам, как на крыльях.

Еще у всех жила слабая надежда: авось появятся наши корабли, заметят и примут на борт.

Но море было пустынным, ни одного дымка; даже чайки не рисковали отрываться так далеко от берегов. И только эти четверо в шлюпке неслись под парусом навстречу своей загадочной судьбе.

Старшина Белый понимал, что такое путешествие не на день и не на два. Даже если все сложится хорошо, то и тогда путь до кавказских берегов займет неделю — не меньше. А ведь война, не знаешь, что приключится через минуту...

А если это действительно так, то нужна настоящая корабельная организация. И он разделил свой маленький экипаж на вахты: двое отдыхают. Если можно назвать отдыхом лежание на банках под палящим солнцем и непрерывную болтанку, при которой катишься с одного борта на другой. Двое легли в вахту.

Так они шли на своем утлом суденышке, измученные, голодные, мечтающие о крошке хлеба и нескольких глотках пресной воды.

Шли один день...

Шли второй...

Шли третий...

Шли четвертый...

Днем определялись по солнцу, ночью по Полярной звезде. Конечно, все делалось на глаз, приблизительно. Когда поднималось солнце и заступала очередная вахта, двое мореплавателей, заняв места под парусиной, натянутой на мачте, и у руля,

первым долгом обращали свой взгляд в небо, определялись — нередко затевался спор и слышались взаимные упреки.

И был пятый день пути, изнурительно долгий, казавшийся равным целой жизни. Теперь уже никто не питал надежды на встречу со своими кораблями: кругом билось море и только море, широкое и однообразное. Оно бесконечно утомляло этим непрерывным бегом волн и непрекращающейся болтанкой, затуманивающей сознание и вызывающей чувство безысходной тоски.

Пельник с Селивановым умаялись, неся вахту под раскаленным солнцем, чувствовали себя, как на жаровне, ни к чему нельзя было прикоснуться, даже дерево и то обжигало. Сидели в трусах, Пельник на руле, Селиванов у паруса. И ни голод, ни жажда не доставляли им таких страданий, как этот огненный шар, непрерывно висевший над головой. В первые дни плавания их кожа краснела, трескалась и сползала чешуей, теперь она продубилась, стала желто-шоколадной.

С трудом коротали они дневные часы, мечтая о тучах, дожде, Суре, о чем угодно, лишь бы унялось небесное светло и не было бы испепеляющей жары, способной довести человека до полного отчаяния. Люди мучились, а оно, это солнце, неторопливо обходило шлюпку, и только вдоволь поиздевавшись над мореплавателями, изморившееся, усталое после дневных трудов, медленно погружалось в море, проливая на воду красноватые отблески.

Сумерки быстро переходили в темноту. Ночь приносила свежесть, прохладу, но и ночью было не до отдыха. Как раз в темноте могут быть всякие неожиданности. И нервы опять напрягались, обострялись слух и зрение, сердце билось в тревоге...

Маленький глазастый Пельник, сидя в корме, не выпускал из рук рулевое весло, прислушивался к монотонному рокоту волн.

— Смотри, что это? — окликнул он Селиванова, сидевшего под парусом.

Тот ничего не ответил: в его солдатской жизни подобного видеть не довелось.

Между тем, чудовище в самом центре лунной дорожки всплывало, сначала ясно вырисовался пологий хребет, а еще через несколько мгновений показалось все его длинное узкое тело, и теперь Пельник понял, что это самая обыкновенная подводная лодка с выступающей горбылем рубкой. Ее появление было столь неожиданным, что он в первую минуту растерялся, не знал, что делать, и стал окликать своих товарищей. Слабые, обессиленные, они медленно поднимали головы. А увидев подводную лодку — насторожились, кто-то приглушенно спросил:

— Наша или немецкая?

— Кто ее знает... — ответил Белый и бросился спускать парус.

«Ох, если бы наша! Тогда конец страданиям». Но вот откинулся рубочный люк и на палубе, как тени, мелькнули силуэты подводников, проскользнули к пушке, начали ее проворачивать, и ветер донес лающую немецкую речь.

«Скорее уходить!» — вот мысль, которая сейчас владела Белым и его спутниками. Они перебросили парус на другой борт и, резко изменив курс, стали удаляться от опасности, благо шлюпка находилась в затененной стороне и немцы не могли ее увидеть, а наши мореплаватели долго наблюдали за ней, пока она снова не скрылась в глубине.

Встреча насторожила. И хотя четверо голодных суток в море изнурили людей, подточили их силы, а все же ночное событие не прошло даром. С восходом солнца старшина Белый принял от Пельника вахту, выдал всем по последней галете, из баклажки высосали остатки пресной воды и тут сам собой возник разговор, как быть дальше, чтобы не свалил голод и не испепелила жара...

Михаил Штеренбоген, еще совсем недавно раззадоривавший всех воспоминаниями о шницелях с жареной картошечкой, теперь вдруг выдвинул новую идею:

— У нас есть ремни. Они из кожи. А кожу можно есть... Слыхали?..

— Попробуй укуси... — недоверчиво отозвался Жора Селиванов.

— Конечно, так не укусишь. А если размочить в соленой воде, совсем другое дело.

— Как ты будешь его мочить?

— Очень просто. Закрепим шкертиком, выбросим за борт и пусть тянется за шлюпкой. Через сутки как миленький размокнет... — убеждал Штеренбоген.

— Ну, ладно, попробуем, — согласился старшина. — А вот как утолять жажду, уму непостижимо. О пресной воде и думать не приходится, хотя бы морскую воду остужать и то счастье.

Тут и сам Штеренбоген призадумался: «Холодная вода на порядочной глубине, — казалось, сам с собой рассуждал он. — Значит, надо ее добыть. Как же это сделать?»

«Да, как это сделать?» — думали все трое.

Штеренбоген был поглощен размышлениями. И вдруг его лицо озарилось: «Придумал! Нашел!»

Михаил взял алюминиевую фляжку, отвинтил пробку, понюхал:

— Спиртом пахнет, совсем здорово!

Привязал к фляжке металлическую уключину и на пеньковом конце выбросил ее за борт. Фляжка скрылась, ушла на глубину. Через несколько минут он потянул фляжку обратно, припал губами к горлышку, пропустил несколько глотков воды, добытых на глубине, и замотал головой. Вода была приторно-теплой, соль оседала на языке и даже запах спирта не мог побороть тошнотворного ощущения.

— Зачерпывает воду с поверхности, проклятая... — в сердцах ругнулся Михаил. Лицо его нахмурилось, между бровями обозначились две резкие складки. Он мучительно думал, что же еще сделать? Неужели так они и будут голодать, да к тому же давиться омерзительно-теплым, соленым раствором? Глаза бы не глядели на это море.

Ему пришла в голову еще одна идея, но прежде чем объявить о ней во всеуслышание, он решил произвести маленький эксперимент: все было, как и в первый раз, только к пробке он привязал бечевку, фляжка ушла на большую глубину, тогда он дернул пробку, и фляжка медленно заполнилась водой. Теперь

она быстро поднималась вверх. Михаил, прикоснувшись к горлышку, воскликнул:

— Теперь то, что нужно! Прошу...

Все по очереди пригубили воду, добытую с двадцатипяти-метровой глубины, и понизились смекалке своего товарища.

— Живем! — обрадовался старшина. — Холодненькая и спиртягой отдает...

— Ну, насчет спиртяги ты загнул малость, — заметил Штеренбоген, хотя сам прекрасно понимал, что эти слова сказаны старшиной для поддержания бодрости.

Во всяком случае, выход из положения, кажется, был найден. Несколько раз в день этот незамысловатый груз уходил на глубину, одним рывком бечевки пробка выдергивалась, вода, не прогретая солнцем, заполняла сосуд, и тогда фляга проворно поднималась вверх.

Люди с жадностью втягивали глоток за глотком, и хотя бы на время пропадала сухость во рту. Ну, а что есть? Как поддерживать силы, тающие с каждым днем и часом?

Как ни старался экономить еду усердный старшина, а тушенка кончилась на вторые сутки: к исходу четвертого дня были съедены сухари и галеты.

И теперь усиливалось мучительное чувство голода, затухало сознание; если друзья охотно говорили между собой, то, главным образом, о еде, вспоминая обильные и вкусные обе-ды на аэродроме.

Штеренбоген терпеливо слушал, а под конец вставил свое острое словцо:

— От поэзии к прозе один шаг. Давайте-ка наш ремешок испробуем.

И все прекрасные воспоминания ушли разом, а перед глазами на банке лежал матросский ремень, целые сутки волочившийся за шлюпкой, и длинные худые пальцы Штеренбогена, сжимавшие нож, с усилием разрезали его на мелкие кусочки. Все с вожделием и надеждой смотрели на черные квадратики. Казалось, только они и могут спасти от голодной смерти.

Как положено, старшина первый снимал пробу. Он взял самый маленький квадратик и, поморщившись, начал жевать.

Потом к новой пище приложились все остальные. Они сидели и лежали, их челюсти работали, как жернова, но просоленная кожа, хотя и казалась мягкой, эластичной, однако ничем не отличалась от резины; ее было не разжевать... И после долгих усилий все выплевывали ее за борт.

Никто на это не сетовал, понимали, что ни старшина, ни Штеренбоген ни при чем. Просто не везет. Люди в первые месяцы войны выходили из окружения и рассказывали, будто ремни были их единственной пищей. Но то армейские ремни. А тут флотские, возможно, из особой кожи, крепче резины.

Начинался шестой день. Михаил Штеренбоген нес привычную вахту, сидел, управляя парусом, и жаловался старшине на то, что шлюпка встречает сильное боковое сопротивление. Когда нужно было совершать поворот, он громко и отчетливо подавал себе команду: «Поворот оверштаг!», «Фока-шкот травить». Это, должно быть, его забавляло, потому что никаких фокаш котов и кливер-шкотов здесь не было и в помине. Просто на мачте висел кусок парусины и все мастерство заключалось в том, чтобы при сильном порывистом ветре удержать парусину, не опрокинуться.

Он сидел на банке в трусах, тельняшке, изнывая от непо-сильной жары, время от времени ложился грудью на борт и спускал голову в воду. Становилось прохладно, а через полторы-две минуты лицо опять обжигало солнце, волосы склеивались и твердели. Тело ныло в болезненной истоме. Опять тянуло к воде. И вот, уже не первый раз перекинувшись через борт, протянув руки вперед, Штеренбоген совершенно непро-извольно схватил и зажал в ладонях что-то скользкое, студе-нистое. Он выбросил свою находку на банку и крикнул:

— Ребята, медуза!

Старшина, сидевший на руле, встал, наклонился: прозрач-ная слизистая масса, похожая на студень, лежала на банке. Двое подвахтенных тоже вытянули головы.

— А что если ее испробовать?! Ведь морское животное, в ней есть какие-то соки жизни, — сказал Штеренбоген и во-просительно посмотрел на старшину. Тот поддержал:

— Конечно, давай, пробуй!

Недолго думая, Штеренбоген разрубил медузу на четыре части и, не дожидаясь, пока его товарищи поднимутся и приложатся к неизведанному блюду, он первый откусил кусок слизи, поморщился и выплюнул за борт. Было на редкость противное ощущение. Однако сознание того, что это единственно возможная еда, заставило его побороть отвращение. Недолго думая, он снял тельняшку и, зажав в ней медузу, начал ее высасывать...

— Теперь порядок... — сообщил он товарищам.

Остальные тоже потянулись к тельняшке.

Все одобрительно отзывались о еде, добытой Штеренбогеном, и не прочь были еще и еще отвесть сок медузы.

— Здорово ты, Миша, придумал, — сказал старшина, проглотив положенную ему порцию. — Только аппетит разбудил. Как мы будем добывать ее, подлую?!

Штеренбоген выдвинул свой план:

— В носу будет сидеть наблюдатель и смотреть вперед. Как увидит медузу, громко докладывает и кто-то бросается за борт.

Старшина Белый выразил опасение:

— А шлюпка уйдет вперед, и мы из-за этой проклятой медузы кого-нибудь недосчитаемся...

— Надо сразу спускать парус и стопорить ход, — пояснил Штеренбоген.

Все пришли к выводу, что стоит попытаться счастье...

Жора Селиванов, как самый слабый, был назначен наблюдателем. Его голова чуть возвышалась над носовой частью шлюпки, а глаза напряженно смотрели вперед.

Михаил Белый вызвался быть дежурным ловцом медуз. Он сидел в одних трусах, готовый каждую секунду броситься в море.

Проходили долгие часы, а медуз будто и не бывало. Выяснилось, что действительно их не так много вдали от берега на большой глубине. Но вахту несли настойчиво, терпеливо.

И когда слабый голос Селиванова известил, что слева по борту появилась медуза, Белый прыгнул в воду и помчался к ней. Он схватил ее, зажал в кулак, а когда его подняли в шлюпку, в кулаке осталась маленькая горсть слизи. Стало очевидно, что такой способ охоты за медузами ничего не дает.

— Сачок бы... — с грустью заметил старшина.

— «Мечты, мечты, где ваша сладость...» — тяжело вздохнул Штеренбоген. Он снял с себя тельняшку, разложил на банке и долго над ней колдовал, завязывал какие-то узлы. Наконец поднял тельняшку высоко над головой и объявил:

— Вот это и есть сачок!

Все увидели, что рукава и подол тельняшки стянуты узлами, осталось свободным только головное отверстие.

— Жора! Смотри в оба! — внушительно предупредил он, обращаясь к Селиванову. — Как только увидишь медузу — сигнализируй, я бросаюсь за борт с тельняшкой и загоняю ее в этот полосатый сачок.

— Есть! — откликнулся Селиванов.

Рябило. Жора протирал воспаленные от солнца глаза и опять смотрел, смотрел без усталости, понимая, что коли пропустит медузу — он в ответе перед товарищами.

Стало вечереть, над морем полыхал огненно-красный шар, уходящий в воду. В это время Жора подстерег плывшую навстречу большую прозрачную медузу, похожую на мыльный пузырь, и крикнул. В ту же самую минуту Штеренбоген метнулся в воду и поплыл, в руке была зажата тельняшка. Медуза очень скоро оказалась за кормой и довольно быстро удалялась.

— Давай, жми! — кричали ему из шлюпки.

Штеренбоген взмахивал руками, догоняя ее. Он изловчился, забросив сачок вперед, накрыл медузу и теперь беспокоился, чтобы она не выскользнула из мешка, а все находившиеся в шлюпке следили за ним, тревожась, что шлюпка ушла слишком далеко и как бы единоборство с медузой не привело к несчастью. Был сделан резкий поворот, ветер подхватил шлюпку и понес, но никак не удавалось славировать и подой-

ти вплотную к Штеренбогену. А между тем, было ясно, что он уже выбился из сил и нуждается в помощи, хотя заветный сачок держит в зубах, боится выпустить...

Тогда Пельник схватил спасательный круг и с размаху бросил в воду. Штеренбоген схватился за него. Так, вместе с кругом и сачком в зубах, его подняли в шлюпку.

Всем стало ясно, что только счастливый случай помог спасти товарища, и больше решили так рискованно не охотиться. Постановили сидеть дежурному пловцу, опоясанному канатом, и как только он бросится, травить трос и не отпускать человека далеко от шлюпки...

Что же касается медузы, то ее делили на равные части и высасывали через материю, запивая холодной водой.

И так от восхода до захода солнца по несколько раз в день трое пловцов, за исключением наблюдателя Жоры, прыгали за борт и возвращались с ценной добычей.

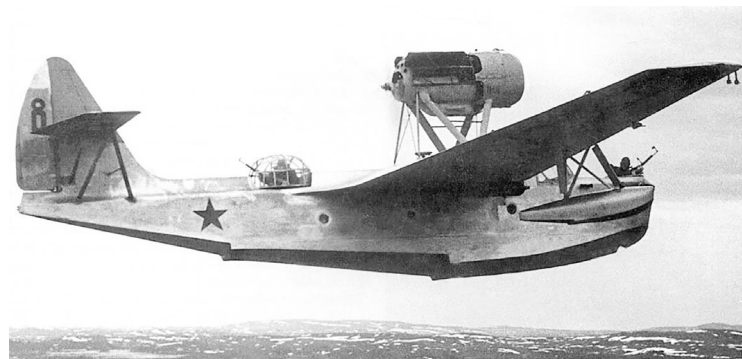
Пошли восьмые сутки. Утром, как было заведено, сменилась вахта. Двое членов экипажа, усталые после ночного бдения, подложили под голову вещевые мешки и лежали на рыбине в тени от паруса. Двое других заступили на вахту. Кругом билось все то же соленое море. И безоблачная синева неба распростерлась над водой. Все четверо настроились на этот рокошующий шум моря и не могли сразу отличить посторонний звук. Только когда темная точка вынырнула откуда-то из-за горизонта, все разом воскликнули:

— Самолет! — хотя не знали, чей самолет — наш или немецкий.

Старшина приказал прятаться под банки и сам залез туда. С опаской выглядывая оттуда, он рассматривал самолет, который держал курс прямо на шлюпку, и опознал в нем амфибию «МБР-2» — морской ближний разведчик на поплавках, с красными звездами на фюзеляже.

— Ребята! Наши летят! — крикнул он что было силы. Все вскочили и замахали руками, давая понять, что это свои — севастопольские...

Самолет снизился и пролетел над шлюпкой. Теперь особенно ясно выступали большие красные звезды на плоскостях;

Самолет-амфибия МБР-2. Фото из открытых интернет-источников

они казались живым приветом с родной земли, которая, вероятно, совсем близка для крылатых посланцев и очень далека для этих четырех мореходов, измученных зноем и истощенных голодовкой.

Самолет развернулся и летел почти на брешем. Один из летчиков высунулся из кабины и сначала показывал почем-то рукой на запад. Непонятно, почему? Ведь шлюпка должна идти на восток... А на следующем заходе держал в руках фотокамеру и, должно быть, снимал.

— Ребята! Помощь пришла! — радовался старшина, и когда самолет, сделав прощальный круг, помахал крыльями и скрылся.

Белый сказал:

— Раз они нас нашли и сфотографировали, значит, скоро опять прилетят, будем ждать в этом районе. Паруса долой!

Вахтенные спустили парусину, и шлюпка легла в дрейф, мерно покачиваясь на волнах. Все лежали в блаженном состоянии, устремив глаза к небу и чутко прислушиваясь к привычным шумам моря, ожидая, что вот-вот самолет вернется обратно, сядет на воду и их спасут.

Время перевалило за полдень и катилось к вечеру. Самолет не возвращался.

А на море свежело, подул северо-западный ветер — верный предвестник непогоды, разгулялась волна, дальше дрейфовать

было опасно. Опять подняли парус и легли курсом на восток.

Ветер крепчал, рвал парусину, шлюпка сделалась неуправляемой и могла каждую секунду перевернуться.

Старшина спустил парус, приказал Пельнику занять место рулевого и объявил аврал, во время которого все трое, за исключением Пельника, крепили по штормовому предметы, находившиеся в шлюпке. Тут еще заспорили, как лучше держаться — против волны или по волне. Сошлись на том, что по волне надежнее. Белый и Штеренбоген сели на весла, и началась схватка с морем, которой никто не мог ожидать в такую томяще-жаркую летнюю пору.

Перестало жечь солнце. Небо потемнело, и только пена ясно выделялась на гребне волн, обгонявших шлюпку.

Водяные валы подхватывали шестерку, проносили ее на своем горбу, швыряли вперед, в ярости откатывались за корму и звенели. Ветер и брызги хлестали Пельнику в лицо, трудно было управлять веслом и поминутно протирать веки, разьедаемые солью.

«Неужели не прилетят летчики? Ведь на них только и надежда...»

Очередной вал подхватил шлюпку и окатил Пельника с ног до головы. Он выругался, только никто его не слышал, потому что друзьям, сидевшим на веслах, было не легче.

Весло вырывалось из рук. Пельник ощущал в руках боль, ладони горели от мозолей и больше всего хотелось хотя бы на несколько минут дать рукам отдых. Он не тяготился больше ни голодом, ни жаждой. Одолевала безумная ломота в руках, ныла каждая косточка. И по-прежнему из головы не выходила мысль: прилетят летчики или нет? Если не прилетят, тогда конец! В темноте опрокинет и — прощай жизнь...

Сзади подкралась волна, ударила в корму, весло рвануло в сторону с такой силой, что Пельник упал грудью на борт. А весло не выпустил. Опираясь на него, поднялся и вскарабкался на свое место. На лице ныла ссадина. Но это было сущим пустяком по сравнению с опасностью, угрожавшей каждую секунду.

Пельник расставил широко ноги и, опираясь в планку над рыбиной, чувствовал себя крепко — даже руки не так ныли от боли.

«Бывает намного хуже. Люди, спасаясь с гибнущего корабля, по несколько суток болтаются на обломке дерева. Мы же как-никак на шестерке. Можем управлять, выгребать. Покуда весла в руках, еще не все потеряно. Не вечно же будет так лютовать. Чай, не осень, а самый разгар лета. Поштормит денек-другой и успокоится...»

Незаметно стало темнеть, и холод забирался под тельняшку. Пельник вытащил из-под банки суконную форменку, валившуюся там с самого начала путешествия, и натянул на себя.

Фигуры друзей, все время маячившие перед глазами, сейчас терялись, сливались со шлюпкой, и только по редкому скрипу уключин, доносившемуся вместе с рокотом волн, можно было понять, что Белый и Штеренбоген все еще держатся.

Неясное, смутное чувство одиночества охватывало Пельника, будто он остался один в схватке с морем. Иногда сквозь вой ветра слышался его хрипловатый голос:

— Эй, там, на веслах...

И так же глухо кто-то откликался:

— Есть на веслах!

А когда такое же тревожное состояние охватывало Белого и Штеренбогена, в темноте звучало:

— Пельник! Так держать!

— Есть так держать! — натужась, отвечал он.

Так и прошла эта ночь, а чуть рассвело, Пельник, сидевший с закрытыми глазами в состоянии полудремы, ощутил чье-то прикосновение. Открыл глаза и увидел старшину: лицо его было заросшим, худым, и серые глаза казались мутными, пьяными:

— Давай сменю тебя, перебирайся на весла! Пельник сделал попытку встать, а ноги не слушались, подгибались — он не мог подняться. Тогда Белый взял его за руку, и Пельник, уцепившись за борт, медленно перебрался вперед, к Штеренбогену, который вымок, замерз и еле-еле поводил веслом. При

появлении Пельника на его измученном лице пробилась слабая улыбка:

— Жив, курилка?!

— Кажется, жив. Впрочем, проверь, я ли это?..

Штеренбоген ущипнул друга:

— Ты! Подменить не успели... — И, облокотившись на весло, проговорил: — Слушай, сейчас бы горячего чайку, а потом забраться под теплое одеяло и спать, спать, спать.

— Я тоже больше всего в жизни хочу спать. Как ты думаешь, долго нас будет трепать?

— Суток двое, а может, и больше. Смотри, как разгулялась волна...

— Двое суток?! — с ужасом повторил Пельник и взялся за весло.

Штеренбоген оказался пророком. Его предсказания сбывались. На другой день штормило еще вовсю. А спустя сутки ветер стих, море успокоилось, дышало ровно, глубоко, как будто отдыхало после долгих волнений. На длинных пологих волнах мертвой зыби лениво покачивалась шестерка с четырьмя предельно вымотавшимися, обессиленными людьми. Только один из них, Пельник, нес вахту, вяло ворочал рулевое весло. Трое лежали под банками, сваленные усталостью, забывшиеся в глубоком сне...

Опять солнце набирало высоту, палило и обжигало огрубевшую кожу, пропитанную солью.

Пельник снял форменку, сунул ее под сиденье и, глядя на парусину, топорщившуюся в ногах, подумал: «Эх, жаль, совсем заштило, а то поднять бы парусок и полный вперед!»

«Сколько же суток мы в плавании?» — думал Пельник. Он пытался вспомнить, какие были события в первый и последующие дни, и неизбежно запутывался. По его подсчетам поход продолжался более десяти суток. Он удивлялся тому, что во время шторма желудок как будто онемел, в голову не приходила мысль о еде, а сейчас опять во рту пересохло и начинались муки голода. Он знал, что если обшарить шлюпку, ни одной крошки не найдешь, а все же хотелось протянуть руку к рюкзаку

и проверить, может, на счастье, там что-нибудь уцелело, хоть щепотка съестного. Только не знал Пельник, что рюкзак вместе с другими вещами смыло за борт.

Пельник глянул в воду: наверно, много тут рыбешки всякой... Сеть бы! Можно подкормиться и плыть еще столько же, а то совсем отощал, не в силах даже протянуть за борт руки с сачком и захватить медузу, проплывающую мимо...

Неожиданно он заметил какой-то странный предмет, находившийся в дрейфе.

Сперва он решил, что ему это показалось. Нет, не показалось — что-то чернело впереди. Он не тешил себя особыми надеждами, только хотелось, чтобы это был ящик с продовольствием или что-нибудь в этом роде...

— Ребята! Боевая тревога! — по возможности громче крикнул он. Никто на его зов не откликнулся, даже не поднял головы.

— Эй, поднимайтесь, — настоятельно повторил он и потрогал каждого рулевым веслом.

Белый и Штеренбоген едва открыли глаза, с усилием поднялись, глянули вперед — точно, что-то плавает, — обрадовались они и сели на весла. Ослабевшие руки еле гребли.

Всего двадцать или тридцать метров оставалось до этого таинственного предмета, чернеющего на воде. Но слишком уж тяжело приходилось выгребать, мускулы напрягались, руки ныли от боли.

Очнувшись и Жора, тоже поднял голову и, глянув за борт, с испугом произнес:

— Ребята! Мина!

Действительно, что-то круглое покачивалось на воде. Ясно только, что не деревянный ящик с продуктами. Теперь думалось, что, может, сама смерть там притаилась в ожидании своих жертв.

Несколько рывков веслами, и тот же Жора, не сводивший глаз с предмета, покачивающегося на воде, поспешил всех успокоить:

— Ребята, зря напугались, не мина, а бочка.

— Это мы еще посмотрим, — отозвался старшина. — Может, она начинена взрывчаткой. К ней надо с умом подгрести, чтобы не получилось удара.

Штеренбоген и Пельник оставили весла, навалились грудью на левый борт.

Рулевой мелко загребал веслом, шестерка была все ближе и ближе к бочке.

— Стоп! — крикнул Пельник, коснувшись руками металлического обода. — И точно, бочка! — подтвердил он. — Откуда она взялась и почему не тонет?!

— Понятно почему: в ней масло растительное, — высказал свое предположение Жора.

— А может, бензин или керосин, тоже на воде держится, — заспорил Штеренбоген.

Старшина предложил:

— Давайте втащим в шлюпку, а там видно будет...

Каждый подумал: авось ценная находка?! Если действительно она с растительным маслом, — тогда живем!

И вместе с этой надеждой появилась воля у людей, истощенных голодом, замученных штормом, терявших самые последние силы.

Они сплели концы, привязали к банкам и спустили петлю за борт. Сразу ничего не получилось: бочка сорвалась, но далеко не уплыла, на втором заходе она, будто живое существо, весело закатилась в шлюпку.

После долгого путешествия она утратила стальной цвет, позеленела, обросла травой, ракушками и походила на ископаемое, поднятое штормом с морских глубин. И только ее развернули вверх пробкой и открыли, как изнутри вырвался одурманивающий запах бензина, он быстро растекался над шлюпкой, а люди все еще не верили в свое невезение, каждый чуть ли не ползком добирался до пробки, нюхал и спешил прочь. Жаль было сил, потраченных на эту затею, к тому же, самых последних сил, вызванных к жизни надеждой.

Все четверо лежали на банках, устремив глаза в небесную синеву, окончательно сложенные, кажется, потерявшие веру в возможность своего спасения.

Шлюпка уже дрейфовала как попало, сидеть на корме и управлять веслом было не под силу. Даже самый отменный здоровяк старшина Белый растянулся на рыбине, уцепившись за борт шлюпки.

Сквозь узкую горловину бочки по-прежнему выбивался ядовитый запах бензиновых паров. Даже свежий морской воздух не мог их рассеять.

«Плохо дело, — подумал старшина. — Совсем плохо... Надыхаться ребята этой дряни, уснут и не проснутся. Надо спихать бочку за борт или она нас на тот свет отправит...»

Он сделал попытку подняться, но не смог, упал на решетку. Тогда он медленно и негромко проговорил:

— Ребята! Давайте за борт эту вонючую заразу... И, плотно опираясь руками о борт шлюпки, Белый встал, добрался до бочки и расстроился: куда-то подевалась пробка.

— Пробка у меня, — откликнулся Пельник.

Вместе со Штеренбогеном они тоже поднялись, помогли столкнуть бочку в воду и долгим сосредоточенным взглядом провожали ее, думая о том, что, может, где-нибудь в Черном море вот так же дрейфует моторное судно без горючего и бочка с бензином окажется самой драгоценной находкой.

Прошел еще один день, неизвестно какой — девятый, десятый или одиннадцатый, потому что счет времени был давно потерян. Никто не предполагал, что именно в это утро, когда отошавшие и больные люди будут лежать на банках, едва шевеля губами, к ним пожалуют гости.

Кто-то из четверки приподнялся и в изумлении медленно проговорил:

— Ребята, дельфины!

— Где? Где?

В шлюпке началось слабое движение. Все, как по команде, поднимались и удивленно смотрели на стаю дельфинов: те резвились, играли со своими детенышами, высывали за-

бавные острые мордочки, точно хотели заглянуть в шлюпку, узнать, что там за странные путешественники.

Пельник молча пробрался в кормовую часть, долго шарил под решеткой, извлек завернутый в тряпку наган, протянул Белому и сказал сиплым ослабевшим голосом:

— Бей, старшина!

Белый, должно быть, вовсе запомнил, что в самом начале плавания самолично сдал наган на хранение и теперь обрадовался, снял курок с предохранителя и прицелился в крупного дельфина, который оказался самым любопытным, подплыл близко к корме и обнажил гладкую, как будто отполированную, спину. Но вот беда, рука тряслась, дрожала, никак не поймать животное на прицел. Старшину охватила досада: он всегда считался хорошим стрелком, на зачетных стрельбах по мишеням получал одни пятерки, а тут почувствовал себя неуверенно, волновался, из-за этого ничего не выходило. Только он подведет мушку, а дельфин мотнет хвостом, скроется, через несколько минут выплывает совсем в другом месте. Отчаявшись, старшина все же решил не упускать возможности, выстрелить.

«Такая встреча первый раз, и если мы добудем дельфина, то надолго разживемся. Чукчи питаются сырым тюленьим мясом, и ничего им не делается. А у нас теперь желудки луженые, только дай им работу».

Старшина дождался, когда темная морда дельфина показалась из воды, и нажал курок. Выстрел, гулко прокатившийся над водой, ошеломил старшину, его товарищей, а дельфин, в которого он целился, по-прежнему держал голову над водой и, как показалось старшине, своими бесцветными глазами издевательски на него поглядывал.

«Ну, подожди, я сейчас тебя добыю, и за все страдания сегодня будет у нас хороший обед», — с этой мыслью Белый прицелился, выстрелил. И опять мимо. Дельфинья голова торчала над водой, а тут еще послышалось ядовитое замечание:

— Что ж ты, мазила, боезапас на ветер пускаешь, а толку никакого от твоих выстрелов. Дай-ка мы попробуем...

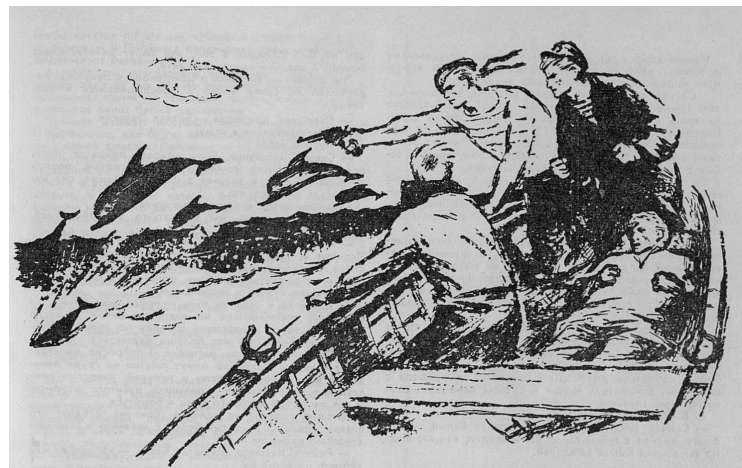

Рисунок Т. Ксенофонтова из журнала "Костер"

Белый не ответил, крепче сжал рукоятку нагана: «Нет, никому не дам, сам буду охотиться...» Теперь он целился в дельфинов, плотной стаей круживших по левому борту. Ему казалось, что глаза стали плохо видеть. Он прищурился и выстрелил несколько раз подряд. А посмотрев, убедился, что и на сей раз промахнулся, ни одного дельфина не убил и даже не ранил, а патроны кончились.

— Все! — сказал он и чуть не заплакал от досады. Он бросил наган на рыбину, безжизненно опустился и в отчаянии закрыл лицо руками.

Так он сидел несколько минут, поджав под себя ноги, все видели, как ему горько, и никто не решился его в чем-либо упрекнуть.

Наивно-добродушные морские звери по-прежнему резвились за бортом, подплывали к шестерке вплотную, ныряли под днище, но были недосягаемы.

Солнце погружалось в воду, горизонт зарумянился, стал темнеть, и, наконец, совсем померк, будто залегла на краю земли большая темная птица. Только долго горели две красные полосы. Это зрелище уже не привлекало внимания изможден-

ных людей. Они не заметили, как наступила темнота, лежали в полузабытьи, забыв о еде, неудачной охоте на дельфинов.

Восток просветлел, и занялся новый день. В это время обычно происходила смена вахты, все просыпались, затевался разговор о самолете-разведчике, вспоминали родных и близких. И с особым смаком говорили о еде...

Сегодня утром первый раз никто не поднялся. Солнце стояло высоко и всюю шпарило, а четверо мореплавателей не обращали внимания на жару, и только когда разгулявшаяся волна основательно тряхнула шлюпку и вода прорвалась за борт, Белый очнулся, посмотрел по сторонам и услышал стон, доносившийся из носовой части:

— Стта-а-рр-шшина-а... Сттаарршинн-аааа... — кто-то звал его на помощь, кому-то он был нужен, и этот призыв, вырывавшийся из слабого, умирающего тела, заставил его сесть, а потом подняться и, держась за борта, добраться до Жоры Селиванова, лежавшего с высохшим землистым лицом и совсем доживыми окаменевшими глазами.

— Пиить, старррршшина, пиить...

— Сейчас, сию минуту, — заторопился Белый, нашел флягу, поднес к губам товарища и следил, как тот жадно высасывал каплю за каплей.

— Как думаешь, старшина, — отстранив от себя флягу, проговорил медленно Жора, — долго еще продержимся?

— Пока не спасут.

— А спасут ли?..

— Теперь Кавказский берег недалеко. Наши корабли должны обязательно появиться, — говорил Белый, хотя сам не был убежден в том, что берег действительно близок и корабли смогут их найти.

Тем временем Пельник и Штеренбоген очнулись, переползли на сухое место и прислушивались к разговору.

— Старшина, иди сюда, — позвал Пельник.

Белый перебрался к нему:

— Ну, что тебе?

— Слышь, старшина. Если умирать придется, пусть послед-

ний записку сочинит. Привет родине, поклон родным напишет и засунет в фляжку. Может, она куда-нибудь и приплывет...

Белый потрепал его косматую шевелюру:

— Что ты, браток, мы умирать-то не собираемся. Глянь-ка, красота какая...

— Я так, на всякий случай, — смущенно оправдывался Пельник и, решив доказать, что это были случайные слова, с трудом поднялся, сел на банку и осмотрелся: ничего не произошло за ночь, разве что зыбь успокоилась и море казалось зеркальным.

— Давай-ка я сяду за руль, — предложил он и стал медленно перебираться на заднее сиденье. А когда взялся за весло и направил шлюпку по волне, почувствовал слабость, не мог больше держаться.

— Привяжи меня за расчалки, — попросил он старшину и через несколько минут ощутил на груди пеньковый конец. Теперь весло и рулевой, накрепко привязанные, были частью суденышка, избитого штормом и все же продолжавшего жить и бороться.

Пельник смотрел на далекий горизонт, и вдруг его глазам предстал гористый берег с зеленью и темными стволами деревьев.

— Ребята! Кажется, открылся берег, — насколько мог громко, известил он.

— Где, какой берег? — отозвались его спутники.

Даже вконец изможденный Жора поднял голову. Все смотрели вперед, и каждый счастливо повторял: «Берег, берег...»

Только Штеренбоген долго всматривался в далекую черту на горизонте и вдруг сказал:

— Никакого берега нет. Облака плывут низко над горизонтом, а кажется — берег, горы и прочее... Это мираж, — пояснил он.

Все огорчились, притихли. Теперь оставалось одно: болтаться в этой шлюпке, пока не наступит голодная смерть...

Глаза Пельника затуманились, он слабо ощущал весло и совсем не чувствовал свое тело, привязанное расчалками.

«Витюнчик, сыграй что-нибудь», — шептал он. В усталом мозгу возник образ худощавого паренька со скрипкой в руках, которую купили авиатехники вскладчину в каком-то чудом уцелевшем севастопольском комиссионном магазине. «Сыграй, Витюнчик, рапсодию», — повторял Пельник, а самому чудилось, будто пришел он в землянку после полетов, растянулся на топчане и следит за плавными движениями смычка, а из-под длинных Витькиных пальцев льются бодрые мажорные звуки... Они уносятся вдаль и непонятно почему вдруг теряются, затихают, а вместо этих звуков в уши врывается рокочущий гул. Этот гул неотвратимо преследует, будоражит сознание, и кажется, будто самолеты-штурмовики с Кавказского побережья прилетели на помощь. Гул уже над самой головой. Пельник открывает глаза, смотрит в небо и не может понять — во сне это или наяву, но самолеты действительно кружатся над шлюпкой. Он еще не знает, что это за самолеты, но судя по тому, как резко поднялся старшина и замахал руками, можно не сомневаться, что наши.

Один самолет снижается, и Пельник отчетливо видит фюзеляж-лодку и поплавки под крыльями. Старый знакомый «МБР-2»! Хочется от радости крикнуть во все горло, а не получается... Глаза следят за самолетами, и слезы катятся по щекам. «Наверное, сядут», — говорит старшина, и у Пельника появляются силы, чтобы освободиться от расчалок.

А самолеты кружатся и не думают приводняться, только один из них делает разворот, резко снижается, проносится почти на бреющем полете. Следом за ним в воздухе парит белый парашютник.

Пельник думает: «Хорошо, если упадет недалеко». И парашютник, как будто замороженный, садится на воду у самой шлюпки. Пельнику не составляет труда протянуть руку и поднять его вместе с коробочкой, болтающейся на тоненьких стропках. А в коробочке листок бумаги и всего одна строчка, выведенная карандашом: «Ждите, к вам идет катер». Эти слова он читает по складам несколько раз, и сердце полно благодарности крылатым посланцам родной земли, столько

дней манившей издалека, а теперь совсем близкой и еще более желанной...

Скоро, наведенный авиацией, показался сторожевой катер с бортовым номером «071», и в двадцати милях от Сухуми ослабевших полуживых людей подняли на борт. Моряки, принявшие их, с братским радушием прежде всего спросили: «Сколько же суток вы пробыли в море?»

— Не знаем, — еле шевеля губами, ответил старшина. — Мы вышли первого июля. А сегодня?

— Сегодня семнадцатое, — сообщил командир катера.

Михаил Штеренбоген с фронтовыми товарищами

Вот и вся история. Я узнал о ней, приехав на торжества в связи с двадцатилетием со дня освобождения Севастополя. Никакими словами невозможно передать волнение людей, которые встретились двадцать лет спустя. В канун праздника в вестибюле гостиницы появились прославленные генералы и адмиралы, офицеры — военнослужащие и отставники, и люди в штатском с пестрыми орденскими колодками на груди.

Каждого нового гостя, переступившего порог гостиницы, моментально узнавали друзья, он попадал в крепкие дружеские объятия. Его долго тискали все по очереди, потом с восторгом осматривали, ощупывали и уже больше не отпускали от себя.

Неудивительно! Все же двадцать лет — не двадцать дней.

Герои моего рассказа тоже получили приглашение и приехали на праздник. Их встреча была для всех полной неожиданностью. Она произошла во время телевизионной передачи с крейсера «Кутузов». Комментатор симферопольской студии телевидения рассказывал о шестнадцати сутках плавания. Назвал имена черноморцев. На свет прожекторов вышли Пельник и Селиванов. Не успели они двух слов сказать, как откуда-то со стороны ворвался Штеренбоген. Все трое обнялись и никак не могли расстаться. Причем, это не был заранее подготовленный сюрприз работников телевидения. Все произошло само по себе, независимо от намеченной программы. Штеренбоген приехал в Севастополь позже всех. Явился в гостиницу, никого не застал, ему сообщили насчет телевизионной передачи, и он, не теряя времени, помчался на крейсер. А увидев своих, первый раз после расставания в 1942 году, не мог сдержаться, бросился к ним, и получилось все так просто, естественно, что вместе с героями плакали взволнованные зрители.

Так я познакомился с инженером из города Выкса Горьковской области Михаилом Николаевичем Штеренбогеном, весовщиком станции Тихорецкая Георгием Ивановичем Селивановым и механиком по холодильным установкам из Керчи Владиславом Донатовичем Пельником. И только не было на этом празднике командира шлюпки Михаила Кузьмича Белого. Он не вернулся с войны, но его имя осталось в памяти защитников Севастополя.

Николай Михайловский

Штеренбоген Михаил Николаевич

(1914 - 2005)

Родился в г. Николаеве Украинской ССР. На начало войны проходил службу в звании старшего сержанта, механик авиавооружения военно-воздушных сил Черноморского флота. Во время обороны Севастополя был одним из последних защитников, кто оставил город. В составе группы из 4-х человек 16 суток добирался на шлюпке до Большой Земли. Участвовал во взятии Новороссийска и уничтожении немецкого морского десанта. С 1944 г. нес службу на Балтийском флоте. Конец войны встретил в Восточной Пруссии.

С 1958 года работал на заводе ДРО мастером, начальником опорного пункта.

Награжден: орденами Отечественной войны II-й степени, Красной Звезды; медалями «За боевые заслуги», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За отвагу» и др.

«Что пришлось пережить — не забыть никогда...»

Воспоминания о войне Нины Сергеевны Смахтиной (Ключаревой)

Нина Смахтина

Прошло 53 года, как закончилась нашей победой Вторая мировая (Отечественная) война с фашистской Германией, которая унесла более 20 миллионов жизней наших соотечественников. Нам, оставшимся в живых, никогда не забыть того горя и лишений, которые принесла та жестокая война.

В 1941 я училась в 9 классе Шиморской средней школы. Нам, комсомольцам, сразу же поручили общественное дело: по графику мы дежурили в райкоме комсомола в Выксе сутками на случай ЧП. После дежурства в любое время суток пешком добирались домой в Шиморское. Когда враг стал подходить к Москве, всех, кого можно было (женщины, старики, подростки), и нас, 9-10-классников, направляли на строительство линии обороны. Вдоль реки Оки. Это было в ноябре 1941 года.

Работали с 6 утра до 22 часов. Морозы тогда были жуткие, до минус 42 градусов. Питались овощами, хлеба не было, выручало молоко, почти во всех семьях были коровы. В руках для работы у нас были клин и кувалда, пешня, и носили на носилках, поднимали со рва на бруствер противотанкового рва мерзлый грунт.

После окончания школы, в 1942 году, мой отец, Ключарев Сергей Петрович, сказал мне перед уходом на фронт, чтобы я оставалась дома, никуда не уезжала учиться, что война скоро закончится, и тогда я смогу продолжить учебу в вузе. В это

время мой брат, Ключарев Юрий Сергеевич, уже был в Красной Армии, его мобилизовали в Москве, где он учился в нефтяном институте им. Губкина, мечтал быть геологом.

Осенью 42 года я устроилась работать в детский дом, эвакуированный из Каунаса. Но в июне 1943 года, когда мне исполнилось 18 лет, я получила повестку от военкомата и была мобилизована в Красную Армию. В г. Горьком формировали отдельный зенитный дивизион для обеспечения охраны заводов и мостов от налетов вражеской авиации. Сначала наш дивизион находился в районе г. Бор (завод им. Жданова), затем, в декабре 1943 г. дивизион передислоцировали охранять Выксунский металлургический завод.

В условиях суровой зимы мы вырыли гнезда для установки 3-х зенитных пушек, помещение для командного пункта (КП), землянки для личного состава. Наша часть располагалась на территории аэропорта в д. Антоповка. После того как враг был отброшен от Москвы и началось наступление нашей армии, в феврале 1944 г. наш 289-й отдельный зенитный дивизион перебросили в Белоруссию, в г. Калинковичи. Там в это время орудовали власовцы-предатели.

Я была во взводе управления в числе 16 девушек, мы дежурили на коммутаторе, на КП, вели наблюдения за воздухом, в случае появления вражеского самолета объявляли воздушную тревогу, определяли тип самолета («Хейнкель-111», «Юнкерс-87», «Мессершмитт-109», Фокке-Вульф-189 и др.), высоту полета и азимут полета, и передавали данные на КП. Вскоре в Калинковичах одна из наших огневых точек подбила вражеский самолет-бомбардировщик «Хейнкель-111», 6 чел. экипажа, спустившихся на парашютах, были взяты в плен. Командир отряда лейтенант Кузмичев был награжден орденом Красной Звезды.

В апреле 1944 г. 8 человек девушек нашего взвода заболели сыпным тифом, в том числе и я. После 2-месячного лечения в полевом госпитале я была направлена в другую часть — в 397-ю стрелковую дивизию, в отдельный батальон связи №903. Наша дивизия воевала на 1, 2, 3 Прибалтийском фрон-

тах, на 2 и 1 Белорусских. Дивизия вела бои за Сарны, Луинец, Ровно, Белосток, это Полесье, а также за Ригу, Пинск, Варшаву, Лодзь, Вольденберг, Быдгощ, Альтдамм, овладели городами немецкой Померании – Шенланке, Лукатц, Крейц, Дризен, участвовала в прорыве сильно укрепленной обороны немцев, прикрывавшей Берлин и наступлении на Берлин. В процессе стремительного наступления форсированы реки Припять, Днепр, Висла, Одер, Шпрее, Эльба.

Война есть война. А это тысячи километров пешком с полным снаряжением под бомбежками, обстрелами, в любую погоду и в любое время, без сна и отдыха, порой и без пищи, короткий отдых на мерзлой земле, на снегу. Это — потери товарищей-связистов. В Эстонии, когда мы ночью остановились на мызе Яунамайя в 3 км от фронта, в наше расположение немецкий самолет сбросил фугасную бомбу. От 2-этажного дома — школы — осталась огромная воронка глубиной в 2 этажа. Все, кто расположился на ночлег в школе, погибли. Их хоронили утром, завернутых в плащ-палатки, вместо памятника или креста — столбики и карандашом надписи. Это было и для меня в том числе, ужасное «крещение».

В декабре 1944 г. наши части застряли под городом Штеттин (Щецин). Из-за непрерывного дождя и раскисшей почвы не могли двигаться ни танки, ни вездеходы, не говоря уже об автомашинах и лошадях. Только люди проходили. Мы за несколько километров на руках по одному снаряду подносили артиллеристам, как приказывало командование. Зарыться в землю было нельзя, заливала грунтовая вода. Со стороны немецких войск планомерно велся артобстрел, через 1-2 часа, то недолет, то перелет. Все мы как бы жили в ожидании смерти. Снаряд, попавший в наше расположение, к счастью, не взорвался, а соседям-разведчикам не повезло: накрыло сразу 9 человек.

Вышли из-под Штеттина, только когда начались морозы в январе 1945 года, и когда сделали поверх болота настил из лозы и деревьев. Наступление наших войск было стремительным, проходили за сутки более 50 км, один раз пришлось шагать (и даже спать на ходу) 75 км. Очень боялись фашисты

Штурмовик ИЛ-2. Фото из открытых интернет-источников

наших реактивных «катюш»-минометов. После их «работы» ничего живого на земле не оставалось, только горы трупов и голая земля.

Радовались мы и тогда, когда видели в небе наши прославленные штурмовики ИЛ-2, летящие на линию обороны фашистов, чтобы сбросить смертоносный груз. На войне всем тяжело, а пехоте особенно. Шли мы «упрямо вперед» под обстрелами, под пулеметным огнем «мессеров», обстрелов из фаустпатронов — новейшего оружия фашистов. Но фашистам не помогли ни фаустпатроны, ни «тигры», ни «фердинанды».

В одном из населенных пунктов Восточной Германии после очередного многокилометрового перехода наш штаб батальона, куда меня перевели из телефонистов писарем вместо погибшего, расположился в одном из окраинных домов. И вдруг начался минометный обстрел, 2 мины угодили в этот дом, который буквально превратился в решето, несколько человек получили ранения, мне осколком поранило руку левую, ранение было легким.

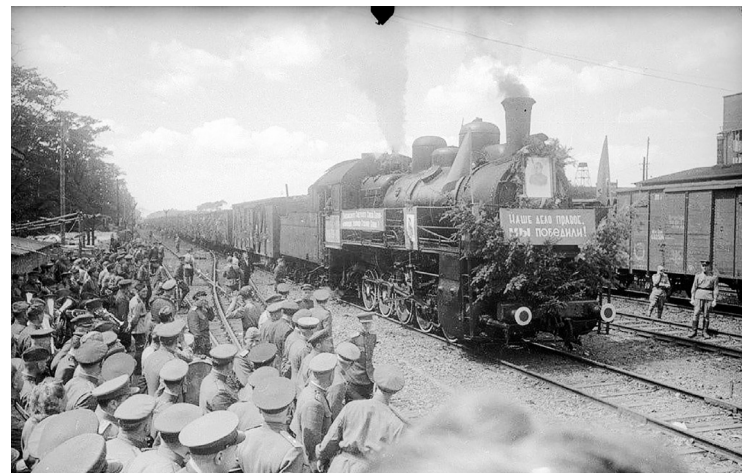
Когда стали передвигаться дальше на северо-запад от Берлина, случилось так, что надо было кого-то оставить «маяком» на перекрестке дорог, чтобы указать, по какому направлению двигаться полкам дивизии. Оставили меня — ефрейтора,

младшего по званию. Стояла я целый день одна среди поля, вдалеке была видна немецкая деревня, были видны жители. Было одной как-то неуютно. Когда почти стемнело, стал проходить полк нашего хозяйства. В полку были наши связисты, они сказали, что больше никто не пройдет, другие пошли другой дорогой. Я не имела права оставлять пост, но связист был старше по званию и приказал идти с ними. А в штабе батальона уже считали меня пропавшей без вести.

Наша дивизия участвовала в штурме Берлина 23 апреля 1945 г. Орудия и мощные прожекторы стояли почти рядом. И когда по команде в одно и то же время начался залп по Берлину — это было что-то неописуемое. Вот наконец-то близка Победа! Наша 397-я стрелковая Сарненская ордена Кутузова дивизия обошла Берлин с севера на восток через Берлинхен, Ораниенбург, Хавельберг, форсировала р. Эльба, и встретила с союзниками в Виттенберге.

Наш батальон разместили на ночь в замке Стоерн в Платенбурге. В замке у немцев был госпиталь и мы, наконец-то, первый раз уснули на кроватях с простынями. Но спать почти не пришлось. У кого-то был трофейный приемник, в 3 часа ночи 8 мая 1945 г. раздались торжественно-ликующие сообщения, сообщали сначала на английском языке, потом на французском, но мы все равно все поняли. А когда сообщили на русском языке, что фашистская Германия капитулировала, что война закончилась нашей окончательной победой (ура!!!), все, кто был в помещении, стали плясать, кричать, петь, обниматься и целоваться. Вокруг замка началась пальба из автоматов, карабинов, пистолетов. Радость переполняла всех.

А утром нас из этого замка срочно выселили в дворовые постройки, сарай, так как в замке готовилась встреча с со-

Возвращение с Победой. Фото из открытых интернет-источников

юзниками-англичанами, американцами и французами. Нам было любопытно посмотреть на них. Мы тайком проникли в помещение для слуг владельцев замка, эти помещения были в стене, окружавшей замок, стена имела ширину 4 метра. Из этих келий мы наблюдали подъезжающее в открытых машинах союзное командование, на каждой машине был маленький флажок страны-союзника. Совещание длилось довольно долго. После него наши части отошли с левого берега Эльбы, оставив союзникам территорию, завоеванную нашими солдатами.

Демобилизовали нас постепенно, сначала свели в запасной полк. Поезда формировали по областям, ехали в товарных вагонах, из дверей смотрели на разоренные сожженные деревни и села, города, на торчащие печные трубы, на подбегающих нищих, оборванных, просящих пищи ребятишек, и отдавали им все, что имели из продуктов. Появлялись они как из-под земли, видимо, жили в землянках.

Домой я приехала 24 июля 1945 года. На станции в Выксе нас встречала грузовая машина. Приехала одна, отец и брат не вернулись с войны. Отец — Ключарев Сергей Петрович, учи-

тель географии Шиморской средней школы, погиб 1 ноября 1943 г., похоронен в братской могиле в д. Медведево Невельского района Псковской обл. Брат, Ключарев Юрий Сергеевич, погиб в бою 23 июля 1944 г., лежит в братской могиле в Ковеле Волынской обл. на Украине.

Всего не напишешь, но что пришлось пережить — не забыть никогда, словно я прошла через ад. Наш командир батальона майор Лукоянов Константин при прощании сказал нам, девочкам: «Скажите спасибо своей молодости, иначе бы вам не выжить». А я говорю: «Спасибо!» и низко кланяюсь всем, с кем пришлось делить лишения и невероятные трудности, потерю товарищей-друзей. Меня окружали прекрасные люди, рядовые, сержанты, командиры, которые подбадривали меня в трудную минуту.

Летом 1944 г. я еще раз попала в медсанбат, заболев плевритом. Заботились как о сестре или дочери. Особенно тепло вспоминаю пожилого начальника штаба Кощеева Афанасия Михайловича, отца 6-х детей. Как и всем батальонцам, мне была объявлена благодарность от Верховного Главнокомандующего, тогда маршала Советского Союза, потом — Генералиссимуса тов. Сталина за участие в боях по освобождению городов Полесья, Прибалтики, Польши. За овладение городами Восточной Пруссии — Германии, за прорыв обороны Берлина и наступление на Берлин. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», многими юбилейными медалями и орденом Отечественной войны.

После войны закончила Московский технологический институт, в 1952 г. была направлена на работу в Омск, работала начальником производственно-технического отдела Управления пищевой промышленности. С моим непосредственным участием было построено и пущено 5 новых заводов. Ушла на трудовую пенсию в 1980 году. Имею медаль «Ветеран труда». Остаюсь патриотом Советской Родины.

Шиморское, 4 мая 1998 г.

Память сильнее времени: Каунасский еврейский детский дом в Шиморском

Впервые о Каунасском еврейском детском доме я услышала от Нины Сергеевны Смаhtiной, ветерана войны, жительницы поселка Шиморское.

Вспоминая о страшных и голодных годах, она рассказывала:

- Папу на фронт забрали в сорок втором году, и он велел мне оставаться с мамой. «Война закончится, приеду, тогда и пойдешь учиться» - сказал он. Я осталась. А голодно — ужас! Питались тем, что на огороде росло, да корова была. Главная кормилица, ей очень дорожили. Тогда мне Леля Кедрина (Артамонова по мужу) предложила свое место: она работала в детском доме, эвакуированном из Каунаса. «Я уйду, ты, может, меня заменишь?» В детском доме на обед давали тарелку супа, кусочек хлеба и чай несладкий. За этот суп я и пошла работать счетоводом.

Работать мне нравилось. Но однажды меня вызвали в органы, как тогда говорили, и начали допрашивать: как ведет себя директор детского дома. Директором был Иуда Наумович Месье, 28 лет, еврей из Каунаса. Он окончил промышленную академию, знал 10 языков, побывал во многих странах как журналист, обладал изумительной памятью. И при этом у него было очень слабое зрение — он читал через две пары очков. Иуда Наумович был замечательным человеком. Я отправляла его письма в Палестину, куда уехали его родственники, а он мне рассказывал, что скоро там образуется государство Израиль. Дети его очень любили.

В детском доме были дети разных национальностей: евреи, литовцы, поляки — вся Прибалтика. Мне запомнился шестиклассник Ян Грошутис. Он рассказывал, что его отец был директором банка, я, говорил, все знаю там, как деньги хранят, как банк работает. Но мне он запомнился не этим, а тем, что знал шесть языков, на русском писал скетчи по по-

воду Гитлера, а дети все это разыгрывали. Я его спрашивала: «А как ты пишешь: на русском-то языке?» Он отвечал: «Теть Нин, где живешь, на том языке и думаешь. Я живу в России и думаю по-русски». Иуда Наумович читал детям «Маугли» на английском языке, и тут же переводил на все языки, какие тут дети есть...

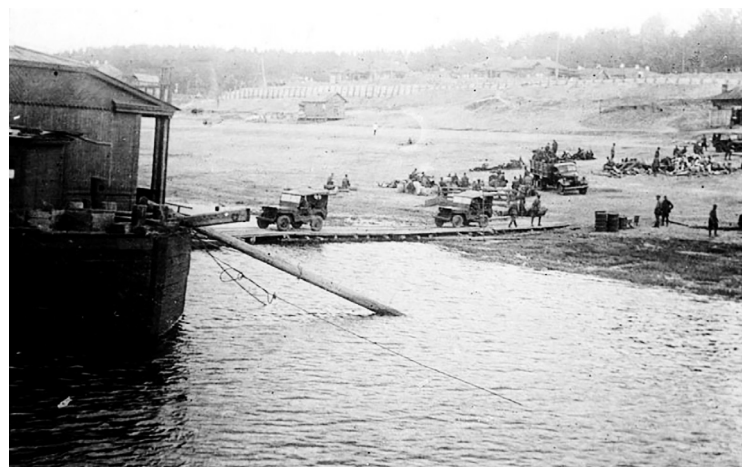
Ну вот, меня выпрашивали о нем, вопросы всякие задавали... А я ничего плохого о нем не сказала, я его уважала, восторгалась им буквально. Меня отпустили, а через три дня я получила повестку в армию. Мне было 18 лет, комсомолка — ну как же я не пойду....

Так началась военная служба связистки Нины Ключаревой (по мужу — Смахтиной).

А мы останемся в речном поселке, куда прочь от бомбежек эвакуирован был еврейский детский дом.

Свидетельства о нем мы находим в двух источниках. Шалом Спивак (Израиль), кандидат технических наук, в 2007 году опубликовал в сетевом альманахе «Еврейская старина» статью «Мои первые годы». Перед вами фрагмент этого повествования, непосредственно относящийся к Выксе и Шиморскому.

«Мы приближались к месту нашего назначения – к городу Выкса в Горьковской области. Еще во времена Петра Первого здесь был заложен сталелитейный завод, вслед за которым развился и город Выкса. Здесь отливалась высокопробная сталь для речных пароходов и барж. А в селе Шиморское Выксунского района, на реке Ока находился затон – место стоянки и ремонта речных пароходов и барж. Это село Шиморское и приютило нас, беженцев из Литвы.

1943 год. Пристань в рабочем посёлке Шиморское

* * *

Был разгар лета, и нас направили сначала в пионерский лагерь Выксы, с тем, чтобы подобрать нам жилое помещение. После перенесенной дороги мы попали прямо в рай. Здесь мы утром строились в линейки, отдавали рапорта сначала на идиш, а потом, постепенно, по-русски. Днем играли в разные игры. А, главное, нас очень хорошо кормили. Ели досыта, как будто и войны нет. Этот месяц в пионерском лагере мы вспоминали все годы войны:

– Помнишь, – говорили мы друг другу, – этот белый хлеб и масло, и сладкий чай?!

В Шиморском нас поселили в здание бывшей начальной школы. Это было двухэтажное здание. Толстые деревянные балки здания чередовались слоями спрессованного войлока. Почти весь первый этаж занимала одна большая комната, которая служила нам и столовой и комнатой досуга. В ней мы проводили большую часть дня. Небольшую, примыкающую к ней комнату, оборудовали под кухню. Кухню и столовую соединяло окно для передачи пищи. На 2-м этаже нахо-

дились 2 наши спальные комнаты, а над ними – чердак. Были и небольшие комнаты для персонала.

Дом наш стоял на отшибе, одиноко, вдали от улиц села. С одной стороны его тропинка спускалась к реке, с другой простиралось обширное, пустынное поле с высокой деревянной вышкой в центре его. Эта вышка должна была, по-видимому, служить наблюдательным пунктом. Может быть, отсюда наблюдали за пожарами? Во время войны ей нашли другое применение. Здесь, на этом поле, обучали солдат перед отправкой их на фронт. Командиры наблюдали с вышки за полем боя. После таких учений поле долго пахло порохом, всюду валялись гильзы, а мы приходили искать тут патроны, которых тоже было немало.

* * *

Наш приезд вызвал очень большой интерес у Шиморских пацанов. Чем увлечь себя в этом далеком, заброшенном селе, где не было театра и вряд ли было кино? Увлечением 10-и–16-и летних пацанов были драки. Они были разбиты на группки, шайки. В каждой шайке – свой атаман. И эти шайки вели постоянные, отчаянные драки друг с другом. Одно из атаманов звали «красный глаз», он постоянно ходил с подбитым глазом. Можно себе представить какой аттракцией было для этих пацанов появление в их селе еврейских детей из Литвы! Я думаю, появившись сегодня в Бней Браке Машиах (Мессия), это не вызовет такого восторга у местных жителей, какой вызвало у Шиморских пацанов наше появление в их селе. И мы скоро почувствовали этот восторг. Встречает меня как-то пацан и спрашивает: «как тебя зовут»? Я уже понимал это по-русски и отвечаю чистосердечно: «Шодем». Восторгу его не было конца. Он просил меня повторять, повторял за мной, меняя ударение, хохотал и, на всякий случай, награждал меня звонкой затрещиной по щеке. Должен сказать, что я до семилетнего возраста не только не дрался сам, но и не видел, чтобы другие дрались.

Мы старались избегать встречи с пацанами, убежать от них, а это не всегда удавалось. Однажды настигает меня пацан и спрашивает:

– Кто ты такой?

– Литовеч, – отвечаю я виновато, вжимая голову поглубже в плечи.

– Скажи «кукуруза», – приказывает пацан.

– Кукуруза, – произношу я, картавя.

– Ах ты, жидовская морда!

И опять я получаю удар кулаком по голове.

Удивительно, что знают они о евреях? Ступала ли тут вообще когда-либо нога еврея? Мне кажется это столь же маловероятным как посещение этого села фулани из Гвинеи.

Впоследствии мы тоже научились драться. Мы дрались и с ними и между собой. Но на первых порах нас защищали наши старшие ребята. Было среди нас несколько юношей лет 16-ти. Хацкель Блюменталь был скромный добрый парень, всегда готовый помочь. У него была травма спины, и правая рука ограничена в движении. Среди взрослых был Шимон Млодзинский, сын нашей кухарки Фрейдл и еще двое, которых мы называли по их фамилиям: Герман и Гарон. Трое последних были впоследствии призваны в армию и ушли на фронт, откуда Гарон, увы, не вернулся. Вот эти старшие ребята защищали нас от шиморских пацанов. Однажды они поймали «красный глаз» и привели его к нам домой, в кабинет директора. Мы все сбежались смотреть на атамана в неволе. И тут при нас, уловив подходящий момент, он стремительно рванулся к окну, резко и сильно ударил локтем по стеклу, так что стекло брызгами разлетелось во все стороны; он сел на частично освобожденную раму и выкатился наружу спиной вперед, несколько не беспокоясь тем (так нам казалось) как ему впоследствии удастся приземлиться.

Мы стояли ошеломленные. Никто не решился помешать ему, схватить его. Несколько мгновений спустя, освободившись от шока, мы бросились к окну: «красный глаз», ковыляя, поглаживая голову и проверяя ладонь (не окровавлена ли она) удалялся

восвояси. Это был первый этаж, но кто мог ожидать такой прыти? Да, отчаянные это были ребята, шиморские пацаны!

* * *

Надвигалась зима, суровая зима 41-го года. У нас не было теплой одежды. Мы приехали в летнем: легкие ботинки да обветшалые штанишки и рубашки. В воздухе опять стали появляться немецкие самолеты. Это были не бомбардировщики, они летали высоко. Фронт приближался. Наш директор Иуда Месье поплыл на пароходе в Горький решать с властями, что делать с нами. Может быть, нам следует эвакуироваться дальше, куда-нибудь в Ташкент? Приплывая в Горький, он попал под сильную бомбардировку. Пароход причалил к разбитой пристани. Иуда добрался до очень высокого начальника. Это был то ли Булганин, то ли Суслов. Этот начальник объяснил ему, что нет никакой возможности эвакуировать нас в Ташкент. Нет ни транспортных средств, ни возможности устроиться там, в Ташкенте, где все и так переполнено.

– Но как же мы будем зимовать здесь? У нас нет даже теплой одежды!

– А, это уже другой вопрос, тут мы сможем вам помочь.

И он распорядился по телефону. Иуда привез нам шубки, шапки, валенки, теплое белье и даже лыжи.

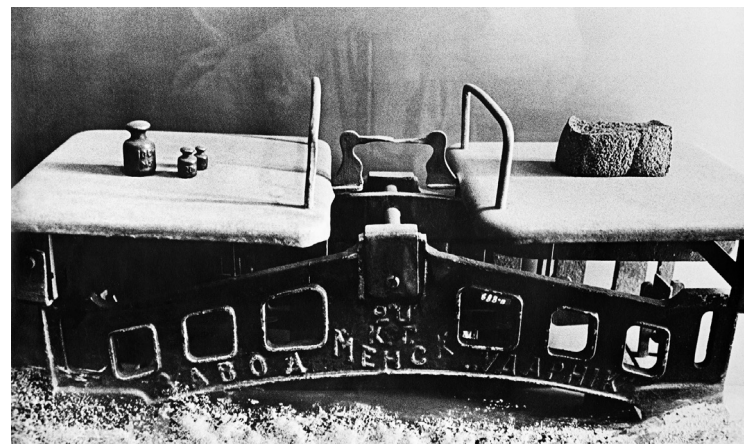
* * *

Все наши помыслы и мечты в годы войны были о еде. Мы постоянно были голодны. Из нашего рациона были начисто исключены мясо, масло, жиры, сахар, сладости, яйца. Да и кто ел тогда эти продукты? Нас все же кормили регулярно 3 раза в день. На завтрак давали кусочек хлеба и несладкий чай из шиповника, на обед – кусочек хлеба, суп с крупой и, возможно, немного картофеля, на ужин – пшенную или перловую кашу. Хлеб взвешивался каждому согласно норме. А норма постепенно сокращалась: вначале мы получали 500 грамм хлеба в день, затем – 400 и, наконец, 300.

В столовой каждый имел свое постоянное место. За четверть часа до обеда мы все начинали собираться у двери столовой, заполняя и лестницу. Первым у двери всегда был Тедик Маркус. Своим единственным, левым глазом он смотрел сквозь специально просверленную дырку за тем, как повара и ее помощница распределяют порции по нашим местам. В правом глазу у Тедика был стеклянный протез, он то вынимал его и клал в стакан с водой, то вставлял обратно в отверстие глаза. Левым глазом он отлично различал наши порции. Он хорошо знал и расположение наших мест и докладывал нам по мере их заполнения:

– Лейбке, у тебя горбушка, Хаим, у тебя довесок, Шолем, у тебя серединка.

Горбушка считалась лучше всего: корочку можно есть очень медленно. Есть и другой вариант: можно съесть сначала мякоть с жидкостью супа и затем оставшуюся гущу (крупы, картофель) вложить в корочку. Получается блюдо, которое мы называли лепешкой. Довесок ценился на втором месте: все-таки два куса, а не один. Хуже всего – это серединка, хотя и тут я однажды обнаружил новую, очень удивившую меня опцию. Я наблюдал, как ест местная шиморская женщина,

Хлеб военного лихолетья. Фото из открытых интернет-источников

работавшая у нас на подсобных работах. Она крошила хлеб в суп. Мне казалось это расточительством – вместо 2-х блюд она ест одно. Однажды я попробовал этот способ. Действительно, получается кисло и сытней. И все же я остался при своем, старом способе – хотелось есть медленней и дольше.

В урочный час открывалась дверь в столовую, и мы занимали свои места. Все кроме Тедика Маркуса. Он, как наблюдатель, выбирал всегда понравившуюся ему порцию и садился на это место. Пострадавший должен был сесть на место Тедика. У него, правда, имелась компенсация: умеряя свою досаду, он мог провести косточкой согнутого пальца по голове Тедика. Тедик принимал это как должное. Такое было неписаное правило.

* * *

Неподалеку от Шиморска, вверх по Оке находится небольшой город Балахна. Здесь формировалась Литовская дивизия, состоявшая в основном из евреев, успевших эвакуироваться из Литвы. Иуда, наш директор или, вернее сказать, наш добрый дед мороз, решил наведаться туда: может, удастся выпросить что-либо для нас. Есть же какое-то родство между Литовской дивизией и детдомом из Литвы! И, действительно, он приплыл с баржей, груженной капустой. Эту капусту сгрузили на чердак, самое теплое место в доме. Теперь обед наш состоял из капусты – суп из капусты на первое, тушеная капуста на второе. Мы это называли Иван Иванович.

– Что сегодня на обед?

– Иван Иванович.

Мы ели Ивана Ивановича целый год. Зимой капуста примерзла, весной стала отмерзать и гнить. Она капала с потолка наших спален. Хочется перефразировать Сашу Черного и сказать: капуста капала слезами с потолка.

Летом бывало легче, нет-нет, да и сорвешь с огорода морковь, свеклу, редьку. Своих огородов у нас, конечно, не было; а чужие охранялись очень тщательно, с собаками. Но голод,

как известно, не тетка. Как-то раз пошел я с Колькой воровать с огорода картошку. Война занесла в наш детдом русского мальчишку Кольку. Он быстро освоился, выучил идиш и стал своим. Но, в отличие от нас, он и по-русски говорил хорошо, да и в местных условиях разбирался лучше. Вот мы добрались до желанного куста, копнули несколько картофелин и засунули за пазуху. Появилась женщина и издали кричит нам:

– Чай, козы моей не видели?

При этом она быстро приближается к нам. Здесь, в Горьковской области, говорили протяжно, напевно, окая. Я ничего не подозревал, а Колька сразу смекнул и говорит:

– О, хитрая баба.

И давай бежать. Я – за ним. Картошка из-за пазухи выпала. Ни жив, ни мертв, я прибежал домой и тут же лег в постель. В случае чего притворюсь больным. Обошлось. Женщина к нам не пришла.

* * *

Зимой топили печи для обогрева комнат. Но дров не хватало, и в комнатах было прохладно.

Мы укрывались шубками поверх одеял. Истощенные и ослабленные, мы привыкли мочиться в постели. Сначала тепло, потом холодно – жмешься к сухому краю простыни. Все пропахло мочой – постель, белье, шубки. И запах мочи смешивался с запахом капусты, капающей с потолка. И еще привычка, которую мы переняли друг у друга – ложась спать, мы вертели головами из стороны в сторону до тех пор, пока засыпали. Странно это должно выглядеть – лежат 40 детей и вертят головами. Объяснение этой картины надо, по-видимому, искать у психолога.

Мы жили автономно, обособленно от внешнего мира. Мы не ложились в больницу, ни разу не видели врача, медсестру, кого-нибудь из медицинского персонала. Сами заболевали – сами и лечились. Все, наверно, переболели малярией. А малярия в тех местах была очень суровой.

Заражались от укуса комаров. Малярию называли еще лихорадкой. Действительно, лихорадит, знобит, все тело охватывает неумная дрожь. И нет никакого лекарства. Укрываешься еще одеялом, еще шубкой – не помогает. Изнываешь под тяжестью покрывал – а дрожь не унять. Дрожат челюсти, не попадает зуб на зуб. Через день, другой дрожь меняется жарой. Все тело в поту, и наступает забвение. Балки на потолке, окна комнаты, люди – все теряет понемногу свои реальные очертания, перестаешь понимать, где ты и что с тобой происходит. Эти чередования приступов холода и жары отнимают последние силы.

Говорят, что, переболев малярией, организм вырабатывает иммунитет и вторично малярией не заболевает. Но и одного раза достаточно, чтобы запомнить эту болезнь на всю жизнь.

Другой напастью были фурункулы. Это – от малокровия. Они были с нами всегда. Мы лечились ихтиоловой мазью. Залечишь фурункул на руке – новый появляется на шее, залечишь его – выскочит новый на ноге и т.д.

* * *

Школа тоже была у нас своя, доморощенная. Учили все, кто мог: и старшие воспитанники, и те немногие учителя, которых война занесла в наш детдом. Учили понемногу чему-нибудь да как-нибудь. Поначалу обучение происходило в нашей столовой комнате. Помню, как Хацкель Блюменталь обучал меня чтению по букварю. Книги откуда-то раздобыл... ну, конечно же, наш фокусник Иуда Месье. Мы наткнулись с Хацкем на сочетание слов «белого гуся». Я произношу по слогам: бе-ло-го. Третий слог он поправляет на «во». Тогда я продолжаю: вус-я. Хацкель опять поправляет «гу». Так мы возвращаемся по кругу, и я все не пойму как произнести эту проклятую букву «г».

Мы встречались с Хацкем и после войны, в Вильнюсе. Он работал полировщиком мебели. Вот какой диалог возник у нас как-то при встрече:

– Ну, Шолемке, кем ты стал?

– Я математик и кандидат технических наук.

– Как странно, а ведь ты был таким тупым.

Был у нас и свой учитель литовского языка. Не знаю уж как, очутился у нас этот литовец с большими руками и большой головой. Он очень любил склонять существительные, и мы постоянно повторяли за ним: Вардининкас кас? Кильмининкас ко? Но не было живой речи. Нас бы заинтересовать простым и интересным рассказом, глядишь, и слова бы запомнились!...

Впоследствии нам выделили под школу однокомнатную избушку. Теперь мы утром выходили в школу, как ходят ученики во всем мире. Мы шли 1,5-2 км вдоль пустынного поля с вышкой по узкой тропинке, проторенной в снегу. Идти надо долго, и я предаюсь своим мечтам. Вот кончится все это, и мы опять заживем нормальной жизнью. Опять Шмерл будет катать меня на велосипеде, и мы будем есть бананы. Своих братьев Нахума и Ицика я совершенно забыл. Я забыл не только их внешний вид, привычки, особенности поведения – я забыл об их существовании. И отца я не вспоминал. Единственный, с кем я связывал мечты о будущем, был мой старший брат Шмерл. Ему я рассказывал свои невзгоды, ему я жаловался, если кто-нибудь обижал меня. Шмерл чаще всего навещал меня в детдоме в довоенное время, он и остался в памяти. Его помнили и дети детдома.

– Помнишь, Шолемке, своего брата, как он катал тебя на велосипеде? – спрашивали меня часто. Еще бы! Конечно, я помнил! Большинство детей вообще не имели родственников. Это были либо подкидыши, от которых отказались родители, либо дети, потерявшие родителей при тех или иных обстоятельствах в начале жизни.

Придя в школу, мы первым делом принимались топить печь – за ночь остыло тут все. Печь начинает понемногу теплеть, и мы жмемся к ней, как свинки – к соскам матки. Вот, наконец, печь раскалилась, теперь до нее и не дотронешься. Самое время сушить валенки. Понемногу комната нагревается, можно и шубки снять. Вот и валенки высохли, в комнате стоит кислый, едкий запах от носок, портянок, валенок и, конечно же, от шубок – время садиться за учебу. Нас рассаживают в 3 ряда: в одном – второй класс, в другом – третий, а тут – четвертый.

Урок ведет учительница Ентл, молодая женщина из Литвы, со временем присоединившаяся к нам. Одним упражнением задает, других спрашивает, перебегает с места на место, из одной темы – в другую. Настоящая Любовь Орлова в роли ткачихи – многостаночницы из фильма «Светлый путь». Недостает только, чтобы она еще и запела:

«В буднях великих строек,
В веселом грохоте огня и дыма...»

Поневоле прислушиваешься, что происходит в других классах и пропускаешь свое. Тетрадей не было. Мы писали на полях старых газет. Газет тоже не хватало, и нас просили писать поплотней. Я перестарался: стал писать как на горизонтальных полях, так и на вертикальных. Однажды учительница, посмотрев на мою писанину, стала трясти мою газету, приговаривая:

– Смотрите, как он пишет!

Мне вначале кажется, что она меня хвалит за находчивость, и я сижу довольный и гордый. Но я начинаю различать выражение недовольства на ее лице: конечно, она меня ругает.

Чему мы могли научиться в этих условиях? Из всех наук Ентл мне запомнилась лишь сказка про утку, которую звали Ака Кнебекайзе. Вернее, запомнилось лишь имя утки – такое красивое и необыкновенное.

Иуда читал нам «Маугли», читал на идиш, непосредственно переводя с английского. Мы читали немного и самостоятельно. Мне попала книга на идиш. В ней были стихи, песни, загадки. Одну историю в стихах я даже непроизвольно выучил наизусть. В ней рассказывалось о герое, который сражается и побеждает разных зверей. Перед каждым боем он говорил очередному зверю: «кум зе нор ду, пемпик, вер веман, ви вер». Здесь «пемпик» должно означать унизительно-оскорбительную кличку, вроде «сморчок», «слабак». Я часто читал всем этот рассказ, пока меня не прозвали «пемпик». На идиш с артиклем это звучит «дер пемпик».

* * *

Во все времена спутниками беспризорных и обездоленных детей были песни жалобы и тоски. Такие песни проникли и к нам. Мы их заучивали друг у друга. Пели, конечно, знаменитую песню:

«Вот умру – похоронят, похоронят меня, И никто не узнает, где могила моя».

В ходу были песни – рассказы о бродягах, о ворах, об убийствах. В одной такой песне пелось о бродяге, который убивает старика и затем узнает в нем своего отца. Или вот другая, такая же веселая песня начинается сразу с такой интригующей строфы:

«Вот, друзья мои, расскажу я вам,
Этот случай был в прошлом году,
Как на кладбище Митрофановской
Отец дочку зарезал свою».

Затем следует рассказ, как и почему это произошло.

Более всего нам нравилось слушать Лейбушку Абрамовича. Он был старше нас, наверно лет 14, с хорошим голосом. Но, главное, он пел с душой. Мы обступаем его, просим спеть. Его взгляд становится задумчивым, мечтательным. Он устремляет его мимо нас и начинает:

«Я уходил тогда в поход в суровые края, Рукой махнула у ворот моя любимая».

* * *

Лейбушке был смелым, ловким парнем. Однажды он подрался с Файвлом Млодзинским. Они оба высочили из спальни на лестницу и размахивали ремнями с пряжками. Мы, конечно, толпились в стороне. Не упускать же такое событие! Вскоре, однако, выяснилось, что дерущиеся легко уклоняются от ударов, что это пустое сотрясение воздуха, удары пряжек приходится разве что на перила лестницы. Страсти скоро улеглись, событие исчерпало себя.

И все же выступление против Файвла считалось смелым поступком. Файвл был при матери и этим уже отличался от всех нас. Его мать стряпала на кухне и ведала хозяйством. Файвл был всегда опрятно одет, ходил в чистой рубашке, брюках, носках. Он обладал обычными для мирного времени предметами обихода, но в то время казавшимися предметами роскоши, такими, как складной ножик, карманное зеркальце, расческа, футляр для мыла. У него были даже коньки. Мы ходили смотреть, как он катается по льду Оки. Все это создавало вокруг него атмосферу исключительности. К тому же, он был замкнут, неразговорчив, а это воспринималось как заносчивость. За глаза называли его «атаман». Кличка – совершенно для него неподходящая. Это был типичный интроверт, индивидуалист без малейшего желания влиять или властвовать над другими. Драка Лейбушки с Файвлом, пусть и пустое размахивание ремнями, отчасти разрушила ореол особенности Файвла. Эта драка как бы приблизила Файвла к остальным, а Лейбушку сделала героем.

* * *

Драки были довольно популярны у нас. В основном дрались маленькие, среди больших драки возникали редко. Но надо пояснить, кто же эти «большие» и «маленькие». Так распределили нас с самого начала по 2-м спальным комнатам: комната правее – для маленьких, комната левее – для больших. В комнату для маленьких попали те, кому к началу войны было 7-8 лет, в комнату больших – те, кому к началу войны было 9-13 лет. Лейбушке и Файвлу ко времени их драки было примерно по 13 лет.

Нас, маленьких, не впускали в комнату для больших. Мне иногда удавалось проникнуть в их комнату под разными предлогами, то позвать кого-нибудь, то передать какое-нибудь сообщение. Их комната была гораздо уютнее нашей, здесь было теплее и меньше пахло мочой. Я пытаюсь задержаться тут подольше, быть незамеченным. Но обязательно кто-нибудь скажет:

– А ты что тут делаешь? А ну, выходи.

Большие иногда заходили в нашу комнату по какому-нибудь делу. Их никто не выгонял – они сами не задерживались.

Драчунов, на самом деле, было немного, но драки возникали довольно часто. Драчуны просто не могли без драк. Пришлось и мне несколько раз подраться, хотя я был робок и к дракам испытывал отвращение. Был такой худой мальчишка с двумя именами Хаим и Ейнке. Его имена всегда произносились слитно, как одно, Хаимейнке. Я говорю, что он был худой, хотя нетрудно догадаться, что среди нас вообще не было упитанных и полных. Но этот Хаимейнке был особенно худым, он был высок для своих лет и сутулился. Верхняя его губа была обычно влажная, а на остром носу мерцала капля. Большие, выпуклые глаза его смотрели одновременно жалостливо и нагло.

Драчуны просто не могли без драк. Фото из открытых интернет-источников

Хаимейнке почему-то выбрал меня в качестве ступени на пути своего самоутверждения. Ему было важно запугать меня. Он выросал передо мной внезапно и незаметно и то подставит подножку, когда я сбегал по лестнице, то подтолкнет, то оскорбит словом. Жизнь моя становилась невыносимой. Хаимейнке тяжелой тучей заслонял мне солнце. Жаловаться было не принято. Был только один путь вернуть себе свободу и солнце – победить в драке с этим мерзким Хаимейнке. Лежа в постели, я предавался мечтам. Я крошил и дуба-

сил Хаимейнке кулаками, ногами, локтями, всеми возможными способами. Днем я робел и глотал обиды, а супостат мой все наггел. Наконец мы сцепились в драке. Первая наша драка была робкой. Выражаясь профессионально, я бы сказал, что она носила защитительный характер. Оба драчуна боялись атаковать и размахивали кулаками лишь на подступах к противнику, поражая разве что воздух.

Хаимейнке, по-видимому, считал эту драку своей победой, ибо он еще больше обнаглел. Наши отношения неминуемо вели к новой драке, и она не заставила себя ждать. На этот раз я рванулся на своего врага со всей силой своей злобы. Чувство опасности отдалилось, я видел перед собой это мерзкое лицо, и мной владела лишь страсть – бить его изо всех сил.

Хаимейнке опешил от моего напора. Эта драка была полной моей победой! Таковой она была признана и детьми-наблюдателями. Хотя у меня кровоточил нос, и опухла губа, я был очень счастлив: враг был повержен. Теперь я понял: пусть только он меня еще заденет – немедленно получит отпор. Понял это и он и перестал приставать ко мне. Долго согревало меня чувство, что я отстоял свою свободу.

* * *

Был у нас и свой судья. Для разрешения споров шли к Хаиму Виленскому. У него было 2 прозвища: «дер гелер» – «рыжий» и «дер эмес» – «правда». Возникнет спор какой-нибудь, говорили: «кум цум гелер» – «пойдем к рыжему», или «кум цум эмес» – «пойдем к правде». Хаим выслушает обе стороны, задаст вопросы, вынесет вердикт. Все как в суде. С его решением соглашались. Как он заслужил такой авторитет? Позже, когда я читал священную книгу о времени судей, когда у евреев не было короля, а власть осуществлялась судьями, я вспоминал Хаима Виленского. Я даже представляю себе Самуила обязательно рыжим.

Самым сильным у нас был, наверное, Израэль Карабельник. Это был широкоплечий, статный мальчик. А ведь ел то же, что и все. Ему, видно, от природы такое назначение было

– быть сильным. И сила была у него доброй, рядом с ним чувствовали себя уютно. Карабельник никогда не дрался, ему не надо было доказывать свою силу.

Однажды зимой кончились у нас дрова. Доставать новые обычным путем, через местные власти – займет много времени. И наш директор решил, по-видимому, что если мы спилим в лесу одно дерево, то это останется незамеченным. Раздобыли пилу, топор, снарядили отряд «лесорубов» во главе с Израэлем Карабельником и отправились в лес. Был морозный, солнечный день. Снег сверкал на солнце и скрипел под ногами. Возбужденные и взволнованные, мы «шли на дело» с нетерпением борзых собак, выпущенных на охоту. Никто никогда не держал пилу в руках, но предчувствие приключения, сладкий привкус «запретного плода» и высокая, благородная цель добыть тепло – все это будоражило и волновало.

Выбрали статную сосну на опушке. Сообразили, что тут ей удобнее будет рухнуть наземь – не помешают другие деревья. Довольно скоро выяснилось, что дело это вовсе нелегкое. Пилу никак не удавалось удерживать ровно, перпендикулярно к дереву. По мере погружения ее в дерево она сгибалась в неровностях нарезки, застревала. Приходилось все время начинать сначала. Энтузиазм ослабевал. Нам, малышам, тут вообще делать было нечего. Наша задача была носить разрубленные дрова домой. А когда они еще будут? Не замерзать же тут! И мы вернулись домой.

Нашим лесорубам под руководством Карабельника удалось все же к концу дня спилить дерево. На завтра работа закипела с новой силой и новой страстью. Работа эта объединила нас, а наши старшие ребята получили некоторые навыки лесорубов. Расплачивался, конечно, наш директор. Ему пришлось держать ответ за самоуправство. Он ссылаясь на безвыходность положения: дети могли заболеть. Дело замяли. Вскоре, однако, прислали комиссию, которая должна была проверить, как ведется учет израсходованных продуктов. Оказалось, что книг учета вообще не имеется. Да он и не знал о таких книгах. Этого директору простить не могли. Его сняли с работы. В 1943 году Иуда Месье оставил наш детский дом и поехал в Горький на

курсы по экономике. От службы в армии он был освобожден из-за сильной близорукости. Его поистине отцовская забота о нас не могла быть ни оценена, ни даже понята: уж очень она была неказенной и нестандартной. Нашим новым директором назначили женщину. Это, пожалуй, единственное ее качество, что осталось в памяти.

Вернемся, однако, накоротко к Карабельнику. Его сила получила у нас еще одно важное применение. Праздники 1 мая и 7 ноября отмечались у нас так называемым небольшим концертом: кто-то читал стихотворение, кто-то пел песню. Непременным номером была пирамида. Основанием пирамиды был Карабельник. На его раздвинутых ногах с обеих сторон становились пятками 2 малыша, держась каждый рукой за руку Карабельника и наклоняясь туловищем вбок. На шею Карабельника надсаживался еще один малыш, который выкрикивал подходящее к празднику призывы ЦК Партии. Со стены удовлетворенно смотрели члены политбюро.

* * *

Черный рупор на нашей стене все чаще извещал о победах Красной Армии, об освобождении городов. Эти события отмечались в стране орудийными залпами. Отмечали и мы. Мы зажигали костры и бросали в них холостые патроны. Раздавался взрыв, и высоко разлетались искры. Мы все жили теперь предчувствием конца войны: вот-вот это кончится все, и мы уедем.

И этот осенний день 44 года, наконец, наступил! Еще шла война, но уже за пределами Советского Союза. Нас рассадили по кузовам грузовых полуторок. Откуда-то привезли и роздали конфеты – подушечки, начиненные мармеладом, первое лакомство за годы войны.

Машины тронулись к Выксе, к вокзалу. Шиморскяне машут нам рукой. Может быть, в последний раз перед нами мелькает село Шиморское? Мы возвращаемся все, все пережили эти лихие годы войны. Лишь Гарон погиб на фронте».

И еще одно повествование по интересующей нас теме. На сей раз источником служат воспоминания Рувима Блюма, опубликованные в 2011 году на ForumDaily.com, сайте русскоязычной Америки под заголовком «Человек, которому мы обязаны жизнью».

Еврейский детский дом в Каунасе». Перед нами вновь возникает Иуда Месье, старый двухэтажный дом в Шиморском и знакомые имена мальчиков-воспитанников.

«Теперь я хочу рассказать о судьбе оставшихся детей из Каунаского детдома и воспитателя Зундла.

Когда судьба нас разлучила в Каунасе в первый день войны, и наша группа оказалась в поезде, идущем на восток, мы потеряли всякую связь с остальными детдомовцами и воспитателями. Впоследствии, когда нас через полтора года привезли в село Шиморск, где находился наш еврейский детдом, эвакуированный из Каунаса, нам рассказали об их жизни за это время.

А случилось вот что. В то время, когда наш поезд отъехал из Каунаса, воспитатель Зундл сумел с трудом собрать оставшихся детей из детдома. Случайно к нему подошел мужчина и представился, что его зовут Иуда. Впоследствии именно Иуда Месье и стал директором детского дома.

Зундл и Иуда договорились, что будут действовать совместно, чтобы спасти детей. Спустя некоторое время им кто-то сказал, что в нескольких километрах от того места, где мы расстались, находится железнодорожная станция. Они построили всех детей и объяснили, что оставаться на этом месте очень опасно, так как оно находится в открытом поле и здесь можно попасть под обстрел. При этом они предупредили, чтобы все стали поплотнее и строем пошли в направлении железной дороги.

По счастливым обстоятельствам, с помощью старших ребят младшие сели на поезд и под постоянными бомбежками до-

брались до Шиморска. Им отдали старый двухэтажный дом, который стоял отдельно от других. С помощью старших ребят и местных жителей это здание переоборудовали под детский дом. Только благодаря воспитателю Зундлу, который предельно сконцентрировался, принимал правильные организационные решения и энергично действовал, наша группа и остальные дети из Каунасского детского дома остались живы.

Теперь немного о том, что случилось с воспитателем Зундлом. Это краткая, но поучительная история. Мы чуть не лишились своего любимого воспитателя Зундла, которому мы практически обязаны жизнью. Как это произошло?

Дело было в Шиморске. В один из дней воспитатель и учитель Зундл находился с группой младших детей. Дети баловались, шумели, и один из мальчиков, по имени Тедик, категорически отказывался успокоиться и выполнить приказание Зундла. За все мое пребывание в детском доме и в Каунасе, и в Шиморске ни я, ни все остальные дети и воспитатели никогда не видели и не слышали, чтобы Зундл поднял руку на кого-нибудь из детей, несмотря на то, что мы не всегда вели себя адекватно.

Но сейчас Тедик до того распоясался и стал грубить и издеваться над воспитателем и учителем, что Зундл не сдержался. Он схватил Тедика и применил к нему обычное детдомовское наказание — снял штаны и отшлепал по заднице. Тед начал плакать и громко кричать. Об этом случае узнала повариха, несколько нянечек-литовок и пионервожатая Зося. Они написали жалобу в районо о том, что Зундл постоянно (хотя это произошло впервые) избивает детей, и что он придерживается старых взглядов на воспитание, а также указали, что он якобы является одним из организаторов каунасского клуба «Шомер Ациор». После этого Зундла сняли с работы и отправили в Горький. Его мобилизовали в 16-ю литовскую

дивизию, состоящую из беженцев из Литвы, большинство из которых были евреи. В одном из боев его ранило, и ему ампутировали кисть руки».

Вот такой предстает в воспоминаниях небольшая, но яркая страница истории речного поселка, приютившего прибалтийских ребятишек. После войны детский дом был возвращен в Каунас, холодные зимы российской глубинки, «Иван Иванович» и малокровие постепенно становились зыбкими, почти нереальными образами. Но навсегда не стерлись, иначе не писали бы уже взрослые, состоявшиеся люди с таким теплом про Иуду Месье, воспитателя Зундла и шиморских пацанов, задиристых и отчаянных.

Алена Баикина

Встречи и споры с братом-фронтовиком

Памяти Александра Князева

Мой брат Александр в ряды Красной Армии был призван в декабре 1940 года, служил в артиллерийской части на границе с Ираном — в туркменском городе Кушка. В 1942 году часть передислоцировали на ж/д станцию Бологое — в 300 км на юго-восток от Ленинграда и примерно на том же расстоянии от северо-востока Москвы. Придав подразделению батарею «Катюш» — оружия тогда еще строго секретного и малочисленного — часть перепрофилировали в артиллерийско-минометную.

Надежда Князева, краевед

«Вечером погрузка на ж/д платформы. И — к Ленинграду. Постреляем там, где нашим войскам особенно тяжело, и назад — в Бологое. Следующая «вылазка» — к подмосковным позициям врага... Так проделывалось несколько раз. Фашисты думали, что такого грозного оружия у нас много, и боялись его...» — вспоминал брат.

Однажды, в ночной спешке Александр, будучи водителем по подвозке снарядов к орудиям, по неосторожности задавил солдата-однополчанина.

Попал под военный трибунал, а затем — в штрафную роту армии Рокоссовского. Брат участвовал в освобождении лево-бережной Украины, форсировании Днепра, получил тяжелое ранение в плечо при освобождении Киева.

Лечился в московском госпитале, располагавшемся на Стромынке, в бывшем студенческом общежитии.

Я тогда училась на втором курсе МИСиСа. Получив от брата записку, побежала к нему, сломя голову.

Увидела его очень худым, возмужавшим, опрятным и бодрым. О своих фронтовых злоключениях он мне тогда ничего не говорил, только просил заходить и принести покурить, хоть махорки... Через месяц-полтора его отправили долечиваться в Пермскую область...

Кончилась война. После демобилизации брат не любил о ней рассказывать, но, если чуток выпьет, в воспоминаниях о фронтовых друзьях и командирах его было не остановить. Тогда, узнав правду о его военной биографии, я как-то глупо обиделась на него. Я-то ждала, что он вернется с войны минимум лейтенантом и весь в орденах! Он пришел с медалью «За Победу над Германией 1941-1945 гг.» и нашивкой за ранение. Рядовым солдатом, смывшим кровью вину за преступление.

Сейчас мне стыдно за себя и перед памятью брата.

Что теперь, по прошествии лет, меня поражает из наших с ним разговоров? Его гордость за командиров! Командирами штрафных рот и взводов назначали несудимых офицеров-коммунистов с боевым опытом из частей внутренних войск, преданных стране, понимавших душу оступившихся солдат и верящих в их желание искупить вину.

Т.е. участники-то Великой Отечественной как никто другой знают, что военные соединения Советской армии цементировались не штрафбатами и штраф-ротами, а коммунистами и комсомольцами. Умелыми, сильными, настоящими патриотами своей страны.

В спорах же о событиях 1941-1942 гг. брат твердо ставил вопросы: «Кто остановил блицкриг Гитлера? Кто перемолол полки, дивизии лучшей в мире армии фюрера? Кто?!», и сам же отвечал: «Солдаты и офицеры 1941-1942 гг.! Ценой своей жизни, крови, здоровья. Не считать же победителями только новобранцев 1945 года».

Победа общая и драгоценная для всех народов Советского Союза, спасших мир от фашизма!

А солдат начала войны должен остаться в памяти народной не в образе хлюпика, сдававшего врагу город за городом, а мужественным, сильным и гордым, принявшим на себя основной удар мощнейшей «военной машины». На холсте и в бронзе, в кино и книгах именно таким этот образ должен дойти до следующих поколений россиян.

Надежда Князева

Когда началась война...

По воспоминаниям Эдуарда Чернышова

Когда началась война, мне было всего 4,5 года. Детские воспоминания сохранили немного, но я и по сей день помню, как Выкса провожала на фронт новобранцев...

Первым из нашей родни на войну был призван Алексей Ефимович Чикин – брат моей мамы и мой родной дядя. Шел третий день войны – 24 июня 1941 года. Встреча была назначена около Рабочего клуба: Васляевы со Щитков, мы с мамой – из Стахановского дома (ныне Красные Зори, д. 22), Чернышова с Песков, Гришины...

Алексей Чикин

Уже около Рабочего клуба мы влились в реку народа. Людей шло очень много. В этом потоке мы спустились к заводу ДРО, мимо поселка Жилкооперации... Между заводами тогда был проход к ширококолейной железнодорожной станции им. Урицкого.

Высокий сплошной тесовый забор, колея усыпана стружкой, мелкими железячками, меж которых торчали редкие клочки дурмана и цветущего татарника. Помню гудки паровозов; «Бух, бух, бух», грохот падающих чугуни, запах горелого железа и промасленной ветоши, на зубах закрипела пыль, поднятая сплошным потоком людей. Кто-то из мужчин поднял меня и посадил на плечи (не потерять бы в толпе, да и ориентир для своих).

Я и обычно-то был не шумный ребенок, а здесь просто съехался, пришипился. Поток голов: кепки, береты, платки, панамы, испанские пилотки, неприкрытые вихры и заборы, заборы, заборы... А когда заборы кончились, справа появилась станция и потянулись рельсы. Стоял запах паровозов, масла, потных тел и пыли. Потом впереди замаячил состав зеленых

вагонов. Где-то около станции зашевелились военные фуражки и пилотки. Неожиданный смех заглушила вспышка плача.

Наша родня, как и другие, стояла плотными кучками, словно кочки на болоте, чуть отдельно. Поочередно обнимали дядю Лешу, чего-то тихо приговаривали. Подошла и наша с мамой очередь.

«Ну, пожелай любимому дяде, Эдик», – сказала мне она, и я вдруг тихонько произнес: «Дядь Леш, тебе ранят пальцы, но ты все равно мне будешь рисовать картинки».

Взрослые от удивления растерялись. А потом было построение новобранцев, перекличка, развод по вагонам. Прозвенел колокол, паровоз отозвался прерывистым гудком, машинист получил жезл.

Прокатился перезвон сцепок и, резко выдыхая клубы дыма, поезд повез будущих красноармейцев в неизвестность.

Как-то врозь расходились провожавшие. Где-то играла гармошка. Кто-то поспешил, обгоняя других; кто-то сел на лавочку и, отрешенно глядя в никуда, стал сворачивать самокрутку, кто-то задымил папироску; кто-то еще махал вслед поезду. Но вскоре последний вагон, мигнув красным фонарем, скрылся за забором ДРО. И вновь заводской шум, свистки кондукторов и гудки паровозов стали здесь главными...

Дядя Леша в конце 1944 года получил ранение кисти левой руки и был списан. После войны женился, родил дочь, немного поработал заведующим Рабочим клубом, в редакции «Выксунского металлурга», с 1956 по 1970 – инженером-конструктором ВМЗ, вел кружок изобразительного искусства в ДК им. Лепсе. У всех сестер были написанные им копии известных полотен Васнецова и Врубеля.

А его картина «Похороны семи расстрелянных коммунаров» была отобрана на областной смотр в Горький, затем выставлялась в Москве и позже – в Финляндии. Ушел из жизни Алексей Чикин в январе 1979 года, и все эти годы в семье нет-нет, а вспоминали о моем детском предсказании, которое совершенно удивительным образом сбылось.

«Я помню...»

Бронислав Ивашкевич

«Я помню...» – обычно с этих слов начинается рассказ о чем-то далеком, безвозвратно ушедшем, но до сих пор неизгладимом. «Я помню, – говорит Бронислав Адольфович, – как ранним утром меня разбудили крики, стрельба и... гармонь. Кто-то тянул из палатки за ногу: «Командир, война кончилась!». Я не поверил. И даже когда въехали в освобожденную Прагу, когда наши машины и нас самих заваливали цветами – не верил. За спиной осталась выжженная

псковская земля, разрушенные деревни, в которых нас – освободителей – некому было встречать».

С каждым годом уходят от нас очевидцы страшной войны. С каждым годом все меньше тех, кто может сказать про «роковые сороковые»: «Я помню...». Бронислава Адольфовича я знала всю жизнь. Он был соседом моих бабушки и деда. Сколько себя помню – подтянутый, интеллигентный, а военную выправку было не скрыть до последнего.

О том, что Бронислав Адольфович воевал, знал весь подъезд, но он не любил об этом говорить. «Я же на передовой не был, – отмахивался ветеран, – я связист». На груди связиста – два Ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны II степени, польская и чешская медали. В 2011 году, накануне 9 Мая, Бронислав Адольфович все-таки согласился рассказать мне свой боевой путь.

«Я родился 30 апреля 1922 года в деревне Слободка Борисовского района Минской области и был самым младшим ребенком в семье. Мой отец – Адольф Яковлевич – был поляком, а мама – Павлина Андреевна – литовкой. Очень хорошо помню детство: старшего брата, двух сестер. Помню, возле деревни текла речка под названием Лужа, в ней водились раки, и мы с ребятами ловили их и тут же варили в чугушке. Мы были

счастливы, но в то же самое время война витала в воздухе, ее приближение чувствовалось по нараставшей тревоге и напряженности, по газетным публикациям.

Я окончил среднюю школу и осенью 1940 года получил повестку. Тогда не было традиции шумных проводов. Помню, простился с мамой и отправился на вокзал. Отец посадил меня на поезд, последний раз обнял. Я тогда еще не знал, что больше никогда его не увижу.

10 ноября 1940 года я поступил на службу. Судьба забросила в Гороховецкие лагеря Горьковской области – в Отдельный артиллерийский дивизион артиллерии резерва главного командования (АРГК), на вооружении которой стояли 210-миллиметровые пушки. Как раз с этой системой мы участвовали в первомайском параде 1940 года, где видели Сталина, Ворошилова, Тимошенко, Молотова. Это было воодушевление! Тогда народ безгранично доверял власти, Сталина уважали, ему верили, за ним и за партией были готовы идти. Думаю, без этого невозможна была бы Победа. Да и солдат готовили очень тщательно: обучение было непрерывным, дисциплина крайне строгой. И тоже чувствовалось приближение войны: нам объясняли, что в любой момент мы должны быть готовы дать отпор врагу.

Ранним утром 22 июня 1941 года дивизион собрали на плацу под включенными репродукторами. Отовсюду неслась речь Молотова. Обстановка была удручающая. Да, нам объясняли, что мир неустойчив, что войны не избежать, но когда стало известно, что немцы бомбили Киев и Минск, что враг уже шагает по нашей стране – это казалось невозможным. Мы наивно верили: немцев разобьют в два счета. Никто тогда и подумать не мог, что война растянется на столько лет.

Все мои родственники – родители, брат, сестры с мужьями и детьми – оказались в оккупации. Ничего не было известно об их судьбе. Между тем, меня и еще нескольких человек из части отобрали для срочного прохождения обучения. Так я стал курсантом Куйбышевского военного училища связи и из артиллериста превратился в связиста. Учились на пределе возможностей – по десять часов в день в течение полутора

месяцев. А уже 10 августа 41-го года были вызваны в штаб и ознакомились с приказом о присвоении очередного воинского звания – младший лейтенант.

15 августа прибыли в Подмоскovie принимать командование взводами, взводы были большие – по 40 человек. Там, в Измайловском парке, уже ждала нас 834-я отдельная телеграфно-строительная рота, сформированная из горьковчан. Началась подготовка к выезду на фронт, знакомство с личным составом, формирование эшелонов. 17 августа пришла команда выехать на фронт, указан маршрут: Москва, Верхний Волочок, Валдай, Демянск, Старая Русса.

Мы не доехали до Старой Руссы несколько километров, когда услышали артиллерийскую канонаду и увидели, как навстречу повезли раненых бойцов. Нам, необстрелянным, было страшно смотреть на это: боль, страдания, смерть. Запахло кровью. Навстречу все чаще и чаще попадались санитарные машины, какая-то техника, а потом и вовсе все перемешалось: солдаты, офицеры, беспорядочное отступление. Нас развернули с полпути: поздно приехали, ребята – Старая Русса у немцев. Мы шли через какие-то деревеньки, нам смотрели вслед и спрашивали: куда же вы, на кого нас оставляете?

А потом для меня началась война – та, которую знают только связисты. Что такое связь? Это нерв фронта. Не будет связи – не будет командования войсками, не будет командования – будет, как под Старой Руссой – хаос, отступление, потери. Когда к ноябрю 41-го фронт стабилизировался, бойцы перешли к обороне, а мы – к войне. Для войск оборона – возможность перевести дух, для нас – бешеная работа. Что такое обеспечить связь целой армии? Столбы, ямы, растягивание проводов, оснастка... Войска едва закрепились, а мы уже тянем проволоку. Началась бомбежка – со столба на землю и не дергайся. «Когти» сбросил и сиди. Главное – не бегать. «Юнкерсы», дьяволы, донимали. Авиационный налет – страшная вещь. Нарочно-то они нас не выслеживали, но и мимо не пролетали. Заметит, гад, обязательно очередь даст. Успеешь спуститься и к столбу прижаться – считай спасен, вероятность попадания крайне мала.

Мне иногда кажется, что за четыре года войны мы фронт проволокой опутали, как паутиной. Работа эта тяжелая – ямы копаешь, столбы ставишь, навверх проволоку тянуть лезешь, рекогносцировку делаешь. И хорошо, если земля ровная, но в основном овраги, болота... Трудно. Вот, например, если два провода тянем, нужно врыть 60 столбов (высота 6,5 метра, толщина 16 см) на километр пути. Если проводов 4 или 6 – 50 столбов. А сроки жесткие: три, максимум – четыре дня. И работаешь в любых условиях: дождь, гроза, снег, метель. Бывали случаи, когда спать приходилось по три часа, бывало легче – по пять-семь часов.

Связь – это нерв фронта! Фото из открытых интернет-источников

Во многом осложнялся наш труд неточностью масштаба карт. Иногда километр на карте бывал равен пятистам метрам на местности. Всякое случалось. Порой ноги от усталости подгибаются. Палатку наспех натянешь, воды нагреешь, пока моешься, волосы смерзаются и покрываются льдом. Особенно первый год тяжелым был. Единственная ободряющая мысль – войну бы закончить.

Потом стало легче, начали наступать, да и немец уже не тот пошел. Потрепали их, боевой дух у фашистов сильно упал. Смотришь, бывало, на пленного солдата – вроде человек как человек. А в груди все равно клокочет от негодования. И это притом, что мы особенных зверств их не видели. Мы же вслед за пехотой шли, поэтому к нашему приходу передовые части успевали «прибраться», но до сих пор помню тянущиеся одна за другой вытоптанные и выжженные деревни. В основном в них вообще не было людей, крайне редко из землянок к нам выходили две-три семьи – истощенные, измученные... Я потом удивился, когда мы шли через Латвию. Там такого не было. Все сохранилось, они от войны не пострадали.

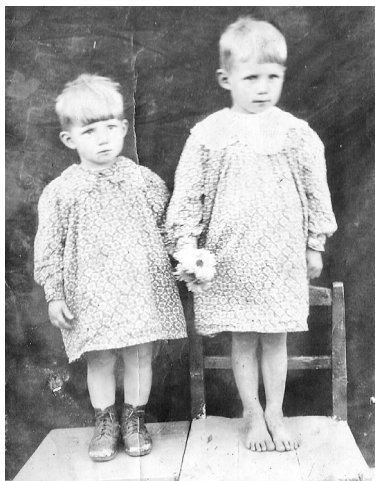
Когда, наконец-то, освободили Беларусь, я получил письмо от сестры Эмили. Она писала, что во время оккупации у сестры Маши расстреляли мужа, у нас убили отца и брата – пришли среди ночи, подняли, выволокли из дома... Только мать успела убежать в лес. Много мужчин в деревне тогда расстреляли...

Я вернулся в родную деревню в июне 45-го. Там не знали, что я жив. Когда шел по улице, сердце сжималось. Меня не узнавали. И я не узнавал. Поддеревни было сожжено, мужиков осталось семь человек, остальные сгинули. Хмелеводческий совхоз разорен. Зашел во двор к своей учительнице. Она как раз стирала белье, увидела меня – в форме, с орденами: «Бронька! Это ты?!». Обняла, поцеловала и держит, не отпускает. Наконец, вырвался, домой пошел. Дверь открыла мать. Увидела, на шею навалилась, повисла и – в голос рыдать. Сестры еле-еле оттянули ее, все не отпускала меня.

Я помню это очень хорошо. Раньше частенько снилась война, просыпался среди ночи и не мог понять – где я? Сейчас такого уже нет. Много лет прошло. Но я все равно помню».

Алена Самсонова

Я помню войну...

Оля и Рая Вовк, 1932 г.

Дети XXI столетия – мы знаем о войне из книг, из серых кадров фронтовых кинохроник, из пожелтевших фотографий и старых писем. Иной раз нам даже кажется, будто боль тех далеких лет утихла навсегда. 80 лет прошло! Тут что угодно забудется. Но вдруг доносятся из прошлого живые голоса тех, кто видел и помнит войну, и у тебя – человека, родившегося под мирным небом – вдруг заходится сердце, и руки сами собой сжимаются в кулаки. В такие мгновения

понимаешь – Великая Отечественная не забудется ни через 80, ни через 100 лет. Потому что такое забыть нельзя.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию воспоминания Ольги Никитичны Вовк – жительницы с. Туртапка, бережно записанные ее внучкой – Мариной Строкань.

Ольга Никитична всего месяц не дожила до своего 91-летия, но военное детство, проведенное на территории оккупированной Украины, она помнила до последнего дня.

Рассказывает Марина Строкань:

- Однажды я спросила бабушку: почему она не выбрасывает, а складывает в сундук вещи, которые давно уже не носит, зная, что их никто потом не наденет? Почему не выбрасывает остатки хлеба и еды, а бережно собирает и отдает бездомным животным, либо высыпает птицам?

Рассказанное настолько потрясло меня, что я решила поделиться им со всеми, кому будет интересно.

Бабушка родилась 1 февраля 1928 года на Украине, в Сумской области, Роменском районе, в селе Волошновка, в семье священнослужителя Никиты Васильевича Вовка. В семье было три девочки: старшая – Галина 1924 г.р., средняя – Рая 1925 г.р. и младшая – Оля (моя бабушка).

Мама Гарпина умерла «от болезни», когда моей бабушке было около пяти лет. Девочек «поднимал» отец. Однако в 1938 году за отцом пришли люди в форме и увезли его в неизвестном направлении. Так девочки остались одни.

Старшей Галине в то время было 14 лет. Она ходила в сельский совет, писала в разные инстанции с просьбой помочь отыскать отца, в надежде узнать хотя бы где он. Увы, поиски ни к чему не привели. Сестер отдали в интернат, который находился тут же, в селе, в обычном бревенчатом доме. Шел 1939 год.

В селе был колхоз имени «Седьмого съезда Советов». Интернатские дети вместе со взрослыми помогали колхозу собирать урожаи – убирали с поля картошку, буряк (свеклу), подсолнухи, скирдовали сено. Иногда работали даже по ночам. Колхоз за эту помощь выделял продукты на интернат.

Когда в 1941 году началась война, и все мужчины ушли на фронт, работа в колхозе легла на плечи детей и женщин. Через село проходила линия фронта, дети вместе со взрослыми рыли окопы и траншеи. В 1941 году шли тяжелые бои.

Из воспоминаний Ольги Вовк:

- Кругом все свистело, ревели и взрывалось. Было темно от смога и дыма. Куда ни глянешь, всюду – убитые и раненые, всюду кровь. Случалось, некоторые дети и взрослые от увиденного сходили с ума. Было очень страшно. Мы месяцами сидели в погребах и подвалах, прячась от всего этого ужаса.

Через несколько месяцев после начала войны немцы захватили Волошновку, они въезжали на мотоциклах, на танках, на

машинах. Вместе с ними были и полицаи (русские и украинцы, перешедшие на сторону фашистов). Немцы ходили по домам и забирали всю скотину, какая была у людей села.

Свиней резали прямо во дворах со словами «русский капут». Уносили все, что понравится, забирали даже последний хлеб. Уводили молодых девушек и женщин, над которыми потом издевались, насиловали и убивали.

Матери мазали лица дочерям сажей, чтобы девушки не понравились немцам. Таким образом действительно удавалось уберечь некоторых от неминуемой смерти. Немцы-то не щадили никого – ни малых, ни старых.

Первым делом немцы выгнали нас – детей – из интерната, тот располагался в самом большом доме, который фашисты определили под свой штаб. Мы же разбежались кто куда. Жили на развалинах и в погребках. Однако и оттуда нас гнали полицаи, им было все равно над кем издеваться, над нами – детьми, или над стариками.

Есть было нечего, люди начали умирать от голода. В рот мы тогда тянули все, что можно было употребить в пищу. На полях, после взрывов, собирали гнилые овощи, оставшиеся в земле, дохлую скотину, листья с деревьев, траву. Но вся земля была черная, сгоревшая – найти мало что удавалось.

Однажды я чудом отыскала в поле маленькую, наполовину сгнившую свеклу и принесла ее в погреб, где жила вместе с сестрами и другими осиротевшими ребятами. Галя осколком битого стекла разрежала мою находку на крохотные кусочки, так, чтобы хватило всем, и разделила между нами. Я сосала этот кусочек несколько дней. Подержу во рту и уберу в кармашек. Потом опять достану, опять пососу, и так несколько дней.

Помните, я говорила, что в село вместе с немцами приехали полицаи, которые издевались над нами, больше, чем сами фашисты? Насиловали, грабили и убивали они с особой жестокостью. Однажды мы с ребятами пошли на поле собирать остатки колосьев. Нам повезло – после нескольких часов хождения по распаханной взрывами земле мы смогли набрать по горсточке зерен. Мы радовались, но счастье было недол-

гим – прискакали полицаи, отобрали котомки с зерном, а нас сильно избили плетями. Мне досталось так, что я несколько дней пролежала без сознания.

Однажды у нас в селе появился новый полицай – молодой парень по имени Григорий. Лет двадцать ему было. Он оказался не похож на других – никого не бил, не наказывал, не грабил, наоборот – давал продукты, вещи и обувь, а если кому-то угрожала опасность, помогал спрятаться.

В начале 1942 года рано поутру немцы согнали жителей Волошновки в центр села. Из всех отобрали молодых девушек и ребят постарше, погрузили в машины и увезли в Германию. Мы со старшей сестрой успели спрятаться – Григорий помог, укрыл нас в погребе своего дома, знал, что у него искать не будут, завалил нас досками, каким-то хламом, сверху закидал тряпками.

А вот средняя сестра Рая в это время с другими детьми собирала в поле остатки овощей и спрятаться не успела. Ее схватили и увезли вместе с остальными.

Потом мы узнали, что Григорий был связным у партизан. Сельчане, как могли, помогали ему – женщины готовили еду, из остатков муки пекли хлеб, а дети носили партизанам нехитрую снедь и донесения о расположении немецких войск, о количестве солдат и оружия. Я тоже носила записки от Григория в лес.

Записки передавали так. На пояс нам привязывали документы, и мы шли в лес. Нас выслеживали.

Частенько немцы устраивали облавы. По счастью я была маленького роста и очень шустрая, всегда успевала сбежать или незаметно уползти. Но помню, как на моих глазах пытали и убивали моих друзей-мальчишек. И никто – вы верите мне? – никто из них не рассказал немцам о том, где находятся партизаны и кто из местных им помогает.

Помню, как страшно было. Бредешь, слезы льются, в лесу ночь, темно – глаз коли... Но идти-то надо, донесения надо передать.

А другой раз убегали от облавы и несколько мальчишек утонули в болоте. Но все равно ходили. Боялись, но ходили. А как иначе? Это были враги, захватчики. И мы боролись против них, как умели.

А потом фашисты как-то дознались, что у нашей соседки муж был в партизанах, они пришли в ее дом. У женщины было трое деток, два мальчика – четырех и пяти лет, и дочка, которой еще не сравнялось и года. Так они сперва взялись истязать мать, чтоб та рассказала, где находятся партизаны. Она молчала, хотя били ее жестоко. Молчала и все тут! Тогда они взяли меньшую девочку, раздели, посадили в бочку с водой и вынесли на улицу. А на улице была зима. Морозы стояли очень крепкие. К утру вода в бочке замерзла, а вместе с водой замерзла и малышка. Все это происходило на глазах матери. Но она все равно молчала. Так ничего им и не сказала. Но и сама не выдержала. Сошла с ума.

Страх и голод были тогда нашими постоянными спутниками.

Однажды, помню, собрались мы с сельскими детьми и пошли по окраинам села и полям в поисках пищи. Забредли на одно поле и стали собирать то, что было вывернуто после обстрелов из земли. Вдруг видим, в сторону оврага, за полем, немцы ведут толпу людей, среди которых и взрослые, и дети.

Мы спрятались в воронке, оставшейся от взрыва. Стали наблюдать.

Взрослых выстроили на краю оврага и начали расстреливать одного за другим. Это продолжалось до тех пор, пока на краю оврага не остались одни только дети. Их фашисты не стали стрелять, чем-то мазали под носом и ребятишки падали замертво. Когда немцы ушли, мы еще долго сидели в яме, боясь вылезти. А потом заметили, что из ямы выбрался окровавленный мужчина. Мы набрались смелости и побежали ему на помощь. С трудом дотащили его до окраины села, спрятали и,

как могли, лечили. От него-то мы и узнали, что расстреливали в овраге евреев.

Шел 1943 год. Моей сестре Галине было 19 лет, мне исполнилось 15. Мы так и жили у Григория, он нас опекал. Сестру мою очень любил. И она его тоже. Казалось бы – война, голод, ужас такой, что рассудок закипает. Но молодое сердце – чуткое, в 1944 году у меня родилась племянница, назвали ее Раей в память о нашей угнанной в Германию средней сестре...

Сестры Галина (с малышкой Раей) и Оля Вовк, 1945 г.

Когда Красная Армия перешла в наступление и начала отбивать Украину, в нашем селе немцы согнали жителей к зданию бывшего интерната. Одних погрузили на обозы, других заставили идти пешком. Я и Галя с маленькой Раечкой тоже оказались в числе «угнанных». В пути люди умирали от голода, от болезней и холода. Фашисты были очень жестокими, могли убить человека просто за то, что он русский или посмотрел не так и не туда. Но попадались и такие немцы, которые сами не ели, но отдавали все голодным и замерзающим от холода детям.

За Киевом обозы, в которых ехали люди из нашего села, отбила Красная Армия. Так нас освободили.

Идти нам было некуда, и мы с Галей подались обратно – в Волошиновку. Когда шли через Киев, то на площади слышали, как по громкоговорителю объявили об освобождении нашей земли от фашистов. Я до сих пор помню тот день. Без слез не могу о нем говорить.

Шел дождь, и вдруг из-за туч появилось солнце. Люди плакали от счастья, пели песни, из последних сил танцевали прямо в лужах, босиком. Обнимали друг друга и все кричали – ПОБЕДА! Не помню, чтобы когда-то еще чему-то радовалась так же сильно.

Домой мы возвращались через сожженные деревни и села, уставшие, истощенные, едва живые.

Однажды по пути нам встретилась бабушка. Она, наверное, пожалела маленькую Раечку, потому что подарила нам с Галей дойную козу, а меня тут же – посреди дороги – научила ее доить. Только этой козой мы тогда и спаслись. Я собирала на полях зерна, толкла их камнем и в консервной банке варила каши на козьем молоке. Добрые люди нам попадались часто, кто хлеба даст, кто одежонку какую. Так мы и шли...

Возвратились, а на месте Волошновки - пепелище, только трубы печные торчат. Но немцев не было, и мы уже ничего не боялись.

Через полгода к нам вернулась средняя сестра Рая. Она рассказала, как три года жила в Германии в специальном трудовом лагере. В лагерь приходили пожилые немецкие пары и выбирали себе девушек в помощницы, для уборки и уходом за скотиной. Однажды выбрали Раю. Она помогала немцам по хозяйству, стирала белье и убирала дом, делала все, что приказывали.

Со временем пожилая пара привязалась к русской девушке и стала брать ее чаще и надолго. Они покупали ей одежду, обувь, кормили, а позже рассказали о своем единственном сыне, который воевал на Восточном фронте, был сильно ранен и попал в плен к русским.

В плену его, по рассказам хозяев, выхаживала старенькая русская женщина, у которой на войне погиб сын. Немец всячески помогал этой женщине по хозяйству и однажды прислал родителям письмо, в котором рассказал о том, как рус-

ские люди помогли ему избежать смерти, и просил помогать попавшим в плен, чем только можно.

Поэтому эта семейная пара ездила по лагерям и забирала оттуда девушек якобы для работы, а на деле – чтобы хоть ненадолго вырвать их из неволи. Немцы привязались к Рае, как к дочери. И когда наши войска вошли в Германию, а Рая вместе с другими узниками собралась на Родину, ее уговаривали остаться. Но Рая не согласилась, она скучала по нам, по родной деревне. Провожая ее, немцы плакали и желали ей счастья...

Рассказывает Марина Строкань:

- Бабушка Оля повидала на своем веку всякого, но каждый раз, рассказывая о войне, она не могла сдержать слез. Вспоминала родителей, родных, друзей, подруг, педагогов из интерната, соседей и просто односельчан. Вспоминала и того, не похожего на других полицаев, парня по имени Григорий, которого немцы казнили на глазах у всего села – повесили, нацепив на грудь табличку с надписью «ПАРТИЗАН». Вспоминает всех тех, кто не увидел чудо природы в День Победы – яркое солнце, вдруг показавшееся из туч, и счастливых людей, танцующих в центре Киева.

Алена Самсонова, Марина Строкань

С чего начинаются семейные альбомы?

...Со старых фотографий, которые раз в год – 9 Мая – смотришь обязательно. Потому что тебе уже за семьдесят. А на старых карточках – твои родители молодые и красивые, в военной форме.

Анна Прошкина (слева) с боевыми подругами

Они родились в начале 20-х годов прошлого века, а к началу Великой Отечественной как раз стали совершеннолетними. Потом, когда мы – их дети – уже учились в школе, они часто вспоминали войну, отвечали на наши бесчисленные вопросы, рассказывали о своих боевых товарищах, переби-

рали фронтовые фотографии. Со временем это происходило все реже и реже...

Удивительно, но, хотя родителей давно уже нет, мы стали открывать эти альбомы все чаще и чаще, всматриваться в дорогие лица, такие юные, такие открытые.

Как поздно пришла простая мысль, что, если бы не эта – самая страшная в истории человечества – война, мама и папа никогда бы не встретились, а значит, не было бы нашей семьи. Не было бы их счастья, не было бы двух сыновей и двух дочерей, внуков и правнуков.

Если бы не страшный 1941 год, никогда не познакомились бы призванный на Балтфлот весной того года сын выксунского машиностроителя завода ДРО Василий и девушка Аня из большого села Криуша Кировской области.

В мае 42-го она закончила десятилетку, а в августе всех девчонок ее школы мобилизовали...

Второе военное лето закончилось катастрофой на Юго-за-

Василий Прошкин, весна 1942 г.

падном фронте: немцы вышли к Волге у Сталинграда, прорвались на Северный Кавказ. Мужчин не хватало, молох войны слишком яростно требовал крови...

После кратковременных курсов бывшие десятиклассники стали специалистами службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), а осенью оказались в блокадном Ленинграде. А будущий мой отец попал в город на Неве годом раньше, отступая с главной базы флота, из Таллинна, вместе с тысячами моряков, влив-

шихся в отходящие части Северо-западного фронта.

Здесь, в батальоне аэродромного обслуживания (БАО) полка истребительной авиации ПВО Ленинграда и познакомился мой родители. Часть стала знаменитой после выхода в свет романа К. Чуковского «Балтийское небо», чем оба моих родителя гордились всю жизнь.

За два блокадных года Василий и Аня успели хорошо узнать друг друга, хотя на снимках этих лет они все еще порознь.

Мама служила на узле связи, отец – в подразделении спецрадиотехники. Во время очередного налета немцев на аэродром отец быстро восстановил связь на расстрелянной аппаратуре, и командование смогло вернуть на позиции часть истребителей – те отогнали бомбардировщики, предотвратив разгром полка. За это молодого солдата наградили медалью «За отвагу». Мама вспоминала – хвалился; ну, как не покрасоваться перед девушкой, с которой решили не расставаться и после Победы!

Май 1945-го мои родители встретили в тогда еще немецком Кенигсберге, будущем Калининграде. Свадьбу отметили

Кёнигсберг - будущий Калининград, 1945 г.
Фото из открытых интернет-источников

по-военному, летом 1946-го - весело, но очень скромно. Много тогда таких свадеб игралось, ведь по-настоящему мирная жизнь начиналась только с возвращением молодых с полей сражений.

Мама поехала за отцом – сюда в Выксу. Здесь они прожили всю жизнь. Прожили счастливо. Но я все равно, каждый раз, рассматривая 9 Мая старые снимки, думаю: что, если бы не война?

Владимир Прошкин

Наследие пережитого

Валентина Балыкова

«Директор школы, где я работала учителем, часто говорила, что уж слишком сильно я за все переживаю... Такой уж я человек!», – с улыбкой говорит Валентина Федоровна Балыкова. Узнав подробности ее судьбы, это не кажется удивительным. Еще до войны и блокады маленькая Валя осталась сиротой при живых родителях. Обостренные переживания – наследие всего ею пережитого...

– Девичья фамилия моя Надежко. Мы жили в Сестрорецке под Ленинградом. Папа – военный, мама – учительница. В 1937 году родителей репрессировали и нашу семью выслали в Казахстан. Отца вскоре арестовали. Чуть позже пришли за мамой, младший братишка Эдик оказался в детском доме. Меня, пятилетнюю, к тому времени успели отправить в Сестрорецкий район в поселок Разлив, к крестной.

Тетя Маша оказалась женщиной жестокосердной. Держала впроголодь, за малейшую провинность нещадно наказывала. У меня не было даже необходимой одежды и обуви, что уж говорить об игрушках, книгах и сладостях. Помню, как однажды в магазине попросила у крестной для себя маленькую булочку. Тетя сделала вид, что не слышит. Тут две женщины говорят ей: «Мария, купи ребенку булочку». А она в ответ: «У нее только глаза не сытые. В доме чего только нет».

У крестной был двухэтажный дом, который она сдавала на лето дачникам. Мы же жили в пристройке, вели хозяйство – корова, куры, огород... Однажды вручила она мне подойник

и приказала доить корову. Хотя не умела этого делать, послушаться я не посмела, пошла в хлев. Но, как только села на скамеечку, корова лягнула так, что я отлетела к стене. Хорошо, по подойнику пришелся удар, а то бы меня покалечило...

Я мечтала стать учительницей. Из фантиков конфет, съеденных детьми дачников, делала «тетрадки», маленькие щепочки были у меня книжками, большие – партами... Приближалось время идти в школу – тогда учились с 8 лет – и я просила крестную купить мне портфель, форму, букварь. Она делала вид, что не слышит.

Накануне 1-го сентября я легла спать в слезах – ничего к школе не было, и я боялась, что меня не примут. И снится мне, будто на табуреточке у кровати вдруг появилось все, что нужно для учебы. Утром просыпаюсь и глазам не верю – так и есть! Оказалось, вещи привезла из Ленинграда теткина взрослая падчерица, которая училась там в техникуме...

Я окончила 1-й класс. Наступило лето 1941 года. Однажды утром слышу – крик, плач, шум. Вскрываю с постели и узнаю, что началась война. Крутом суета, неразбериха. Дачники спешно разъехались.

Тревога нарастала с каждым днем. По радио объявляли о наступлении немцев. Была объявлена мобилизация. Как я узнала много позже – отправились на фронт медсестрами две папиных сестры, они почти до самого Берлина дошли. К счастью, остались живы и мои дед и бабушка по отцу, проживавшие в Витебской области и попавшие под оккупацию...

Но тогда я всего этого еще не знала. Ясно было только одно – жизнь наша изменилась. Начались бомбежки, обстрелы, во дворе появилась траншея для укрытия. В магазинах стали исчезать товары, на хлеб и продукты ввели карточки...

...Началось бесконечное стояние в очередях за порцией хлеба, которая с каждым разом становилась все меньше. Иногда вместо хлеба давали дуранду – жмых семян и шелухи подсолнечника. Весь рот обдерешь, пока ее жуешь!

В доме тетки поселились две семьи беженцев. В одной комнате – мать, отец и двое детей. В другой – мать с дочерью-под-

ростком, которые по неделям работали на заводе в Ленинграде. В какой-то момент они перестали возвращаться...

Начались холода. Однажды тетка вдруг упала – ее разбил паралич. Мне пришлось ухаживать за лежащей больной, самой ходить в магазин, смотреть за домом. Хлеб в Сестрорецк из Ленинграда стали возить с перебоями, а поселковая пекарня сгорела под бомбежкой вместе с запасами муки. Люди ослабли, начали умирать.

Однажды стоявший передо мной в очереди старичок потянулся за оброненным довеском хлеба и упал. Умер. В декабре умер отец квартировавшей у нас семьи. Тело долго лежало на террасе, благо стояли сильные морозы. Жена повредила умом и ее тоже вскоре не стало. Дел у меня прибавилось – нужно было топить две печки, добывать что-то съестное. Спасал небольшой запас дуранды и солонина – еще в начале лета, до войны, наша корова порвала вымя, ее зарубили, и мясо закатали в бочку с солью. Расходовали запасы аккуратно, понемногу. Воду я носила из колодца с соседней улицы. Мне было только девять лет...

В начале июня 42-го тетка умерла. Соседки нашли человека, который взялся помочь с похоронами за теткину хлебную карточку – нашел гроб, крест и большую телегу. Поразила жуткая картина, увиденная мною на кладбище: в низине его штабелями стояли гробы. Видно, не хватало сил вырыть могилы. Я упросила мужчину поискать место недалеко от дороги и сделать все добром. Что-то подсказывало: когда-нибудь взрослая теткина падчерица из Ленинграда вернется сюда. Мы поставили крест с надписью, место я хорошо запомнила. И действительно, много лет спустя мы с той женщиной отыскали могилу тети Маши...

Вернулась я после похорон, собрала кое-какие вещи и отправилась в детский дом, расположившийся в здании школы... В столовой на обед дали две крошечные котлетки величиной с грецкий орех. Для меня это было чудо. И я решила продлить удовольствие – положила котлетки в свой игрушечный чемоданчик. Настал тихий час. Когда все успокоились, я забралась

под одеяло и решила пососать котлетку. Вдруг слышу шорох, шаги к моей кровати. Приоткрываю одеяло – ужас! Стоит толпа девочек, впереди самая высокая и худая. Как она взывала: «Отдавай! Нельзя приносить в спальню еду!» И вырвала чемоданчик мой. Я заплакала, но никто не заступился. Такой был у них уговор – не раздражать видом и запахом съестного, ведь всех мучил голод. Я как сейчас помню искаженное лицо той девочки. Звали ее Лида Рудзиковская. Она первой умерла во время эвакуации...

В начале июля 42-го нас эвакуировали. Для изможденных детей это стало страшным испытанием. Всю дорогу до Ладожского озера нас бомбили. Когда подошел наш катер, у многих уже не было сил идти. Воспитатели с великим трудом помогли нам погрузиться. Катер стало качать, многим сделалось плохо, но доплыли кое-как...

На берегу нас ждал приемный пункт, еда и медики. Затем всех рассадили по вагонам и повезли в тыл. Приехали в Горький, где нас распределили по детским домам. С 1942 до 1952 года я жила в трех детских домах. Сначала в Ветлужском районе, куда позже привезли ко мне младшего брата. Потом в Борском – это был детдом на базе недорасформированной колонии для малолетних. Затем в Дивеевском, в пансионе при педучилище для тех детей, кто поспособнее к учебе.

Дали мне направление в Горьковский ВУЗ. Но я добилась своего – выучилась в Ленинградском пединституте им. Герцена, что на Мойке. Конечно, отыскала оставшихся в живых родственников. Сколько слез было, сколько воспоминаний...

Валентина Федоровна, как и мечтала с довоенного детства, стала учителем. Товарищ по Дивеевскому училищу помог ей устроиться в выксунскую школу, а позднее стал мужем. Учителем Валентина Балыкова проработала 52 года.

Наталья Александрова

Ничто не забыто

Июнь 41-го года... Для многих шестиклассников страны Советов наступили последние летние каникулы. От взрослой жизни ребят и девчат отделял всего один учебный год – тогда многие после семилетки шли получать профессию, а то и сразу поступали на работу. Среди таких была и юная выксунка Женя Зотова...

Проживала Женя на Песках, а училась в школе № 8 на ул. Красных Зорь. Получая заветный табель за 6 класс, школьница и не подозревала, что с сентября ее привычный маршрут на уроки будет иным. А все потому, что ровно в день начала войны поступило распоряжение Горьковского облздора подготовить в Выксе помещения под госпитали, которые уже в июле стали принимать первых раненых. Один из эвакогоспиталей развернулся на базе восьмой школы. И вместо рядов парт в светлых классах установили ряды железных коек.

- Школу нашу – под госпиталь. А нас перевели в четвертую школу на Нижнем заводе. Там и заканчивали учебу, – вспоминает Евгения Яковлевна. – Потом на работу пошла в завод ДРО, где в ту пору – сейчас секрета в этом нет – кроме прочего делали корпуса снарядов и мин. Взяли меня в ОТК – большой такой стол был, вот вдоль него ходишь всю смену и проверяешь, проверяешь... Другой раз собираемся из смены домой – спать хочется, а нам говорят: «Девочки, в госпиталь зайдите. Надо письмо написать...»

Евгения Мельникова

И Женя с подругами шла в родную школу и, как когда-то в этих стенах, писала под диктовку. Да только не учитель диктовал, а тяжело раненый боец. Эвакогоспиталь № 2914 считался небольшим, на 100-120 коек. Но сюда поступали с особо серьезными ранениями.

В госпитале. Фото из открытых интернет-источников

- Шли в свою школу, а узнать ее не могли, – продолжает Евгения Яковлевна. – Все здесь по-другому. Нет школьной веселой суеты, а есть строгие люди в халатах, запах хлорки и медицины. Ребята молоденькие в бинтах с бурыми пятнами. От родных скрывали, что тяжелые увечья получили, все скажут: «Ты напиши матери, что все нормально...» Другой книжку почитать просит – читали. А кругом-то кровь, крики, слезы... Так нам с подружками это запало в душу, что ни одна в медицину пойти не решилась, хотя предлагали направление и помощь на медсестер выучиться...

Выкса, хоть и тыловой городок, но и тут люди в войну в досталь нахлебались горя. Отца Жени не забрали на фронт – он работал в мартеновском цехе, имел бронь. Только он и Женя в войну работали из всей семьи, где росли четверо детей.

- ...Да еще мама взяла сироту – своей сестры пятилетнюю дочку. Отец у нее погиб на войне, а мать заболела и умерла. Родители так и воспитывали ее, и учили потом, – говорит Евгения Яковлевна. – Как мы тогда выжили – одному Богу ведомо. Бывало, получают пайки, мать скажет младшему Вовке: «Иди, снеси Жене хлеба. Пусть поест», к проходной выйду, а он плачет: «Я твой хлеб съел».

Что и говорить – горе... Большое горе... А племянников у матери всех поубивало. И парнишек с нашей улицы, с кем дружили, гуляли с самого детства – поубивало многих.

Победа! Фото из открытых интернет-источников

В победный день 9 мая, как вспоминает Евгения Яковлевна, их на радостях отпустили с работы по домам. После войны она училась в техникуме, долгое время жила в грузинском городе Поти, где вышла замуж за земляка-горьковчанина и стала Мельниковой, вернулась в родную Выксу, вновь трудилась на заводе ДРО. Но и спустя годы мирной жизни – с обычными людскими заботами и радостями – воспоминания о военном лихолетье вызывают у нее слезы. И она снова повторяет: «Не дай бог кому испытать то, что довелось нам...»

Наталья Александрова

Подвиг почтальона

Павел Савельев

В тревожное время войны для людей огромной радостью была любая весточка от родных. На фронте в окопах, в госпиталях, в далеких глухих деревеньках, в блокадном Ленинграде, в эвакуации – в каждой семье Советского Союза ждали почтальонов. Военная почта не только обеспечивала связь между фронтом и тылом, но и дарила веру в Победу миллионам людей, разлученным войной. Среди таких посланцев надежды был и наш се-

годняшний герой Павел Петрович Савельев.

Он родился в 1904 году в Ленинграде. Призван был в самом начале войны и зачислен на Черноморский флот, в состав 16-го отдельного стрелкового батальона 83-й Краснознаменной ордена Суворова II степени Новороссийской отдельной морской стрелковой бригады. Сражался на Южном, Северо-Кавказском и Крымском фронтах.

Принял участие в десанте в Мысхако в 1943 году и последовавшей за этим восьмимесячной героической обороне Малой земли. Так называли клочок территории, отвоеванной у врага в ожесточенных боях под Новороссийском.

Название появилось благодаря клятве десантников, защищавших ее: «Она хоть и мала, но это земля наша, советская, она полита нашим потом, нашей кровью, и мы ее никогда и никакому врагу не отдадим... Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, клянемся выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть их силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев. Превратим Малую землю в большую могилу для гитлеровцев».

В числе этих десантников был и Павел Савельев. В ночь на 8 февраля советские солдаты захватили северную окраину поселка Лагерный, а днем фашисты обрушили на них массиро-

ванный огонь артиллерии и авиации. При атаке на поселок 9 февраля Павел Петрович шел в первых рядах и лично убил двух вражеских солдат.

В июне его перевели на должность почтальона, и уже в новом качестве он участвовал в последующих боевых операциях. Оборона Малой земли продолжалась 225 дней и завершилась 16 сентября освобождением Новороссийска. За успешные действия по освобождению города тридцати соединениям Северо-Кавказского фронта и восьми частям и соединениям Черноморского флота было присвоено наименование Новороссийских. Среди них и бригада, в которой служил Павел Савельев.

В том же 1943 году он участвовал в десантах на Бугазскую косу в ходе Новороссийско-Таманской наступательной операции. К началу октября войска Северо-Кавказского фронта очистили Таманский полуостров от частей противника. Немцы спешно эвакуировались, но часть их осталась на косе Тузла, стараясь удержать ее, ведь обладание давало полный контроль над Керченским проливом, мешая советским войскам десантироваться в Крым. В ночь на 6 октября в южной части косы высадился десант Черноморского флота, и к 9 октября она была полностью освобождена от фашистских захватчиков. В этом сражении Павел Петрович тоже принимал участие. Позже он сражался и в Крыму.

Но больше послужного списка впечатляет ответственное отношение Павла Савельева к своим обязанностям, за которое он был неоднократно награжден. За все время боев в 1943 году он, не страшась огня противника, в любое время дня и ночи вовремя доставлял распоряжения и донесения в роту. Не желая идти пустым, брал с собой боеприпасы для бойцов. За это, а также за участие в боях под Новороссийском, он получил первую медаль «За боевые заслуги».

Работа почтальона была полна трудностей. Каждый день Павел Савельев собирал почту и обходил с ней все подразделения на передовой линии обороны. Ежедневно он под артиллерийско-минометным обстрелом преодолевал 20-25 км, рискуя жизнью, чтобы доставить письма и газеты бойцам на

Полевая почта. Фото из открытых интернет-источников

линию огня. Такое отношение к делу принесло ему заслуженный авторитет и любовь всех сослуживцев. Какие бы жестокие ни шли бои, как бы ни обстреливались подходы к передовой, Павел Савельев всегда аккуратно доставлял письма и газеты бойцам и офицерам на передний край. За свою самоотверженную работу он получил вторую медаль «За боевые заслуги».

Однажды, в 1942 году, в период апрельских сражений под Керчью, он получил письма с ранее оккупированной территории для нескольких бойцов и офицеров. Зная, что бойцы не знают о судьбе родных около трех лет, Павел Петрович решил во что бы то ни стало доставить письма. В пути он попал под артиллерийский обстрел и был ранен, но не остановился и дошел до передовой. Истекая кровью, раздал почту и поздравил солдат с восстановлением связи с родными. Все были восхищены его подвигом.

В боях под Севастополем Павел Петрович так же ответственно доставлял почту. 8 и 9 мая, во время преследования отступающего противника, он снова взял в руки оружие и принял участие в бою, в котором отличился храбростью и от-

вагой, лично убив немецкого пулеметчика и захватив его оружие. Лишь приказ командира заставил его снова отправиться с передовой в тыл за почтой. Все эти подвиги предстают перед нами со слов командира 16-го отдельного стрелкового батальона майора Н.И. Петрова, который не скупился на хвалебные эпитеты в наградном листе к ордену Красной Звезды. Именно его слова смогли навеки запечатлеть доблесть героя нашей статьи, ведь сам он рассказать об этом уже не смог.

Павел Савельев погиб в бою в феврале 1945 года на территории Венгрии и был захоронен в городе Будафок на военном кладбище в саду фабрики шампанского. Скорее всего, позднее был перезахоронен в Керепеши (по данным ЮГВ, в 1961 году). В списке погибших в Великой Отечественной войне на сайте «Мемориал» среди его родственников указана дочь Анна Павловна Савельева, проживающая в селе Решное Выксунского района. Возможно, она была вывезена сюда в эвакуацию из Ленинграда. Так потомки героя оказались в Выксе.

Павел Савельев приносил солдатам письма, полные грез о мирной жизни, но сам не дожил до Победы всего несколько месяцев. Однако многие его сослуживцы вернулись домой и сохранили память об отважном почтальоне, который не жалел себя, чтобы подарить им надежду.

Для справки

Керепеши – самое известное кладбище в Будапеште. Одно из старейших в Венгрии. После войны тут был установлен мемориальный комплекс в память о советских воинах, погибших при освобождении города. Здесь похоронены свыше 2 тысяч красноармейцев – это одно из крупнейших сохранившихся советских и российских военных кладбищ в Европе.

Полина Артамонова

Над нами «Хейнкели» кружили...

В маленьком домике по улице Ленинградской – фотографии на стене. Юноши и девушки в военной форме, среди них и хозяйка дома – Любовь Андреевна Растунина. Сколько лет прошло, а молодые солдаты с прежним задором глядят со снимков и напоминают боевой подруге о далекой войне, о «юности в сапогах». Да и можно ли такое забыть?

В село Покровку Благодатовского совета Вознесенского района в декабре 1942-го пришла разнарядка спецнабора: откомандировать в Горький грамотного человека, желательно учителя.

Двадцатилетний счетовод Люба Пудеева, закончившая шесть классов, оказалась «самой образованной». Ее и отправили. Зачислили старшим разведчиком наблюдательной службы артиллерийского полка, прикрывавшего автозавод от авиадаров. Разместили в землянке, выдали обмундирование: ботинки 42-го размера, мужскую гимнастерку... Хорошо, что валенки она догадалась взять из дому – всю войну с ними не расставалась.

Люба обнаруживала и опознавала в небе самолеты противника. При необходимости сообщала об опасности.

Справка: На июнь 1943 года фашисты планировали масштабный удар по Москве, поэтому противовоздушную оборону столицы усилили. И тогда немцы поменяли тактику: бросили силы на уничтожение крупнейшего производства советских грузовиков и бронемашин. Один за другим разрушались цеха, гибли люди. В результате двадцати пяти воздушных атак горьковский автозавод оказался на грани остановки. За все время налетов на Горький враг использовал более полутора тысяч бомбардировщиков, из них 33 были сбиты, более двухсот – повреждены нашими зенитчиками.

Любовь Растунина

– Однажды две смены рабочих погибли за раз, – вспоминает Любовь Андреевна. – Был пересменок, одни еще не успели уйти, а другие уже готовились заступить. А тут налет!.. Во время бомбежки мы – разведчики наблюдательной службы – не прятались в укрытия, а фиксировали, куда упали снаряды. Как-то взрыв произошел совсем близко от меня. Не ранило, но испуг такой получила, что речи лишилась. Подошли ко мне после налета, теребят, а я слова сказать не могу. Стою вся землей усыпанная, на язык показываю и мычу – отнялся, мол.

Меня к врачу повели. Она поспрашивала что-то и говорит командиру отделения: «Это сильный испуг. Пройдет. Что по работе нужно делать, поручайте ей, а разговорами не донимайте». Через пару-тройку недель начала я снова говорить – сначала плохо, а потом речь восстановилась.

Немцы стали активно отступать, орудия и войсковые подразделения, охранявшие Горький, передислоцировали.

Люба в составе зенитной батареи отправилась в Тулу.

Здесь девушка переболела сильнейшей лихорадкой. В их части на правах «сынов полка» жили четыре украинских подростка. Она и сейчас помнит их пофамильно. Осиротевшие мальчишки прибились с прибывшими из других частей военнослужащими. Осенью 44-го зенитную батарею погрузили в эшелон и направили на границу с Латвией.

– Как стали приближаться к латвийской границе, нас строго-настрого предупредили, чтобы ничего на станциях из еды не покупали. Отравить могли, – продолжает Любовь Андреевна. – На станции Шкиротава нам приказали выгрузиться, личный состав разместили в двухэтажном кирпичном здании, чему мы удивились – обычно проживали в землянках. Местные жители рассказывали нам страшные вещи, как много в Шкиротава немцы расстреляли людей – взрослых и детей. Запомнился один парень. «Мне, – говорит он, – восемнадцать лет». «А почему же ты седой весь?» – спрашиваю. А он: «За одну ночь побелел. Только рассказать не имею права – как и почему...»

После Победы Люба вернулась на Родину. Вышла замуж за своего бывшего одноклассника Григория Растунина, служив-

шего в селе фельдшером. Он был призван на войну с первых дней, но уже в 1941-м получил ранение в голову и лишился правой руки. Инвалидом вернулся домой. В конце сороковых молодая семья перебралась в Выксу, выстроила дом. Тот самый, где и теперь на стене висят черно-белые фотографии военных лет. Эти снимки – безмолвные свидетели того, как жили, трудились, растили детей супруги Растунины, как не стало в 1971-м Григория Сергеевича...

Люба с боевыми товарищами

О тревожной молодости Любови Андреевны напоминают юноши и девушки в военной форме, да еще красноармейская книжка, орден Отечественной войны I степени и медали.

Наталья Александрова

Доктор Колпаков взял в плен 43 немцев

В 1944 году был дважды награжден орденом Красной Звезды.

Калистрат Яковлевич Колпаков известен выксунцам старшего поколения как замечательный хирург. В наш город приехал сразу после войны и прожил здесь 36 лет, до самой своей смерти. О его самоотверженном труде в годы Великой Отечественной говорят награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги».

Калистрат Колпаков

Он родился 21 августа 1919 года в Нижнем Новгороде. В 1938 году поступил в Горьковский мединститут, который окончил в 1942-м. Выпуск был досрочным, с присвоением квалификации военного врача. В действующей армии с апреля 1942-го: младший врач 515-го стрелкового полка 134-й стрелковой дивизии (Калининский фронт), с мая 1943-го по декабрь 1945-го – ординатор оперативно-перевязочного взвода 250-го отдельного медико-санитарного батальона (ОМСБ) 153-й стрелковой дивизии (Западный, 2-й и 3-й Белорусский фронт).

Из наградного листа от 13 июня 1944 года: «Военврач III ранга Колпаков Калистрат Яковлевич... за время работы в полку показал себя врачом, отдающим все знания и энергию на быстрейший вынос раненных с поля боя и оказание первой врачебной помощи. В апреле 1943 года за хорошую организацию работы в полку был переведен в медсанбат, где Колпаков сотням раненых и больных оказывает квалифицированную помощь, тем самым спасая их жизни.

Врач Колпаков в боевые операции не покладая рук работает с ранеными. Им лично вылечено и возвращено в часть из

Вся графа заполнять полностью.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Колпаков Калистрат Яковлевич

2. Звание См. 1-й медсанбат 3. Должность, часть Ординар-хирург

250-ОМСБ 153 Сп. Кр. Зв. Представляется к Ордену Красной Звезды

4. Год рождения 1919 5. Национальность Русский

6. Партийность бп 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Октябрь 1941, Калинин, 42-43-44, 45

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне Не имеет

9. С какого времени в Красной Армии Декабрь 1941

10. Каким РВБ призван Галицкий РВБ

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Орден Красной Звезды

12. Постоянный домашний адрес, представляющий его к награждению и адрес его семьи.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

См. Лист Колпаков удостоен в Отечественной войне с октября 1941. В Медсанбате 250 создал его организацию. За все время работы показал себя растущим врачом, освоившим основы хирургии. В боевую операцию с 23 июня все время был в передовой группе оказывая помощь раненым в сложной обстановке. В районе Минска, когда окруженные немецкие группировки напали на медсанбат, участвовал в отражении атаки немцев; с группой бойцов прочесывал лес, где взял в плен 43 немца. Тов. Колпаков всегда командованием оставляется для последующего лечения послеоперационных тяжелораненых, которых своим квалифицированным и бережным уходом спасает от смерти...

Колпаков в конце доведен до сведения Военного награды Ордена "Красная Звезда"

250 ОМСБ 153 Сп. Кр. Зв.

Командир (начальник) См. 1-й медсанбат (подпись)

1944 г. Майор "Х" Рина (подпись) И. В. Сенин (подпись)

команды выздоравливающих медсанбата 673 человека за четыре месяца... Достоин награждения орденом «Красная звезда». Приказ подписан 10 июля 1944 года.

Из наградного листа от 31 июля 1944 года (орден Красной Звезды):

«...В 250 медсанбате со дня его организации. За все время работы показал себя растущим врачом, освоившим основы хирургии. С 23 июня все время был на передовой, оказывал помощь раненым в сложной обстановке. В районе Минска, когда окруженные немецкие группировки напали на медсанбат, участвовал в отражении атаки немцев; с группой бойцов прочесывал лес, где взял в плен 43 немца. Тов. Колпаков всегда командованием оставляется для последующего лечения послеоперационных тяжелораненых, которых своим квалифицированным и бережным уходом спасает от смерти...».

Из наградного листа от 23 февраля 1945 года:

«Ординатор-хирург оперативно-перевязочного взвода, военврач III ранга тов. Колпаков ... за время боевых действий в Восточной Пруссии проявил себя одним из лучших хирургов МСБ (медико-санитарного батальона. – Прим. автора). Лично оказал хирургическую помощь за этот период 189 раненым. Ассистировал ведущему хирургу в проведении 18 операций тяжело раненым в живот и грудь. Тов. Колпаков отлично выполнил задание командования, будучи оставленным в Ольшавене, где обеспечил уход и оказание помощи 146 раненым до их эвакуации в госпитали. Тов. Колпаков без отдыха и сна самоотверженно и беззаветно отдает все свои силы спасению жизни раненых и заслужил этим любовь и уважение всего личного состава и раненых.

За отличное выполнение заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками представляю тов. Колпакова к ордену Отечественной войны II степени. Командир 250 ОМСБ майор медицинской службы Ходоковский».

Кстати, орден ему вручили спустя 40 лет – 6 апреля 1985 года.

Наградной лист К.Я. Колпакова. Фото из открытых интернет-источников

Вот что пишет майор Ходоковский в боевой характеристике на Калистрата Яковлевича: «...Тов. Колпаков постоянно работает над повышением своих знаний. Требовательный к себе, но недостаточно требовательный к подчиненным... Политически грамотен, морально устойчив. Вывод: занимаемой должности соответствует».

В 1947 году Колпаков приехал в Выксу, где получил должность заведующего хирургическим отделением. В 1951 году переведен на должность директора сестринско-акушерской школы, затем стал главным врачом Шиморского детского костно-туберкулезного санатория, позже – заведующим хирургическим отделением ЦРБ, Шиморской линейной больницы. В последние годы жизни трудился заведующим хирургическим отделением медсанчасти ВМЗ. Награжден знаком «Отличник здравоохранения». О Колпакове говорили: «Врач от бога».

Талантливый хирург спас сотни жизней как в военное время, так и в мирное. В 1972 году ему было присвоено звание подполковника медицинской службы.

Мало кто знал, что Калистрат Яковлевич серьезно увлекался игрой в русские шашки. В 1950-е годы в Выксе ему не было равных среди шашкистов. Участвовал в 7-м чемпионате Горьковской области, играл с чемпионом СССР Василием Соковым. Принимал участие в первенстве ЦК «Медик» в Киеве в 1951 году. Кандидатом в мастера спорта стал в 1973 году на VI областном турнире. Норматив мастера выполнил на Всероссийском заочном турнире, заняв второе место.

Умер 18 сентября 1987 года, похоронен в Шиморском.

Наталья Орлова

Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...

И сколько бы лет ни минуло, мы будем помнить их, воевавших, погибших и выживших, продолжавших спасать людей и в мирное время.

Когда враг напал на нашу землю в 1941 году, советские люди встали на защиту Родины все как один. Нет такой семьи, в которой не было бы своего героя-фронтовика. И нет такой семьи, в которой бы свято не хранилась память о деде, отце, брате, сыне, дяде, положившем жизнь во имя мирного будущего. Эта память священна.

Василий Самсонов

Наш рассказ сегодня о фронтовике-фельдшере. Он не ходил в атаку, но всегда оставался на передовой рядом с бойцами, под обстрелами и бомбежками выполняя свой долг, он защищал и спасал тех, кто спасал и защищал нас.

Фельдшер, награжденный орденом Красной звезды

Василию Дмитриевичу Самсонову было 20 лет, когда началась война. Он как раз окончил фельдшерскую школу и в 1942 году сразу же ушел добровольцем на фронт. На войне как на войне:

от мастерства медицинских работников, их умения быстро и качественно оказать первую помощь, зависит жизнь раненых. Профессиональное мастерство и медицинский талант Василия Самсонова оказались такими, что, несмотря на отсутствие высшего медицинского образования, несмотря на сложные полевые условия, в которых приходилось работать, несмотря на постоянные обстрелы, он смог организовать оказание медицинской помощи раненым бойцам и офицерам на таком уровне, что смертность среди его пациентов была чуть ли не исключительным случаем.

В представлении к награждению написано скупое: «Фельдшер медицинской службы Василий Дмитриевич Самсонов обеспечил своей самоотверженной работой своевременное оказание помощи раненым бойцам и офицерам. Оставаясь в деревне Замоль с тремястами ранеными бойцами и офицерами и с одним лишь санитаром, он все-таки сумел организовать необходимые для раненых уход и помощь».

Победу фельдшер Самсонов встретил под Веной. Там в выделенном под пункт медицинской помощи бараке, находились на излечении как советские, так и немецкие раненые бойцы. Василий Самсонов лечил всех.

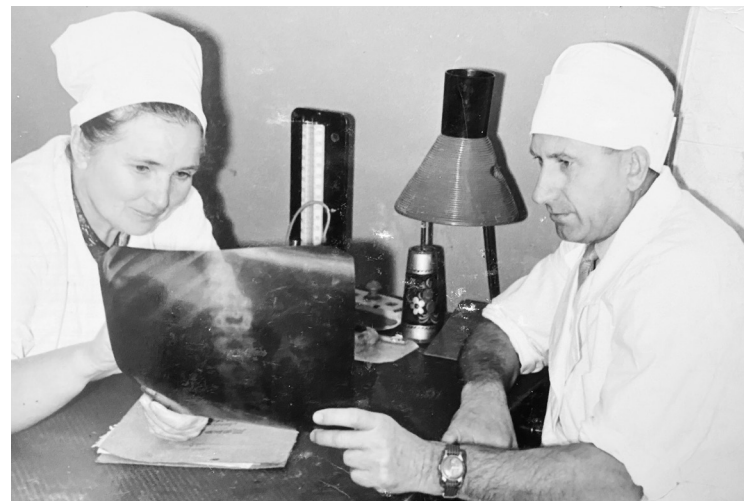
20 апреля молодой фельдшер был сильно контужен во время обстрела. Несмотря на тяжелое ранение, пост не покинул и продолжил оказывать помощь пострадавшим. Спустя годы за эту самоотверженность ему придется заплатить горькую цену. Но таков уж характер русского человека.

После фронта Василий Дмитриевич вернулся на родину, в Вознесенский район. Но последствия полученной на фронте контузии оказались настолько серьезными, что молодому фельдшеру была назначена инвалидность. Впрочем, это не мешало ему поступить в Горьковский медицинский институт на специальность акушерство и гинекология, на вечернее отделение. Ночами учился, днем работал в местной больнице. Женился на местной девушке Кате – операционной медсестре. После института по распределению работал в Вознесенском районе.

Жизнь после войны

В 1961 году семья Самсоновых (их было уже четверо) переехала в Выксу, где Василий Дмитриевич стал работать в ЦРБ врачом-гинекологом. То было время, когда в выксунское здравоохранение пришли доктора-фронтовики – люди высочайшего профессионализма, кристальной честности, ответственности и преданности профессии Каллистрат Колпаков, Алексей Ратюк, Мария Юдина. Родильным отделением заведовала Мария Юдина, Василий Самсонов – гинекологическим.

Про него говорили – «врач от Бога», брался за самые сложные операции, помогал в самых безнадежных случаях, работал всегда очень бережно и тактично, за что быстро снискал глубочайшее уважение и коллег и, в особенности, пациенток. После операций не позволял санитаркам поднимать женщин с операционного стола – на больничную койку переносил бесчувственных пациенток сам, жалея коллег.

Василий Дмитриевич с коллегой

Моя знакомая до сих пор вспоминает, что в далеком 1981 году, когда она рожала первенца, в роддоме на стене висел портрет врача Василия Самсонова и возле него всегда стояли цветы... Это притом, что Василий Дмитриевич тогда уже 10 лет как ушел из жизни. Коллеги помнили и долгие годы берегли память о нем.

Да, имя доктора Самсонова уже незнакомо нынешнему поколению, но сегодня мы восполняем этот пробел, вспоминая человека, чей медицинский талант помог сотням выксунских женщин.

По стопам отца

В семье Самсоновых выросло двое детей: дочь и сын. Но именно дочери Татьяне, как по наследству, передал Василий Дмитриевич знания и любовь к своей профессии. Таня училась в четвертом классе, когда отец брал ее в больницу, вводил в палату, давал стетоскоп и говорил: «Послушай, как бьется маленькое сердечко внутри мамы!»

Девочка препарировала лягушек, желая узнать, что там внутри. Даже когда ей купили красивую гуттаперчевую куклу, Таня тоже ее «вскрыла». «Зачем ты это сделала?» - спросили изумленные родители. «Хотела посмотреть, что у нее внутри. Может, как у лягушки!» – был ответ.

Больница для дочери была вторым домом. Папа – врач, мама – операционная сестра, часто оба задерживались на работе за полночь. Тане было страшно одной дома и однажды ночью она пошла по темному городу (ночью свет на улицах отключался) в больницу к маме и папе. На улице не боялась, а дома – тосковала. И тогда родители стали брали дочь с собой на дежурства, спать укладывали в ординаторской.

Маленькой Тане были интересны книги родителей, вот только она сердилась, что подписи под картинками там были сделаны на непонятном (латинском) языке. Был и такой случай, когда папа, придя домой с дежурства, увидел, что дочь спит в обнимку с учебником по акушерству и гинекологии.

– Когда я училась в мединституте, папа не упускал возможности отправить меня на какой-нибудь медицинский съезд или симпозиум, - вспоминает Татьяна Васильевна. – Так однажды, когда в Москве проходил Всесоюзный съезд акушеров-гинекологов, он смог отправить меня и туда. Знания, полученные там, много раз потом пригождались мне на практике.

Татьяна Васильевна вспоминает: когда ей присвоили звание «Отличника здравоохранения», она носила не свой, а папин знак. И даже отцовский акушерский стетоскоп, сделанный умельцем из Вознесенского, тоже оставила себе не только как память, но и как рабочий инструмент.

– Я с папой не расстаюсь всю жизнь. У меня такое чувство, что он рядом и помогает в трудных ситуациях. Он и место работы мне выбрал сам – в Кулебаках, там я и проработала 56 лет, на пенсию вышла как оперирующий хирург-гинеколог.

Василий Дмитриевич ушел из жизни в 49 лет. Сильнейшая контузия сказалась на здоровье. Врача мучили сильнейшие головные боли... и тогда, в 1973 году было не только неизвестно, как лечить сей недуг, но даже и как обезболить приступы.

Но врачебная династия Самсоновых продолжилась. Внучка Елена тоже пошла по медицинской стезе, только не в гинекологию, а в педиатрию. Трудится в Выксунской ЦРБ. Внук работает на металлургическом заводе ОМК. Дед и характер передал внукам тоже по наследству: высокое чувство ответственности, уважение к людям и любовь к профессии.

...Всего 12 лет проработал Василий Дмитриевич в Выксе, но в последний путь его провожал весь город. Люди стояли на обочинах дороги до самого кладбища.

Елена Липатова

Фото из семейного архива Татьяны Серовой (Самсоновой)

Повар на передовой

Иван Аверьянов

Иван Сергеевич Аверьянов родился 9 августа 1912 года в Ближне-Песочном. Призван на фронт 1 января 1942 г., служил на Западном, Брянском, Ленинградском и 1-м Украинском фронтах.

В 1944 году был стрелком 3-го стрелкового батальона 791-го стрелкового (позже ордена Александра Невского) полка 135-й стрелковой (позже Краковской) дивизии 21-й армии Ленинградского фронта. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Во время боя на острове Кюте-Сари 19 августа 1944 года была порвана линия связи. Иван Аверьянов на подручных средствах под минометным огнем противника доставил на остров рацию, тем самым обеспечив связь командира полка с группой автоматчиков, находившихся на острове.

Позже Ивана Сергеевича перевели на должность повара коммандантского взвода этого же полка.

В 1945 году награжден медалью «За отвагу»: «во время боевых действий полка на 1-м Украинском фронте в районе населенных пунктов Тшебеня и Хжанув он под сильным огнем противника, находясь на командном пункте, непрерывно обеспечивал личный состав горячей пищей. Делал это неоднократно, рискуя жизнью, под вражеским обстрелом наблюдательного пункта».

В 1945-м удостоен своей самой высокой награды, ордена Красной Звезды.

Как указано в наградном листе: «...будучи поваром, своевременно и в самых трудных условиях боя доставлял в боевые порядки горячую пищу для офицерского состава полка.

1 апреля 1945 года в боях за населенный пункт Альтевальде, несмотря на сильный обстрел противника, обеспечил питанием всех, кто находился на командном пункте полка. В пути был ранен, но несмотря на полученное ранение, пищу доставил».

Уже во время службы на Украинском фронте произошла история, о которой Иван Аверьянов позже будет рассказывать своим детям. Отряд, в составе которого был Иван Сергеевич, находился на территории оккупированной Украины и мог быть обнаружен немцами, которые приезжали в деревни за скотиной. Местная жительница спрятала бойцов в подвале своего дома, а Ивана представила фашистам как своего сына. Иван Сергеевич вспоминал, что был тогда весь грязный, бородатый. Все прошло благополучно, позже они перешли линию фронта и вернулись в подразделение, к которому был приписан их отряд.

Имел Иван Сергеевич и несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего за овладение городами Гжанув, Бреславль и других.

После окончания войны вернулся домой, устроился в мелкосортный цех ВМЗ, где работал до войны, трудился там до самой пенсии. Награжден орденом Отечественной войны I степени. Умер 23 августа 1990 года.

Полина Артамонова

Герой партизанской войны

В истории Великой Отечественной первые месяцы боев стали, пожалуй, самой драматичной страницей. Тысячи солдат были захвачены в плен, где большинство погибло. Но те, кому удавалось бежать, продолжали борьбу. О таком человеке и пойдет речь.

Александр Калинин

Александр Васильевич Калинин родился 9 ноября 1917 года в поселке Молотова (ныне Антоповка).

Был призван в армию с ВМЗ в 1941 г. На фронте служил в 667-м гаубичном полку сержантом. Во время одного из боев был захвачен в плен.

В начале войны немало советских солдат оказалось в плену. Часть военнопленных содержалась в лагерях на территории Югославии. Попытки побегов, несмотря на жестокие наказания со стороны фашистов, носили массовый характер. Александр Калинин оказался в числе тех счастливых, чей побег увенчался успехом. Спасшись из лагеря он присоединился к партизанам и вошел в Народно-освободительную армию Югославии.

На границе Австрии, Италии и Югославии в сентябре 1943 г. при 2-м батальоне 18-й партизанской бригады была сформирована «русская чета» (в переводе с серб. чета – отряд. – Прим. авт.). Александр Калинин был назначен командиром взвода. Вскоре партизанский штаб направил его с проводником на переговоры с советскими военнопленными, которых фашисты пригнали на строительство. Совершив опасный переход по оккупированной зоне, Александр и его боевой товарищ отбили большую группу советских солдат и привели их в партизанский лагерь.

Позже, используя данные разведки, партизанский штаб разработал план разгрома врага в опорном пункте Тольмин.

Боевую операцию было решено провести в ночь с 6 на 7 ноября 1943 года. Одну из штурмовых групп возглавил Александр Калинин. Атака была намечена на половину первого ночи, и бойцы, застав немцев врасплох, добыли трофеи и уничтожили противника.

В январе 1944-го русская рота (100-120 человек) выросла в батальон (около 500 человек). Его командир – Анатолий Дьяченко – ценил способных людей, и Александр Калинин вскоре был назначен им командиром одной из рот. Однополчане уважали его за умение вселить в бойцов спокойствие и уверенность, он никогда не унывал, много внимания уделял обучению молодых партизан, а в многочисленных боях с фашистами проявлял исключительные храбрость и находчивость. Дважды был ранен, и каждый раз, не долечившись, снова рвался в бой.

26 января 1945 года на Тарновском плато состоялось награждение советских партизан. В числе шести, удостоенных югославского ордена «За храбрость», был Александр Калинин. А неделю спустя в бою за опорный пункт Табор он развернул захваченное фашистское орудие и прямой наводкой расстрелял цепь контратаковавших немцев.

В марте 1945 г. на этом плато шли кровопролитные бои. Доминирующая высота переходила из рук в руки восемь раз. В этих боях личной отвагой и находчивостью Александр не раз удивлял советских и югославских партизан. Но появились раненные, и их требовалось отправить в безопасное место. Командование приняло решение переправить людей на освобожденную территорию.

Для выполнения этой задачи выделили партизанскую бригаду, а ей в помощь была послана группа советских партизан во главе с Александром. При подходе к железнодорожной станции Постойна, на полдороге между Любляной и Триестом, 23 марта завязался бой, в котором Александр Калинин погиб смертью героя.

Он был похоронен на территории Югославии (ныне Словения).

Вот как вспоминает об Александре Васильевиче Калининe Григорий Жилeев, политработник русской ударной партизанской бригады в Югославии: «В памяти многочисленных партизанских друзей он навсегда остался Сашей Калининым, отважным юношей с горячим сердцем комсомольца, патриотом и интернационалистом. Вот и сегодня моя память воскресила его – жизнерадостного, с картой в руках, на которой он отмечает освобожденные Советской армией города.

Вижу, как Саша в минуты опасности с неразлучным автоматом в руках рвется в гущу боя, в самое пекло. Вижу, как Саша в редкие часы затишья сидит и о чем-то сосредоточенно думает».

Полина Артамонова

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...

Детство, принесенное в жертву войне, – что может быть страшнее? Своими воспоминаниями о страшной в истории человечества трагедии делятся самые юные ее очевидцы.

Идти по следам – для счастья этого не мало

Зинаида Чикунова
с братом

«Папу призвали в декабре, когда немец уже подошел к Москве», – вспоминает Зинаида Михайловна Чикунова. Ее младшему брату тогда только-только исполнилось три месяца. Мама родила его прямо в телеге, которая везла ее к единственной в городе акушерке. Оставшись с двумя детьми на руках, женщина решила вернуться к родителям в Саваслейку. Так и жили, как все тогда – бедно, но зато вместе.

Зинаида Михайловна до сих пор помнит хлеб, который бабушка готовила из просяной шелухи: «Горло саднит, а все равно есть надо». А как-то раз деду, пасшему колхозных коров, выделили пуд гороха, так только его в итоге и ели, потому что ничего больше на своей земле в тот год не уродилось. Правда, бывали и светлые моменты – например, когда семье удалось купить телку, появилось молоко.

В школу тогда еще Зиночка пошла в 44-м году. Во время уроков писали на старых газетах, между строк. Ходили кто в чем. К учебному году мама где-то раздобыла для дочки солдатские яловые ботинки. «И мне казалось, что нет обувки красивее», – делится Зинаида Михайловна. Сама мама в ту пору ходила в валенках, на которых заплат было больше, чем войлока, и в старой фуфайке. Папе на фронт сумели отправить

фотографию с маленькой Зиной и ее младшим братом. Михаил Иванович потом рассказывал, что треугольник со снимком получил во время привала, и фото пошло по рукам – по семьям скучали все. «Вот за кого мы воюем, за детей наших!» – говорили солдаты.

Уже в конце войны папа прислал из Польши белую бумагу. «Я взяла листочек, разрежала его, глупый ребенок, и пошла во двор к мальчишкам – давайте играть в карты. Ух, и досталось мне потом за эту бумагу...» – рассказывает Зинаида Михайловна.

Весть о победе встретили с особой радостью, ведь ждали домой главу семьи живым и невредимым.

Конец мая – начало июня. Зина сидела на лавке за простым деревянным столом. Ела приготовленный бабушкой суп – вода, картошка и чуть-чуть молока. Братик Витя стоял на другой лавке, в одной рубашке, без штанов, босиком. Распахнулась дверь – папа в форме с солдатским рюкзаком на плече. Сразу бросился к Зиночке, целует в щеки и спрашивает: «Витя, это Витя?!». Сыну-то уже исполнилось четыре года, не узнать. Он привез ему трофейную губную гармошку, продуктов на всех. Счастливее семьи не было – не в каждый дом муж и отец вернулся с фронта, не в каждый – здоровый. Многие Зиночкины одноклассники отцов не дождались.

Михаил Иванович сразу начал обустраивать быт, боялся, что снова на войну. «Что-то Япония шалит», – говаривал своей дорогой Марии. Справил дом, перевез жену и детей со съемной квартиры. Это очень помогло вдове и осиротевшим детям, когда Михаила Ивановича не стало в 1947 году. Всего 33 года, но – заворот кишок, а хирург, тоже один на весь город, оказался вызван в Москву.

Но те 1945-1946-е были светлыми. Больше 70 лет прошло, а для Зинаиды Михайловны все как вчера: «Утром рано пойдет он траву косить, там, на околице, в Саваслейке, а мама завтрак

приготовит: «Зина, зови отца!». И вот я иду, прыгаю, столько во мне радости. Кричу: «Папа! Пойдем завтракать! Мама тебя зовет!». Возвращаемся: он впереди, в хромовых сапогах, которые привез с собой, а у них сзади – шипы-узdechки. И я по этим его следам иду, довольная...».

Ксения Абдулхакова

Вчера во сне меня бомбили

Самолеты прилетели утром. Заревела скотина, напуганная гулом, заплакали дети. Скоро остался только грохот разрывающихся снарядов. По домам не били – досталось огородам и садам. Женщины и старики, единственные оставшиеся в селе взрослые (мужчин призвали в первые дни войны), с ужасом ждали, что будет дальше. Вечером следующего дня в Старый Любар на мотоциклах въехали немцы. Они привезли злых овчарок и страх, что в любой момент тебя, твоих близких могут убить за сказанное «нет», за взгляд, который покажется дерзким, за то, что путаешься под ногами.

Родители Раисы Кузьминой.
Станислав Мартинович
и Варвара Артемовна Качковские

Конечно, матери сразу постарались спрятать маленьких детей. Трехлетнюю Марию, четырехлетнего Толика и шестилетнюю Раису мама заперла в подполе под домом, где зимой хранили картошку. Сама со старшими детьми осталась наверху. Дом, большой, пятистенный, заняли немцы. В итоге младшие просидели в подвале несколько недель – мама только спускала им вниз еду. Выпустила, когда немцы уже «прижились» и стало ясно, что прямо сейчас сельчан они расстреливать не будут.

Много лет спустя Раиса Кузьмина, вспоминая о детских годах, напишет:

«С чего начинается детство?
С цветущего сада в окне.
Мое начиналось с бомбежек,
С пылавшей деревни в огне.
С картошки гнилой прошлогодней,
Я вкус ее помню сегодня...»

В саду 20 соток немцы поставили кухню. Обедками кормили пороса, которого семья планировала зарезать к осени. Остатки каши, супов выливались в новенькое корыто: папа сделал его за несколько дней до войны. Это корыто Раиса Станиславовна с благодарностью вспоминает до сих пор. Когда они уже вышли «наверх», то бегали к нему с Толиком. Сначала Толик стоял на карауле, Раиса руками загребала сваленное и ела, потом ждала, пока поест младший брат. Однажды их увидела мама. Заплакала: «Убьют, если увидят».

Сад спасал во время бомбежек. В вырытой старшим братом яме было не так страшно. А потом всей семье немцы разрешили поселиться в маленькой комнатке дома. Дети, одетыми, ложились под кровать, на которой спала мама. Только ноги торчали. Но умещались все пятеро. К тому времени старшую Надежду уже угнали, как и остальную молодежь, в Германию. Никто не знал, куда точно; только в 44-м, когда девушка вернулась, рассказала, что работала на ферме в районе Бреславля. Вернулся и сосед Ваня. Так и не вытянувшийся, даже усы у него не росли – немцы что-то делали с мальчишками, чтобы «русские не размножались».

Как-то мама сумела спрятать на чердаке двух гусей, чтобы хоть что-то после немцев в доме осталось – верили, что конец войне будет. В один из вечеров внизу было слишком шумно, и птицы разгоготались. Один из пришлых, не «своих», квартировавшихся здесь немцев, вытащил оружие. Мать уговаривала не стрелять, сама показала им птиц, но немец все равно злился. Тогда, услышав мамин плач, из комнаты выбежали

дети и облепили его. Раиса вцепилась в высокий черный сапог и не давала себя стряхнуть. В итоге немец выругался, забрал гусей, схватив их за шеи, и ушел.

Когда немцы что-то хотели сказать, их легко было понять. Потому что они хорошо говорили по-русски.

А в один из дней немцы, так же быстро, как въехали, покинули Старый Любар. Даже вещи оставили. Но их не трогали. Вдруг вернуться? Обрадовались, когда услышали у соседа по радио, что наши идут. Тогда разобрали брошенный немцем мешок, а там – сапожный крем и конфеты как витаминки. Дети разделили их на всех, впервые за войну чувствуя на языке сладость.

Запас человеческой прочности таял, но Победа была близко. Правда, папа вернулся только в 46-м. Он долгое время пролежал в госпитале – три ранения от разрывных пуль. В руку, которую он отказался отрезать, ногу и живот. Раиса позднее подслушала, как отец рассказывал свояку о спасении. На высоте, которую они должны были удержать, уложили практически всех. Пришли за ними только через три дня. Хотели бросить к мертвым: их клали отдельно. А он – мягкий. Его с несколькими другими выжившими, но тяжело ранеными, перевезли в госпиталь.

Мирное время еще долго не было по-настоящему мирным. Школьный класс собрали – кому 7, кому 15. Дети постоянно недоедали, едва сидели на уроках. Учительница, Лариса Марковна, украдкой стучала по своему столу, потом выходила в коридор и, возвращаясь, говорила: «Ой, Витенька, тебе поесть передала». Так и подкармливала: когда кусочком хлеба, когда картофелиной. А еще надо было работать, трудиться на земле, в колхозе, где отощавших коров, чтоб не падали, подвязывали к потолкам сараев.

Желая вырваться из нищеты и разрухи, выросшая Раиса наперекор родителям поступила в сельскохозяйственную школу бухгалтеров в Радомышле. Обязалась два года отработать в колхозе. Выдержала год, перед отпуском написала всем подругам справки с печатью, что колхоз их отпускает. Иначе

не выехать – паспортов не давали. Девчонки отправились в Киев, Севастополь, Донбасс. Раиса – в Выксу, которой грезила давно. Об этом городе писала тетя, та переехала в Выхсу, как ее здесь называли, еще в голодном 1933-м. Тогда людей вербовали на заводское строительство. Приезжие построили бараки на песках, где им выделили по комнатке. В этой комнате, тетя ютилась с двумя дочерьми, и Раисе там поселиться было невозможно. Но она твердо решила остаться в Выхсе, это, уверена она спустя 60 лет, ее и спасло: в живых из братьев и сестер, кроме нее, осталась только самая младшая, родившаяся в 47-м.

Устроилась на завод ДРО учеником токаря и изучила все производство: чтобы поглядеть в глаза застарелого подросткового страха, понимать, что гильотины и термические печи можно использовать в производстве, не просыпаясь в поту от услышанных историй, как увечили и жгли людей.

А вот бомбежки Раиса Станиславовна
видела во сне всю свою жизнь:

«Пускай овчарки и бомбежки
Мне снятся по ночам!
Пускай мы детские года
Отдали палачам!
Пускай мы вышли из руин,
Но все же живы мы.
Земля и небо голубое
Нам живым!»

Владимир Виль

Как я ждала папу

Я не помню, когда началась война, потому что мне было всего несколько месяцев. Но в ушах стоит тот крик и плач мамы, когда в дом принесли похоронку. Папа погиб в 1943 году, но мы надеялись, что он вернется. Он писал письма маме и в них всегда просил поцеловать нас.

В семье было четверо детей: Шура, Катя, Витя и я, Тоня. Как тяжело приходилось маме, можно только догадываться. В письме папе на фронт мама, видимо, писала, как ей трудно, что младшенькая часто болеет, «хоть бы Бог прибрал». На что он, очевидно, ответил вот этим письмом: «Маруся, дорогая, береги детей, особенно самую маленькую. Возможно, это последняя наша любовь. Много писать не могу, идет бой. Целуй всех детей. Твой муж Василий».

Это письмо мама читала мне, и я запомнила его на всю жизнь. Как только приходили письма, она усаживала нас, читала вслух и почему-то плакала. Мы тогда не понимали, почему, а теперь, перечитывая их, я тоже плачу.

Помню и то, как я ждала папу. Если на улице появлялся мужчина в военной форме, бежала домой с криком: «Мой папа идет!», будоража всю семью. Так мы его и не дождались.

Мы, дети войны, сегодня уже бабушки и дедушки, но боль не проходит. Маме я обещала, что мы с ней съездим на могилу отца. Он похоронен под Ленинградом. Но так и не съездили. Заботы, семья, дети, внуки, потери близких отнимали силы и время.

Главное, что хотелось бы сказать: мы не имеем права забывать своих защитников, молодежи надо чаще обращаться к их светлой памяти. Спрашивайте у своих родителей, у родственников, читайте книги и воспоминания о той страшной войне, что сломала судьбы наши, но не сломила дух.

Антонина Сафронова (Проскурина)

Бояться надо не смерти, а пустой жизни,

– считает ветеран Великой Отечественной войны Степан Синев.

Курсанту Московского военно-инженерного училища Степану Синеву шел 19-й год, когда началась война. Участвовал в боях на Воронежском, 3-м Украинском фронтах. При освобождении Запорожья был тяжело ранен, лечился в госпиталях, а после выздоровления – направлен на 1-й Прибалтийский фронт, где и встретил победу. Но на этом его военная служба не закончилась, и к мирному труду бравый солдат приступил только в 1954 году. Работал на металлургическом заводе, сначала мастером по строительству, потом возглавил службу контроля за взрывами шихты. Уйдя на пенсию, занимался садом, огородом.

Настольной книгой у ветерана является географический атлас, по которому он определил все те военные дороги, которыми прошел его саперный батальон. Он знает все станции, маленькие городки и деревушки, за которые вела бои его 45-я стрелковая дивизия; отмечено, в каких местах возводили оборонительные укрепления, на какой речке ставили земляную плотину...

Степан Синев

– Степан Григорьевич, где Вас застала война?

– В 1940 году окончил школу №3, поступил в Московское военно-инженерное училище. В августе зачислили курсантом. В мае 1941-го нас отправили в летние военные лагеря в Солнечногорск. На паромах переправились на другой берег большого Синежского озера, разбили палатки. Начались учения на р. Истра по форсированию водных рубежей... А 22 июня вернулись в лагерь, нас выстроили на плацу, и начальник училища, полковник Варваркин объявил: «Война...». Начались усиленные практические занятия по взрывному делу. Часто ночами объявляли воздушную тревогу (пока учебную). И так – до середины июля.

Потом стали распределять по частям. До сего дня помню, как однажды нас, молодых лейтенантов Соловьева, Старовойтова, Соболева, Сергиенко и меня вызвали к начальнику училища, вручили личные дела и направили в штаб Харьковского военного округа, в Кременчуг. Там формировали саперные батальоны для 40-й армии. Меня назначили командиром взвода.

– Когда Вы получили боевое крещение?

– Там же, под Кременчугом. Вражеская разведка, видно, отлично сработала, и немцы стали усиленно его бомбить. А мы не успели еще получить ни снаряжения, ни обмундирования, были почти безоружными! Поступил приказ: оставить город. Мы бежали. И с нами – местное население. Крики, плач, стоны – ужас, что происходило! Мы отступали вместе с войсками, оборонявшими Киев.

Немецкая авиация с каким-то особым остервенением бомбила отступавших с нами мирных жителей. Остановились в селе Варваровка Полтавской области. Здесь призванных солдат обмундировали, из Харькова доставили винтовки, взрывчатку, все, что нужно для минирования. Начали спешно обучать взрывному делу.

– Почему при отходе советские войска не минировали дороги, и фашисты продвигались беспрепятственно?

– Да потому что мы просто бежали! У нас не было ни времени, чтобы этим заняться, ни того, чем это делать. И только, когда стали отступать от Варварки до станции Золочев Харьковской области, уже держали оборону. Харьковчане копали противотанковые рвы, а мы, саперы, устанавливали противотанковые и противопехотные мины на вероятных путях продвижения противника. Мой взвод строил проволочные заграждения.

– Приходилось ли Вам видеть дезертиров?

– Приходилось. В сентябре 1941 года наш саперный батальон срочно перебросили на машинах через Волчанск, Валуйки в Белгород. В Волчанске остановились на ночлег. Утром нас подняли, отвезли за город, построили. Ждем. Ничего не говорят. Вот привозят на машинах каких-то людей. Дезертиры. Человек 10 разного возраста. Из другой машины вышли работники НКВД, зачитали приговор. Их построили и на глазах у всех солдат и офицеров нашего батальона – расстреляли. Тягостное и тяжелое чувство. Думаю, это было сделано для нашего устрашения, потому что положение было тяжелое, немец наступал со страшной силой.

– А под Белгородом Вы держали оборону или уже начали наступать?

– Держали. Минировали дорогу от Обояни на Белгород. Поступил приказ отойти в г. Калач Воронежской области, а оттуда маршем – до Воронежа. Трудно поверить, но мы за четверо суток дошли до него. Вот тут, наконец-то, и получили дополнительные взрывчатые принадлежности, мины, миноискатели. Да, в декабре мы на отдельных участках уже вели

наступательные бои. Освободили г. Тим Курской обл. Темными ночами, ползая по-пластунски выполняли свою работу. Было и такое необычное задание: когда стояли под Москвой, нам приказали построить земляную плотину на небольшой речушке, чтобы заболотить местность. Плотину построили, потом взорвали. Однако все наши усилия пошли впустую: 45-я стрелковая дивизия 40-й армии оказалась в окружении.

– Как из него выходили?

– Днем прятались в полях подсолнечника или оврагах, двигались с наступлением темноты. Наблюдали за продвижением противника к Дону. Шли довольно долго. Встречали по ночам немцев, двух-трех солдат, тянувших или проверяющих провода, то были связисты, мы их уничтожали. У нас к ним была нестерпимая ярость, да и отпускать их мы не имели права. А большие группы и подразделения обходили. Нас было всего-то 20 человек. Так все лето и осень мы переходили из села в село.

– Какие самые тяжелые минуты, дни, недели на фронте?

– Спецлагерь для окруженцев, где проходили проверку НКВД. Когда мы пришли в штаб 129-й бригады, нас построили, офицерам было приказано выйти вперед и предъявить документы. Я достал партийный билет. «Как вам удалось его сохранить? Вы знали, что, если 6 немцы его нашли, вас тут же бы расстреляли?» – спросил командир.

«Я хранил его в рукаве под слоем ваты. Надеялся на лучшее». На несколько дней меня назначили командиром стрелковой роты. Потом пришла директива сверху: всех окруженцев направить в запасной полк г. Калач Воронежской области. Там я прошел спецпроверку.

Мы были на казарменном положении; проводились занятия по военной подготовке; я – по взрывному делу, другие офицеры – по иным своим направлениям.

И каждый ждал, когда вызовут в НКВД. Мне выдали справку, что я прошел проверку и направляюсь для дальнейшего прохождения службы. А партийный билет у меня отобрали. Причина? За непринятие решительных мер выхода из окружения.

Я стал беспартийным офицером. Это было самое тяжелое и смутное время. Некоторые понесли более суровые наказания. В результате из офицеров полка, бывшего в окружении, сформировали 5-й отдельный штурмовой батальон. Все – рядовыми солдатами.

– «... Последний бой, он трудный самый...» У вас тоже он был?

– Да, это было в конце сентября 1943 года. Наш батальон привезли на машинах на берег Днепра. Утром была сильнейшая артобработка обороны противника, в том числе и реактивными минометами. Батальон разместили на двух понтонах, на каждом – по танку, их буксировал катер.

Форсировали без потерь. Немецкие траншеи были перепаханы снарядами. Множество немцев было убито, оставшиеся в живых бежали. Это был единственный случай в истории войны, когда мы форсировали реку без потерь. Потом получили приказ наступать на Запорожье. Тут, 10 октября, я был тяжело ранен – попал под обстрел немецких танков. Ранение сквозное осколочное, множественные ранения поясницы и ягодиц с повреждением правой подвздошной кости. Вечером в полевом госпитале мне сделали операцию по удалению осколков. Лечился в госпиталях Кременчуга, Тамбова, где тоже делали операцию.

– Вы ведь долечивались в госпитале Ближне-Песочного?

– Мой брат обратился с письмом в сануправление Красной армии с просьбой перевести меня в госпиталь Выксы. Его просьба была удовлетворена. В Москве на вокзале нас, раненых, встречали медсестры и санитарки, оформляли до-

кументы, а в Навашине – брат. Он доставил меня в бывший Ближнепесоченский дом отдыха, где располагался госпиталь. Главным врачом там работала Галина Фигуровская. В нем я лечился до июня 1944 года. После излечения меня признали годным и отправили сначала в Московский запасной офицерский полк, а потом на первый Прибалтийский фронт в 166-ю стрелковую Краснознаменную дивизию. Там я служил офицером связи дивизии.

– За что получили орден Отечественной войны II степени?

– При разработке боевых операций оперативный штаб работал круглосуточно, и офицеры связи, являясь доверенными лицами, немедленно доставляли особо важные задания в полки и другие части, так как по радию не все можно передать. Вот за оперативную работу и наградили. А орден Красной звезды получил из рук командира 735 полка, в котором я служил командиром саперного взвода.

Колонна немецких пленных, захваченных при освобождении Литвы, лето-осень 1944 года. Фото из открытых интернет-источников

– Как встретили Победу?

– Рано утром, 8 мая в немецких окопах появились белые флаги. А у нас началась стрельба из всех видов стрелкового оружия.

– Пленных немцев видели?

– Наша дивизия находилась в Латвии. Получили приказ двигаться на Либаву (на берегу Балтийского моря). Навстречу нам шла колонна пленных немцев под командованием их офицеров. От их воинственного и бравого вида не осталось ничего. Сопровождали колонну наши солдаты и сержанты.

– Самый правдивый, по Вашему мнению, фильм о войне?

– «Битва за Москву» – самый точный фильм.

– А из книг?

– Читаю и перечитываю книгу воспоминаний Жукова; «Они сражались за Родину» – Михаила Шолохова и снятый по нему фильм Сергея Бондарчука. Из этой же серии – «А зори здесь тихие» Бориса Васильева.

– Вы прочитали много книг, какое выражение помнится как наиболее емкое, отражающее жизнь?

– Жизнь – это не то, что прошло, а то, что запомнилось.

Елена Липатова

Был моряком, стал разведчиком

Иван Дмитриевич Николаев родился в 1915 году в Досчатом. В семье было 10 детей, и мать, Пелагею Алексеевну, наградили орденом «Мать-героиня».

Во второй половине 1930 годов Иван проходил срочную службу на Черноморском флоте, базировавшемся в Севастополе. Оттуда в 1941 году его призвали на фронт. Служил командиром отделения разведки 4-й батареи 410-го артиллерийского полка 134-й стрелковой Вердинской дивизии.

Иван Николаев

В феврале 1944 года Иван Дмитриевич удостоен медали «За боевые заслуги» «за точную и быструю наводку орудия, в результате чего метким огнем уничтожены две пулеметные точки противника и 10 немцев во время боев с 3 по 5 февраля 1944 года». В это время дивизия совершала марш в Белоруссии.

«Шлю я тебе свой горячий братский привет. Тамара, сообщаю, вчера твое письмо получил, за что очень большое спасибо. Тамара, я много писать не буду, очень некогда, идут вот уже четверо суток сильные бои, и не знаю, что будет через минуту, через час. Если буду жив, все опишу, но ты все скоро узнаешь обо мне» (из письма сестре).

В этих строках он описывает июльские бои, за которые его впоследствии представили к званию Героя Советского Союза.

29 июля Иван выдвинулся с передовыми подразделениями пехоты под сильным огнем противника. На подручных средствах солдаты переправились на другой берег Вислы и двинулись к польской деревне Бжесце, где группу смельчаков атаковали немцы. Старший сержант Николаев с сослуживцами

бросился на противника, лично уничтожил пятерых врагов из автомата.

Обойдя основные силы противника и умело замаскировавшись, Иван начал наблюдение. Обнаружив четыре станковых пулемета и две минометные батареи, своевременно передал сведения командованию, в результате вражеские орудия были уничтожены огнем батареи дивизиона. Пехота успешно продвигалась вперед.

«Тамара, сообщаю, что вчера письмо твое получил и даю ответ. Во-первых, пока жив и здоров, вот сейчас сижу в ровике, а кругом рвутся снаряды, мины. Если до вечера обойдется все хорошо, значит, будем еще жить. Я, Тамара, много писать не буду, нет времени. Вчера немец пять раз ходил в контратаку и пускал танки, но все атаки мы отбили. Но вот сегодня немец обратно пошел в атаку. Вот, Тамар, сейчас бы ты меня не узнала, не спал уже несколько суток, но что же – война» (из письма).

Иван Николаев продолжал идти впереди пехоты и вести наблюдение за противником, невзирая на сильный артиллерийский и минометный огонь, бомбардировку с воздуха. Вскоре разведчик обнаружил, что враг готовится к атаке: своевременное донесение помогло советским батареям остановить немцев. А старший сержант Николаев первый бросился в атаку, увлекая за собой пехоту. Численно превосходящий враг был отброшен, части Красной Армии заняли деревню Лиина. В этом бою Иван уничтожил семь немцев.

«На меня написали наградной лист к присвоению мне звания Героя Советского Союза. Я первый форсировал реку Висла и до этого – реку Буг. Точно не гарантирую,

может быть, найдут нужным дать награду меньше, это на рассмотрение Президиума Верховного Совета. Эх, Тамара, хочется тебя видеть и всю свою родную местность. Жив буду – увижу. Вот, Тамара, сижу в ровике, сам пишу тебе письмо и стреляю, а дума одна – как больше убить ненавистного врага, и вот, Тамара, сволочь лезет. Я посылаю свою маленькую пульку за вас, девочки. Буду, Тамара, биться, как подобает большевику, как дерутся моряки до последнего вздоха» (из письма).

Как и предполагал Иван Николаев, ему действительно «дали награду поменьше» – орден Красного Знамени. А сложись все по-другому, было бы в Выксе на одного Героя больше. Но не все он угадал верно – Иван Николаев так и не рассказал сестре о боях за переправу, не увидел больше родных мест. Отважный разведчик пропал без вести в октябре 1944 года, оставив на память о себе несколько писем, но одно в них оказалось пророческим:

«Привет всем. Если умру, то как Герой»
(из письма).

Полина Артамонова

«Весь страх был в Горьком...»

...Так рассказывала о своей службе ветеран Великой Отечественной войны и завода ДРО Наталья Павловна Разуваева.

Наталья Разуваева

Наталья Разуваева служила в зенитно-артиллерийских войсках Нижнего Новгорода под градом бомбежек. Город, в котором размещались стратегические заводы, был желанной целью для врага. Вместе с ней службу несли такие же молоденькие девушки-зенитчицы и телефонистки. На их долю выпало немало испытаний, которые они преодолели с истинным мужеством.

Наталья родилась 28 августа 1922 года в селе Григорово Владимирской области. 1941 год запомнился ей звучащим из всех радиоприемников сообщением о том, что Германия объявила войну. Взрослых призывали на фронт, а молодежь отправляли на работы в помощь военным. Наталья рыла окопы в Иванове и у Муромского моста. По пояс ходила по болотам Сормова, выкорчевывая корни, чтобы осушить топи для добычи торфа. А зимой 1942-го ей пришла повестка.

Девушку направили в Горький, который встретил ее бомбежками. Она служила телефонисткой на батарее зенитно-артиллерийского полка, где все ее звали Оленьком, по тогдаш-

ней фамилии Оленева. Однажды, когда Наталью подкосила болезнь и она лежала без сил, вдруг начался очередной обстрел. Командир отделения сказал ей: «Оленек, посиди пока, в землянку не лезь, а то закопают, мы тебя не найдем». Да только девушка, напротив, стоило командиру уйти, пошла в землянку, и тут со свистом начали падать бомбы. Ее обуял страх, все, мол, завалит. А снаряды все свистели. Кое-как, ползком, выбралась наружу, а тут всю работу батареи, солдаты та-скают снаряды.

Наталья Павловна вспоминала, что подумала тогда: «Чего это я? Они снаряды носят, а я тут умирать буду?! Все равно так и так умирать». И она пошла на склад батареи. Снаряды весом около 16 кг, а у нее температура. Но приняв решение, Наталья взвалила груз себе на спину и потащила к орудию. Только дотащила, как упала бомба, а пушка начала стрелять. Наталью тогда приподняло взрывной волной и отбросило, было слышно: «Ой, Оленька убило, наверное». Но обошлось.

Бомбили весь Горький, не только автозавод. «Вот, помню, командир кричит: «Огонь!», а у ребят руки дрожат. Все какие? Молоденькие. Он: «Отставить заградительный». А утром такой воздух, стон прям какой-то, и туман – ничего не видно. Несколько ночей напролет нас бомбили. Как только начинает смеркаться, уже снаряды в небе разрываются – ну, летят к нам. Командир батареи берет гармонь, дух поднимает, сам пляшет, а потом: «По местам все», – и как вкопанные». Так и воевали. А город бомбили до 1943 года.

В 1945 году Наталью направили на Дальний Восток, на берег Тихого океана, где набирало обороты противостояние с

Последствия бомбардировки завода им. Ленина Нител. Ноябрь 1941 года. Фото из открытых интернет-источников

Японией. Там она служила в разведке артиллерийского полка, наблюдала за самолетами, определяя по звуку, куда летит и с грузом ли. Всего хватало в диких лесах – и холода, и голода, и крысы бегали прямо по солдатам в землянках. «Меня везде посылали, я молчаливая была. Чуть что, Оленек. А я иду. Как же, надо выполнять задания. Никогда не отказывалась – что будет, то и будет. На это нас и призывали». Возможно, именно это смирение помогло ей пройти через все испытания.

Военные заслуги Натальи Павловны отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалями Жукова, «За победу над Германией», «За победу над Японией».

В конце 1945 года она вернулась домой, устроилась на завод ДРО и проработала в механосборочном цехе почти 30 лет. Умерла Наталья Разуваева 10 сентября 2010 года.

Для справки

Бомбардировка Горького – серия бомбовых авиаударов немецкой авиации с осени 1941-го по лето 1943 года. Основной целью операции было разрушение промышленного потенциала города. Наибольшие повреждения получил завод им. Молотова. За время войны враги совершили 43 налета, из них 26 – ночью. На город было сброшено 33 934 зажигательных бомбы и 1 631 фугасная. Бомбардировки Горького стали самыми крупными ударами Люфтваффе по тыловым районам Советского Союза в годы войны.

Данные из книг А.Ф. Журавлева «История города Горького: краткий очерк», А. Заболотского и Р. Ларинцева «Полет валькирий над Волгой»

Полина Артамонова

Соловки стали школой жизни для Владимира Порхачева

Он оказался в первом наборе юнг Северного флота

К началу войны Володя успел окончить 8 классов школы на Бору, куда переехал вместе с матерью из Выксы. Вернувшись в 1942 году в родной город, подружился с ребятами из детдома, от которых и узнал о наборе в школу юнг. (Некоторым преимуществом при поступлении пользовались дети военных и воспитанники детских домов. – Прим. автора).

– Я единственный сын у своей мамы Евдокии Ивановны, поэтому она была против моего решения идти в юнги, – вспоминал Владимир Алексеевич. – Но тут свое веское слово сказал дядя, и мама отступила. А в посланной к моему 18-летию открытке написала: «Где горе слышится, где тяжело дышится, там первым будь!». Вот такая у меня была мама!

Из Выксы в Архангельск прибыли 20 юношей. В их числе был и Саша Чаулин. Немцы постоянно бомбили город, и мальчишки были вынуждены разгребать завалы. Работать им приходилось день и ночь с небольшими перерывами. Выполняли ребята и хозяйственные работы.

– Все это надоело моим друзьям-детдомовцам. Они возмутились и были отчислены из школы. Отправились на фронт. В 1944 году один из них стал Героем Советского Союза.

Владимир Порхачев

По прибытии на Соловки юнг отправили в Савватьево (монастырский скит, находящийся в 14 км от кремля). Здесь ребят встретили полуразрушенное здание церкви, каменный корпус и бывшая деревянная гостиница, ранее предназначавшаяся для богомольцев. Эти строения отвели под учебные корпуса. Юнг поселили в палатках, и они сразу же приступили к строительству землянок. Мальчишки копали землю, корчевали пни, ворочали валуны и таскали бревна. К октябрю 1942-го строительные работы были завершены, и первый набор юнг приступил к учебе. Занятия проходили в бывших монашеских кельях, переделанных в классы, и даже в землянках.

В 1977 году Владимир Алексеевич ездил на Соловки. Прошелся по местам, где были выкопаны землянки. Все они давно осыпались и заросли травой.

– В палатках помещалось по 18 человек. Летом было душно, а уже осенью мы, одетые кое-как, ужасно мерзли. Повернемся на один бок, прижмемся как можно теснее друг к другу. Через каждые два часа нас будили на пробежку, а у нас волосы меж голов смерзлись. Обуты мы были в простые ботинки, и однажды из-за задержки старшины, сменившего меня с поста с опозданием, я отморозил ноги. В землянках, куда нас позже переселили, поставили буржуйки, холод немного отступил.

Школа начала готовить боцманов, рулевых, радистов, мотористов, акустиков, сигнальщиков. Преподавательский состав был подобран из хороших специалистов, в том числе и царской закалки, что позволило за год обучить ребят всем премудростям будущих профессий. Владимир Порхачев решил стать радистом.

– В конце учебы на Соловки пришел приказ о создании отряда для радиосвязи с командованием флота в глубоком тылу противника. Отбирали отличников учебы, в числе которых был и я, - вспоминает Владимир Алексеевич. – Так уж вышло, что вступить в отряд вызвался мой друг Саша Чаулин, лидер по натуре, к тому же бесстрашный человек. Но на месте высадки, как потом стало известно, ребят уже ждали немцы. Саша остался прикрывать своих товарищей и погиб. Во вражеский тыл мог полететь и я. Видно, не судьба.

Был и другой случай, когда Владимир Порхачев разминулся со смертью.

– Однажды наша смена заступила в караул. По возвращении нас встретила тишина в землянках – людей не было! В чем дело? Оказывается – массовое отравление. Выяснилось, что пищу отравил водовоз, бывший финский полковник, которого мы считали чуть ли не юродивым. Нам повезло – мы запаслись провиантом до этого ужасного преступления. Не все юнги выжили. И наша отправка на флот была задержана. В город Полярный я прибыл осенью 1943 года. Попал на службу наблюдения и связи Северного флота. Служил на острове Кильдин в Баренцевом море.

Перед юнгами стояла задача по контролю судов, проходящих из моря в Полярный. Поблизости дежурили тральщик и два корабля-охотника. Бомбили постоянно.

– Это было в первый день моей службы. Стою я на вахте, и вдруг – немецкие самолеты, да летят так низко-низко. Моторист кричит: «Юнга, ложись!». Я успел прыгнуть в воронку, и тут такое началось!

Был и еще один случай, когда смерть прошла рядом. При освобождении в 1944 году норвежского города Пизам 300 матросам предстояло занять пирс и удерживать его до прихода рокосовцев (войска маршала Рокоссовского. – Прим. редакции).

– В списках был и я, но вместо меня на задание отправился старшина, который во время этого боя получил тяжелейшее ранение.

В 1944-м, понимая, что конец войны близок, фашисты будто озверели. Любыми путями старались сохранить преимущество. И вот однажды, находясь на службе вместе с акустиком, Порхачев обнаружил подходящую к родному берегу подлодку.

– Сначала мы думали, что наша заблудилась, а тут всплыла лодка, разукрашенная свастикой. Я насчитал 17 крестов по бокам, что означало 17 побед. Сначала даже растерялся, по-

думав: «Сейчас высадятся на берег, а у нас только винтовки и один пулемет». Подошедшие по нашему сигналу охотники дали залпы по подлодке. Увидев на поверхности расплывшееся пятно солянки и какие-то вещи, успокоились – затонула субмарина. Уже после войны в журнале «Юность» я прочел о ней статью. Оказывается, ее механик смог починить мотор, и, заделав пробоины, фашисты добрались до своих.

В 1946 году Владимиру Алексеевичу за подготовку личного состава и хорошую службу было присвоено звание старшины 2-й статьи.

После демобилизации в 1950 году Порхачев поступил в Горьковский радиотехникум. Женился. Его супруга, Валентина Ивановна, в то время заканчивала университет им. Лобачевского. Некоторое время работала в вузе преподавателем математики, а позже стала одним из первых программистов ЭВМ.

Владимир Алексеевич в январе 1955 года пришел в Горьковский телецентр техником, где проработал до 1985 года. Вышел на пенсию в должности старшего инженера. За многолетний добросовестный труд и профессиональные заслуги был награжден значком «Почетный радист».

В семье Порхачевых выросли три дочки – Валя, Таня, Маша. Первой в 1977 году в Выксу, на родину отца, приехала Валентина, окончившая с красным дипломом мединститут. Работала заведующей гинекологическим отделением ЦРБ. Через 12 лет в Тамболе перебрались и ее родители.

Мария, инженер водного транспорта, долгое время жила в Ярославле. К родным вынуждена была переехать в лихие 90-е.

В 1997 году с семьей воссоединилась и Татьяна, преподаватель теории музыки и фортепиано.

Владимир Алексеевич Порхачев ушел из жизни 24 июня 2018 года. Память о нем осталась не только в сердцах его дочерей, и тех немногих, кто до сих пор помнит свое взросление на знаменитых Соловках.

Татьяна Макарова

Война в судьбе поколения молодых машиностроителей

Танк Т-70 За годы войны на ДРО было собрано 2 254 машины. Фото из открытых интернет-источников

В переводе с греческого «патриотизм» означает «отечество», это чувство, суть которого – в любви к своей стране и готовности пожертвовать ради нее всем. Существовало даже такое выражение-лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». И никто не считал эти слова высокопарными и пафосными.

Потому и победили в Гражданскую, и за короткие сроки страну из отсталой превратили в мощную индустриальную державу. Потому и победили самого жестокого врага – фашистов. Сегодня мы расскажем о комсомольцах завода ДРО, их жизни в годы войны и об их любви к Родине.

И в тылу есть место подвигу. Трудовому

Молодые машиностроители объединились для ударной работы во имя Победы

...Всем известен этот снимок военных лет: худенький мальчонка стоит у станка. Он небольшого роста, а потому под ногами у него ящик. Лицо сосредоточено, фигурка напряжена. Он вытачивает детали, важно, что он работает для фронта.

Мальчик у рабочего станка. Фото из открытых интернет-источников

Заменили ушедших на фронт братьев

В то время на выксунском машиностроительном таких мальчишек были сотни. Их принимали в комсомол взамен ушедших на фронт старших братьев и отцов, в короткие сроки обучали рабочим специальностям. Комсомольскую организацию в годы войны возглавляли Валентин Рудаков (1941-1944) и Федор Измайлов (1944-1945).

В первый год войны с завода на защиту Родины ушло много членов ВЛКСМ. Комсомольская организация осталась без лучших активистов и серьезно нуждалась в организационном укреплении. Поэтому с первых дней на предприятии занимались восстановлением численности заводской организации. Избирали новых секретарей цеховых ячеек.

Валентин Рудаков, вспоминая те годы, отмечал, что среди избранных комсоров были такие прекрасные вожаки, как Александр Володин, Нина Маркина, Александр Волков, Зинаида Меркулова, Исаак Футерман, Зоя Шилина, Андрей Большаков и другие.

В состав комитета комсомола вошли грамотные и авторитетные товарищи: Андрей Ипаткин – начальник 1-го отдела, Клавдия Гаврилова – инженер-технолог кузнечного цеха, Геннадий Анисимов – замначальника кузнечного цеха.

Руководители отбирали лучших из молодежи, принимали в ряды ВЛКСМ, а если ребята проявляли себя ударниками и активистами, то их принимали и в партию. Вот так за годы войны комсомольская организация выросла в два с половиной раза.

Тыловые, фронтовые...

В то время было создано свыше 30 комсомольско-молодежных бригад. Лучшим из них за высокие достижения в труде присуждались звания фронтовых. Так, в сборочном цехе первыми этого были удостоены бригады Ивана Масленникова и Евгения Зольнова. Они работали по 12-14 часов, а когда

требовала обстановка, то по пять и более суток, не выходя с завода. Красный уголок цеха превращался в общежитие, где рабочие могли немного отдохнуть.

Молодежь механических цехов выполняла месячные нормы на 110-200%. Росло движение «двухсотников». Они работали по-фронтовому. А 16-летний токарь Коля Копков выполнял норму на 600%! Лучшие бригады и рабочие награждались Почетными грамотами, переходящими Красными вымпелами. О них писали в «Молниях», «Боевых листках», стенных газетах. Их награждали денежными премиями, отрезами на платья и костюмы.

Лучшему цеху вручалось заводское переходящее Красное знамя. Да и весь коллектив завода в социалистическом соревновании неоднократно занимал первые места среди предприятий народного комиссариата.

Всегда и везде впереди

Комсомольцы собирали денежные средства на строительство танковых колонн и эскадрилий самолетов, теплые вещи для солдат; выходили на воскресники по сбору металлолома, участвовали в заготовке дров и трудились в подсобном хозяйстве завода, расположенном тогда на землях Навашинского района.

Заседания комитета комсомола проходили дважды в месяц – с 20 часов 30 минут, т. е. после 12-часового рабочего дня. В центре внимания были и вопросы политико-воспитательной и культурно-массовой работы, военной подготовки и быта молодежи. В цехах проводились беседы и лекции о положении на фронтах, коллективные читки газет. Часто перед молодежью выступала первый секретарь горкома ВЛКСМ Евгения Максаковская.

Несмотря на военное время, в цехе №2 была организована художественная самодеятельность. Ее участники выступали на вечерах молодежи в заводском клубе, перед ранеными в подшефном госпитале (школа №8). Молодежь пела в хорах и

побеждала в городских смотрах. Художественным руководителем при клубе завода была музыкант Юлия Симонова.

Допризывная молодежь проходила военную подготовку (всеобуч). Занятия шли два раза в неделю, после 12-часового рабочего дня. Но они воспринимались как обычное дело, а ведь это был поистине подвиг юношей, готовых в любую минуту по приказу Родины сменить станок на винтовку.

Занятия спортом для комсомольцев были и необходимы, и привычны. Зимой на территории завода прокладывали лыжню для кросса. Летом соревнования по легкой атлетике проводились на стадионе.

Уже в первый год войны организовали общежитие молодых рабочих. Комитет комсомола контролировал все: от санитарного состояния комнат до количества книг в красном уголке и репродукторов. Работал бытовое совет.

Награды равносильны победам на фронте

Много пережила наша молодежь в тылу в годы войны. Но все вместе люди выстояли и победили. Награды молодых той тяжелой поры сродни военным.

За успешное выполнение особых заданий Комитета Обороны в период Великой Отечественной войны Указами Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 года, 3 июня 1942 года, 13 февраля 1943 года, 16 сентября 1945 года двое молодых заводчан награждены орденом Ленина, четверо – Трудового Красного Знамени, двое – Отечественной войны, девять – Красной звезды, 15 – «Знаком Почета».

Медалями «За трудовую доблесть» – 11 человек, восемь – «За трудовое отличие». «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» удостоены 2 786 человек, среди которых много комсомольцев.

Райком закрыт. Все ушли на фронт

969 машиностроителей ушли на защиту Родины. Первые комсомольцы-добровольцы: Николай Пузанов, Владимир Назаров, Дмитрий Кузнецов, Николай Балашов, Александр Чаулин и многие другие.

...В декабре 1942 года комсомольцу Алексею Щербакову исполнилось 18 лет. Он сразу добровольцем ушел на фронт. Участвовал в защите Москвы, бил фашистов на Орловско-Курской дуге. При форсировании Днепра его отделение одним из первых переправилось на западный берег реки, отразило несколько атак фашистов, удержало плацдарм до прибытия подкрепления.

Алексей Щербаков

Командир лично уничтожил десяток вражеских солдат, захватил штабную легковую машину. За проявленные мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 года Алексею Щербакову присвоили звание Героя Советского Союза и вручили орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». После окончания курсов лейтенантов Алексея назначили командиром минометного взвода. В составе действующей армии он участвовал в освобождении Польши, храбро сражался на немецкой земле. Штурмовал Берлин. После светлого праздника Победы взвод Щербакова в составе других подразделений направили на борьбу с бандеровцами.

26 марта 1946 года Алексей погиб в бою от вражеской пули. Похоронен на аллее Героев в городе Ровно.

...С первых дней войны просился на фронт и токарь, комсорг цеха №1 Ардальон Баранов.

Но высококвалифицированного рабочего не пустили. Поручили механическую обработку сложнейших деталей для танков Т-60. Он сутками не выходил из цеха, учил подростков токарному делу. Наконец, в августе 1942 года добился своего, ушел на фронт, стал артиллеристом. Первое боевое крещение получил под Сталинградом. Был комсоргом взвода. В одном из боев его тяжело контузило.

После выздоровления окончил минометное училище, и снова бои. Участвовал в освобождении Белоруссии, Польши. В 1944 году комсомолец Баранов был принят в партию, избран парторгом батареи, которая помогала пехоте двигаться вперед, отражала контратаки врага. В критические моменты боя бывший токарь сам вел бойцов в атаку. Войну закончил в Берлине. За проявленные мужество, героизм и отвагу ему присвоено звание Героя Советского Союза. После Победы в течение 10 лет служил в рядах Советской Армии. В 1955 году майор Баранов уволился в запас, возвратился в Выксу, окончил техникум, работал на своем родном заводе.

...Много верст по дорогам войны прошел токарь инструментального цеха, доброволец-комсомолец Борис Баранов. Бил фашистов на Орловско-Курской дуге, за что был удостоен ордена Красной Звезды. По окончании военного училища в качестве командира минометного взвода участвовал в освобождении Прибалтики, громил фашистов в Восточной Пруссии. В 1945 году в ожесточенных боях полк, в котором служил Баранов, попал в окружение. Командование доверило лейтенанту сохранить полковое Красное Знамя. Несмотря на сложность задания, приказ командования выполнил, спас святыню воинской части. За эту операцию награжден орденом Отечественной войны I степени.

Летом 1945 года полк перебросили на Восток. Там Баранов участвовал в разгроме Квантунской армии. Войну закончил в

Порт-Артуре. Был награжден вторым орденом Красной Звезды. После демобилизации возвратился на завод.

Сотни машиностроителей, среди которых Б.И. Баранов, Г.В. Баринов, В.И. Бушлаков, А.Я. Волков, П.А. Гальцов, Н.А. Ермишин, Н.И. Зиновьев, А.М. Жагров, Н.В. Поздин, П.П. Суслов, В.С. Хахарев, П.И. Щербатов, С.А. Щепкин и многие другие, отличились в боях за Родину. За свои ратные подвиги на фронтах Великой Отечественной войны они награждены орденами и медалями Советского Союза, государств Европы и стран антигитлеровской коалиции.

Их биографии строки

Валентин Рудаков

Секретарь заводского комитета ВЛКСМ и комсорг ЦК ВЛКСМ на заводе с 1941 по 1944 годы. С 1945 по 1947 годы первый секретарь Выксунского горкома комсомола. Награжден орденами Красной Звезды, «Знаком Почета» и пятью медалями.

Валентин Рудаков

Валентин Александрович вспоминал, как он стал секретарем ЗК ВЛКСМ:

«Помню, как в начале войны ко мне на рабочее место в цех №2 пришел секретарь партийного бюро завода тов. Г.Д. Занин. После знакомства со мной он сказал: «Будешь работать секретарем комитета комсомола, мы тебе помогать будем». Затем последовали беседы на уровне первых секретарей в горкоме комсомола и горкоме партии. Так, по воле руководящих товарищей я стал работать секретарем заводского комитета комсомола, а позднее меня назначили комсоргом ЦК ВЛКСМ на заводе ДРО».

Письма с передовой

Комсомолец цеха №7 Анатолий Синюхин написал это письмо уже 25 июня 1941 года:

«Германские фашисты напали на нашу Родину. Красной Армии дан приказ отбить наступление зарвавшегося врага. И я передаю коллективу цеха №7 следующее: когда мне придется выступить на передовую и столкнуться с врагом, я буду уничтожать его беспощадно. Мы сумеем доказать отцам, что их сыновья умеют так же искусно бить врага, как били его в годы гражданской войны... Ваша задача – работать в тылу еще лучше, еще производительнее».

Ответ: Обсудив твое письмо, мы решили удвоить усилия, сделать все, чтобы обеспечить победу над врагом.

Комсомолец, токарь цеха №1 Безруков*:

«Я призываю к тому, чтобы каждый рабочий у станка, каждый служащий боролся с инструментом в руках за качество и количество выпускаемой продукции... Еще сильнее крепите ряды вокруг партии. А мы, красноармейцы, будем биться до последней капли крови, до полной победы над фашистами».

Комсомолец, нормировщик цеха №1 Захаров*:

«Я являюсь курсантом, изучаю новейшую технику. Завещаю вас, дорогие товарищи, что вверенным мне оружием буду бить зарвавшихся гадов, не щадя своей крови, а если потребуется, и жизни...»

Около трехсот работников завода пали смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины. Среди

*К сожалению, имена в письмах не указаны.

"Ваша задача – работать в тылу ещё лучше, ещё производительнее".
Фото из открытых интернет-источников

них были и комсомольцы. В их числе Герой Советского Союза Алексей Щербаков, Саша Чаулин, Борис Шибанов, Владимир Пантелеев, Владимир Баранов, Николай Большаков, Константин Корчагин и многие другие. Имена павших героев увековечены на плитах мемориала Вечной Славы, на площади Орджоникидзе перед зданием заводоуправления.

В мире не было еще такой мощной массовой молодежной организации, воспитавшей сильных и мужественных людей, истинных патриотов. Они проявили себя и в мирной жизни, и в трудные военные годы. Рассказ о комсомольцах машиностроительного завода тому свидетельство.

Татьяна Мазурина

Война – это смерть товарищей и каждодневный труд

Петр Майоров

Петр Васильевич Майоров родился 4 февраля 1924 года в деревне Дмитриевы Горы Ляховского района Горьковской области в крестьянской семье, позже переехал в деревню Норковку Выксунского района.

На фронт был призван в 1942 году по достижении 18 лет. На передовую попал в марте 1943 года и в составе 975-го зенитно-артиллерийского полка участвовал в освобождении города Севска Брянской области. А уже в апреле отличился в боях за город Дубно, был награжден медалью «За боевые заслуги». Из наградного листа: «Во время ночного налета на станцию Дубно 5 апреля 1944 года хладнокровно продолжал свою работу, в результате чего был сбит один самолет противника. Проявил себя как стойкий и дисциплинированный боец». Тем же летом Петр принял участие в форсировании Вислы и освобождении польского города Сандомир.

В январе 1945-го участвовал в Висло-Одерской операции. А в марте удостоился второй награды – медали «За отвагу».

Из представления к медали: «Наградить рядового Майорова Петра Васильевича, заряжающего орудия 2-й батареи, за то, что благодаря его стойкости и хладнокровию орудие при стрельбе задержек не имеет. На счету орудийного расчета имеется четыре сбитых самолета противника».

В апреле того же года он участвовал в боях за город Виттенберг, а потом в форсировании реки Шпреи. За обе операции имеет благодарность от товарища Сталина, о чем свидетель-

ствует запись в армейской книжке. Войскам, что участвовали в овладении Виттенбергом, приказом Верховного главнокомандующего от 27 апреля 1945 года была объявлена благодарность и в честь них дан салют в Москве двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий.

До Берлина оставалось чуть больше 90 километров, до Победы – 21 день. Однако часть, в которой воевал Петр Васильевич, перебросили в Чехословакию. Здесь он получил третью награду – медаль «За освобождение Праги». Именно в этом городе молодой артиллерист встретил долгожданную Победу и там же в марте 1946 года ему вручили медаль «За победу над Германией».

Артиллерия на марше. Фото из открытых интернет-источников

Демобилизовался в 1947 году. Вернувшись домой, женился на девушке из своей деревни, с которой прожил в браке 44 года. У них родилось 8 детей – 5 сыновей и 3 дочери. Петр Васильевич всю жизнь проработал плотником. Про войну никогда не рассказывал. На все расспросы детей о войне отвечал: «Война – это грязь, холод, голод, смерть товарищей, которые рядом с тобой, это каждодневный тяжелый труд. Я не желаю, чтобы кто-то из вас пережил такое». Умер Петр Майоров 28 декабря 1991 года в возрасте 67 лет от тяжелой болезни.

Полина Артамонова

Выручала нас нередко наша славная разведка

Сергей Балыков

Сергей Яковлевич Балыков родился 15 сентября 1922 года в Ближне-Песочном. На фронт был призван в 1941 году, попал в разведку. Сначала служил простым разведчиком-наблюдателем, а позже стал старшим в первой батарее 180-го гвардейского артиллерийско-минометного полка 7-й гвардейской кавалерийской Житомирской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии.

Почетного наименования «Житомирская» дивизия была удостоена в 1943 году за освобождение этого горо-

да в ходе Киевской наступательной операции. В том же году Сергей Балыков был награжден медалью «За отвагу». Как объясняется в наградном листе: «...Когда потребовалось установить точные данные о количестве танков и пехоты противника в лесу, он добровольно вызвался идти в разведку, несмотря на перекрестный обстрел, и доставил ценные данные, тем самым обеспечив успех исхода боя».

В том же 1943 году, уже будучи старшим разведчиком, Сергей Яковлевич был удостоен ордена Славы III степени.

Из наградного листа: «Сергей Балыков в боях за Родину не знал страха и усталости и показал себя стойким бойцом. Он всегда предоставлял точные сведения, благодаря чему его батарея успешно выводила из строя вражескую технику».

В это время дивизия вела бои за Украину. 9 ноября у станции Буг (Хмельницкая область) Сергей обнаружил танки и самоходные орудия противника, а также около роты пехоты. Он сообщил точные данные своей батарее, расчет установил орудие на огневую позицию и вывел из строя два немецких «Фердинанда», тяжелые самоходно-артиллерийские установки, до взвода вражеской пехоты (около 50 человек). Сам Балыков из своего карабина уничтожил двух гитлеровцев.

В июле 1944 года во время битвы за Броды у станции Радзивилов Сергей Балыков показал себя храбрым и смелым разведчиком, благодаря чему батарея всегда имела своевременные и точные сведения о противнике. Во время движения к станции на советских солдат напали немецкие автоматчики. Сергей в первых рядах бросился в бой, уничтожил двух фашистов и одного взял в плен. За это был награжден орденом Красной Звезды.

Второй орден он получил за участие в боях в сентябре 1944 года в районе деревни Кремчина.

Когда немцы перешли в контратаку, Сергей Балыков первым поднялся из окопа им навстречу, увлекая за собой остальных солдат. На следующий день пошел в разведку и, обнаружив в расположении врага в деревне Катань два танка и орудия, предоставил ценные сведения.

В районе деревни Крайна 22-23 сентября Сергей во время разведки увидел на шоссе повозки с вражескими солдатами, ни секунды не размышляя, бросил в проезжавших гранаты, повредив две повозки и расстреляв четверых фашистов из автомата. Под сильным пулеметным и артиллерийским огнем 24 сентября вместе с расчетом выкатил пушку из расположения противника.

В марте 1945 года, выполняя боевую задачу в Чехословакии, батарея подошла к населенному пункту Кремница. Враг перешел в контратаку. На командира батареи гвардии лейтенан-

та Рачкунова напали четверо вражеских солдат. Невзирая на опасность, Сергей Балыков с криком «ура» бросился на защиту командира. Благодаря стойкости и бесстрашию, он уничтожил всех нападавших немцев и спас жизнь Рачкунову.

Чуть позже, 29 апреля, находясь в разведке, Сергей скрытно пробрался к переднему краю обороны противника, разведал его огневые средства и передал сведения нашим частям. Используя его данные, батарея открыла прицельный огонь, которым были уничтожены три пулеметные точки противника, а также несколько солдат и офицеров. За это отважный разведчик был награжден орденом Славы II степени.

Позже Сергей Балыков был удостоен звания почетного гражданина города Брно (второго по величине города Чехии после Праги) за участие в его освобождении. До Берлина Сергей Яковлевич не дошел, был ранен и отправлен на лечение в госпиталь.

Заслуги молодого бесстрашного разведчика были отмечены страной по достоинству – он стал участником парада Победы на Красной площади, который состоялся 24 июня 1945 года.

В том же году Сергей Балыков вернулся домой, устроился на работу в железнодорожный цех ВМЗ, где проработал всю жизнь. Сергея Яковлевича не стало 11 ноября 1971 года – дали знать о себе полученные ранения.

Полина Артамонова

Герой с необычным именем

«Наш Долька был отчаянный»

Ардальон Баранов

...Имя Ардальон для одноклассников начальной школы в Борковке было трудно произносимо, и его все звали Долька. В детстве мальчишек не удержать дома, а уж Дольку – тем более! Подвижный, бесстрашный, заводила в играх, он успевал и родителям помогать, и в лес за грибами и ягодами ходить. Как вспоминает его одноклассница Татьяна Денежкина, мальчишка и в книжки-то почти не заглядывал, а учился на пятерки. «Отчаянный был! Схватывал все на лету. Мы все его любили и уважали за это».

Стремительность в движениях и поступках сохранилась у него и в послевоенные годы. Приехав в Борковку в 50-х годах, застал там бурное строительство. Перегородили и его тропу, которой он ходил к своему другу в поселок Рожновский. Так он перемахивал через все заборы и шел напрямки.

Или, например, был случай во время службы в Прибалтийском военном округе. Из письма его дочери Валентины.

«Сам отец об этом никогда не рассказывал. Мама же узнала от кого-то из раненых в госпитале, где работала. Отец шел из штаба домой обедать. На учебной площадке молодой лейтенант объяснял солдатам устройство гранаты. Неожиданно она выпала, а в руке осталась чека. В доли секунды отец скомандовал: «Ложись!» и отшвырнул ногой гранату. Она взор-

валась, но никто не пострадал. Для человека, который прошел войну, это был рядовой случай, сработала способность моментально реагировать на ситуацию. Отец был награжден тогда именными часами от командования Прибалтийского военного округа».

Родная школа №4

Пионеры на экскурсии

В родной школе героя поисковая работа, связанная с именем Ардальона Вениаминовича, не прекращалась никогда. И музей здесь тоже был, но его потеснили, когда стало не хватать классов. Однако все экспонаты сохранили. Новое поколение поисковиков заинтересовалось местом захоронения земляка. Было известно, что в 1961 году по семейным обстоятельствам он уехал из Выксы, где работал в механосборочном цехе завода ДРО, в город Джамбул республики Казахстан.

«В этом городе он был удостоен чести зажечь огонь у памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны, был почетным гражданином Джамбула, проводил большую

работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» – писала в письме учащимся школы его дочь Валентина Ардальоновна.

Сделали запрос в госархив Джамбула. Оттуда ответили, что он похоронен «в районе «Зеленого ковра» г. Тараз Жамбылской области. Нашли в Интернете и фото могилы. И хотя там установлен памятник, на котором указано, что на этом месте похоронен Герой Советского Союза, могила неухоженная, поросшая травой.

А в Борковке до сих пор стоит дом, где жила семья Барановых, где родился и жил Ардальон Баранов. На доме – мемориальная табличка. Имя Героя носит и эта улица.

Фронтовые эпизоды из жизни Ардальона Баранова

На польской земле

...Полк наступал на город Владова, расположенный на холме и превращенный фашистами в опорный пункт обороны. Продвигаться вперед было невозможно. Оценив обстановку, Баранов решил оборудовать свой наблюдательный пункт на липе, у опушки леса. По вспышкам обнаруживал на огородах немецкие пулеметы и корректировал огонь. Огромное облако пыли взвилось над тем местом, где разместилась немецкая батарея. Она была полностью уничтожена. Но Баранов заметил, что из трубы под железной дорогой по нашим войскам строчит пулемет. Команда – и пулемет замолчал. В это время разведчики обнаружили самоходное орудие «Фердинанд». Но и «Фердинанд» успел увидеть наблюдателя на высоком дереве. Выстрелив болванкой, он срезал верхушку липы, и Баранов, как на парашюте, слетел на землю. К нему подбежали разведчики, но Ардальон быстро вскочил на ноги и рассмеялся:

– Думал, погиб, а оказалось, даже не разбился! Продолжать наблюдение! – скомандовал он, карабкаясь на другое дерево.

Благодаря оперативности лейтенанта, наши артиллеристы и минометчики подавили огневые точки противника, пехота пошла в атаку, и город Владова был взят.

За успешные действия и отвагу в бою лейтенант Баранов был награжден орденом Красной Звезды.

...На Берлин!

16 апреля началось наступление на Берлин. Лейтенант Баранов, командуя батареей тяжелых минометов, продвигался в направлении города Врицен. Ранним утром наши части атаковали фашистов, укрывшихся на окраине города. Минометчики отдыхали урывками. От усталости подкашивались ноги, от недосыпания воспалялись глаза и кружилась голова.

Ночью заняли село на восточном берегу канала Гогенцонири. Баранов направил удары батареи на западный берег озера. Так уничтожили пять пулеметов. Огонь противника заметно ослабел. Скоротечный бой завязался в местечке Гатов. Немцы, перебросив десант на моторных лодках по озеру Ванзее, внезапно атаковали. Был ранен командир батальона. И тогда Баранов обрушил на наступающих сильный огонь, не давая противнику приблизиться. Своими смелыми и решительными действиями он спас раненого командира и его штаб.

После взятия Гатова полк наступал на Шпандау, отбрасывая немцев на запад, в то время как другие части оттесняли противника на восток, сжимая кольцо вокруг Берлина.

За мужество и героизм, проявленные в боях за Берлин, Ардальон Баранов указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза. Награду ему вручил маршал Жуков.

Елена Липатова

Дети войны... Стали собственной памяти старше мы

Несовместимы дети и война. Но сколько их прошло через нее! И те, кто выжил, помнят мельчайшие подробности того страшного времени. Не случайно, рассказывая о войне, они все повторяют одну и ту же фразу: «Как будто это было вчера». Сегодня они последние, кто может рассказать правду, чтобы потомки знали: война – самое страшное из всех несчастий.

Дети во время авианалета. Фото из открытых интернет-источников

Алевтина Садовская:

«Прочитав записку, мама заплакала...»

Алевтина Садовская с первенцем

– Я родилась в семье кадрового военного. А жизнь у них – кочевая. Куда назначат, туда семья и едет. В 1940-1941 годах мы жили в Свердловске. В начале 1941 года родилась Эля, моя сестренка. Папа написал, что скоро мы переедем в Ижевск. И мама стала потихоньку собирать вещи, готовиться к переезду. Мне было тогда восемь лет, и как все дети, я любила поездки. Хотя позднее-то поняла, насколько это трудно.

Отлично помню солнечный день. Воскресенье. Мы гуляем в парке с мамой. У нее на руках маленькая сестренка. настроение у всех спокойное, летнее. Мама

присела на скамейку. К ней подошел какой-то мужчина и отдал записку. Тут же ушел. мама развернула ее, там было написано всего три предложения: «Разбирай вещи. В Ижевск не поедem. Береги детей». Последнее предложение было подчеркнуто жирной чертой. Эту записку мама получила за неделю до 22 июня.

Истинный и страшный смысл последней фразы мы поняли в следующее воскресенье. Был такой же чудесный день, и мы пошли гулять в наше любимое место, в парк Дома пионеров. Эля спала у мамы на руках, я играла в мячик. Нагулявшись, решили возвращаться. Мы еще не подошли к дому, как выбежала соседка, посмотрела на наши счастливые лица и сказала: – Вы разве ничего не знаете? Война ведь началась!

Пришли домой. Мама как повалилась на диван, так и проплакала до ночи. И даже ночью я слышала ее всхлипывания. А наутро мы пошли в магазин купить что-нибудь из продуктов. Но полки магазина в нашем военном городке были пусты. Так началась для нас война.

Мама решила пойти работать. Она очень хорошо шила, а поскольку в городке в первые же дни войны организовали мастерские на дому по пошиву белья для солдат, то мама стала одной из первых в этом деле. Потом ей выдали и аттестаты на детей, по которым она получала деньги на нас.

Прошли три первых месяца войны. И в один из дней нам пришло письмо-извещение: «Ваш муж пропал без вести». Мама плакала всю ночь.

Мы прожили в Свердловске до 1944 года. Я училась в школе. Мама работала. Вся родня с маминой стороны жила в Выксе. И они пригласили ее приехать. «Может быть, вернетесь на родину? Что вы там маетесь?» И мы переехали. Так закончилось мое военное детство.

Скажу еще, что мама всю жизнь проработала машинисткой. Сначала в горисполкоме, в секретном отделе, потом в ремстройуправлении. О папе никаких сведений мы не получили. Мама писала в архивы, но ей неизменно отвечали: «Архив закрыт».

Я вышла замуж за военного, Святослава Садовского. Вместе с ним жила в военных городках как в России, так и за рубежом. Знаю, что такое быть женой офицера. Понимаю маму, когда она плакала ночами. Понимаю, почему она не выходила замуж. Она ждала своего Петра Семеновича Денисова всю жизнь.

Мария Шамова: «Мы сполна ощутили
ее зловещее дыхание...»

Мария Шамова

В конце 30-х годов отца-коммуниста мобилизовали на трудовой фронт. Работал он на строительстве оборонительных объектов на аэродроме в Саваслейке. По возвращении был призван в Красную армию и направлен на Ленинградский фронт. Получил тяжелое ранение и скончался 5 апреля 1942 года.

Мама осталась одна с шестью детьми. Старшего брата призвали на фронт и он пропал без вести в 1943 году в боях за Севастополь. Мама всю боль души заглушала работой. Домой приходила поздно вечером, а мы по хозяйству управлялись сами. Старшая сестра, ей было 11 лет, доила корову, а я кормила кур, гусей и прочую живность да еще нянчилась с младшими: четырехлетним братиком и полугодовалой сестренкой.

Жили мы за счет усадьбы в 50 соток и того, что давал лес. Не ленись – голодать не будешь. Уже зимой 1942 года в поселке появились беженцы: белорусы, украинцы. И жители помогали им чем могли: селили в свои дома, делились едой.

В октябре 1942 года я пошла в первый класс, учителями были Михаил Павлович Синадский и его жена Татьяна Федоровна, эвакуированные из Минска. Поселились они в школе, колхозники одели их, помогли с продуктами. Михаил Павлович часто бывал в нашем доме, говорил маме, что я буду учи-

телем, потому что до школы научилась читать. У нас в доме не было книг, но старшая сестра принесла из школы букварь, по которому я в пять лет и освоила азбуку. Потом мне нравилось летом собирать детей, усаживать на завалянку у своего дома и учить писать буквы прутиком на земле. Это была наша «школа».

Отчетливо помню, как сильно хотелось есть. Ели цветы акаций, листья липы, корешки хвоща (кукошки). Было очень голодно весной 1945 года. А 1946-й – год неурожайный. Помню суп из молодой крапивы без хлеба. Летом в колхозе готовили общественные обеды для всех, кто работал в поле. За миску супа с кусочком хлеба работали целый день: копали землю под грядки, пололи, рыхлили. А когда поспевала рожь, жали серпами, комбайнов не было.

Жили бедно, но дружно, помогая друг другу, делясь последним. Дети привыкают к трудностям быстрее.

Вечерами нас отпускали гулять. Зимой, обувшись в лапти, бежали играть в войнушку: из снега лепили снеговиков-фашистов с руками-палками, поднятыми вверх, а потом били их немилосердно, выплескивая свою ненависть.

Уже с первого класса я мечтала стать учительницей. Окончив школу-семилетку, в 1949 году поступила в Дивеевское педучилище. До сих пор благодарна маме, которая, несмотря ни на что, в лапотках, с котомкой за плечами проводила меня до Дивеева, сказав: «А теперь сама старайся, у тебя все получится». Что еще запомнилось из детства? День Победы! Об этом мы узнали 9 мая 1945 года.

На улице был установлен репродуктор – черная тарелка. Утром 9 мая диктор объявил: «Великая Отечественная война, которую вел Советский Союз против фашистской Германии, закончилась победой». Люди выбегали из домов, женщины плакали, обнимая друг друга. Ребята кричали что есть мочи: «Ура! Победа!». А днем был общий колхозный обед с хлебом

и солью. На улице расставили столы, лавки. Люди несли все, что имели съестного: огурцы, капусту, ягоды, грибы, хлеб. Это был великий праздник великой страны – Советского Союза, где людей не делили на национальности, по достатку и прочим признакам. Все были равны!

Лилия Бурмистрова:

«Нам смерть в глаза глядела»

Лилия Бурмистрова

...Страшное утро 22 июня 1941 года. Хотя мне было всего четыре года, в память оно врезалось на всю жизнь. Пронулись от страшного гула. Мы не понимали, что это. Мама схватила нас с сестренкой, и мы выбежали на улицу. Низко над головами со страшным ревом летели самолеты. Где-то грохотали взрывы. Страх был невероятный. Мы бежали со всеми людьми на вокзал, потому что кто-то сказал, что там в специальный состав грузятся мужчины для отправки на фронт. Там же должен быть и наш папа. Бежали долго, прятались от бомбежки в подъездах домов. Когда прибежали на вокзал, поезд уже тронулся. Помню вагоны, заполненные людьми. Из всех окон нам махали и кричали что-то мужчины. Папу мы не смогли разглядеть в этой сплошной массе лиц.

Домой идти было бессмысленно: в город въезжали немецкие танки и мотоциклы. Горели дома. В небе ревели самолеты. Все смешалось в один страшный гул и рев, заглушающий людские крики, стенания.

Мы с сестренкой Тосей, ей было всего три года, крепко держались за мамин подол. Было страшно так, что мы не могли даже плакать. Просто бежали и бежали. Потом, правда, появ-

вились лошади с повозками, на которые посадили детей. Но мама все равно шла рядом и держала нас рукой, а мы с сестрой как клещами вцепились в нее.

Так дошли до какой-то деревни. В хате, где нас разместили, было так тесно, что и ступить некуда. В этой деревне у нас родился братик Миша. Он был для нас маленькой радостью. Детство есть детство, и мы с ребятами целыми днями бегали по улице. Но вскоре и нашу деревню заняли немцы. Ужас внушали немецкие овчарки. Мы боялись их панически. Страх остался на всю жизнь. Я до сих пор боюсь собак.

Всех женщин фашисты гоняли на рытье противотанковых рвов и на другие работы. Вслед за немцами с овчарками в деревню пришли каратели, которые сожгли большинство домов. Приближалась осень, и наши мамы начали рыть землянки, в которых мы и стали жить. Нам там даже нравилось. На полу была солома, в которой можно было валяться. Когда вылезали из землянок, то боялись всего: фашистов, ревуших мотоциклов, собак. Немцы почему-то среди детей выделяли меня, часто подзывали к себе, гладили по голове и угощали конфетами, чем-то вроде нашей аскорбинки. А я делилась ими с другими детьми. И поэтому всегда, когда мы оказывались около немцев, дети говорили мне: «Лиля, беги!», чтобы они нам дали хоть немного сладкого.

Все семьи, у которых отцы воевали, подлежали уничтожению. И наша должна была быть в этом списке. Помню теплый день, мы сидим на улице. На руках у мамы маленький Миша.

Подошли немцы и полицай. Он направил маме в лоб пистолет и потребовал паспорт. Она подала паспорт, а там другая фамилия. Маминой фамилии в списках не было, только папина. Нас спасло то, что до войны родители не успели расписаться.

Среди детей я была самая худюшая. Мне никогда не хотелось есть. Это осталось у меня на всю жизнь. Наверно, бла-

годаря этому и выжила. А вот маленький Мишенька не смог. Ему было всего три годика, когда он сильно заболел. Я носила его на руках. Однажды вечером он показал ручкой на кладбище и сказал: «Пиду туды». И в эту ночь умер.

За околицей деревни был большой заброшенный сарай, который однажды тихим весенним днем озарился пламенем и горел долго-долго. И долго стоял страшный запах. Как потом нам рассказывала мама, в этот сарай свезли всех больных и немощных жителей, свалили, забили двери досками и сожгли заживо. Так немцы избавлялись от больных, оставляя только тех, кого можно использовать как рабочую силу.

На центральной площади освобожденного Минска. Фото из открытых интернет-источников

Белоруссию освободили 3 июля 1944 года. Три года мы жили «под немцем». И наступил тот долгожданный день, когда в деревню вошли советские войска, танки. Мы бежали им навстречу, плакали и радовались, солдаты подбрасывали нас вверх, мальчишек сажали на танки, угощали всякими вкусностями. Про папу мы ничего не

знали, да и знать не могли. В этой глухой белорусской деревне мы были оторваны от всего мира. Решили ехать на Украину, где жила мамина родная сестра. Уже наступили холода, был ноябрь. Всей деревней собирали для нас какие-то вещи, которые мы могли бы обменять в дороге на продукты. Ехали на открытых платформах, затем в товарных вагонах, где стояли длинные нары. Лежать приходилось на голых досках. И помнится мне, что эта дорога была бесконечной.

Киев лежал в руинах. Мамина сестра жила под Киевом, в деревне Молчановке. Приехали к ней, а там украинская хата, пол земляной, устланный сеном, чтобы не так холодно было ногам. Это жилье показалось нам просто раем после холода, который мы перенесли в той бесконечной поездке. В дороге сильно простудилась сестра Тося, заболела и умерла. Мы с ма-

мой остались одни. Дочерей маминой сестры угнали в Германию, им было 14 и 16 лет, а вернулись они только в 1946 году.

Мне особенно трудно было на Украине общаться с людьми, совсем не понимала, о чем они говорят. А они не понимали меня. Я ни с кем не дружила. Меня направили в первый класс украинской школы.

Весной 1946 года папа вернулся. Он с боями дошел до Берлина.

Побыл недельку и вновь отправился служить в ту часть, с которой прошел всю войну. Но через год мы уехали за ним в Закарпатье. Я была поражена и восхищена прекрасным европейским городом Ужгородом. Там было все красиво: и дома, и улицы с фруктовыми деревьями. Закарпатье немцы не бомбили. Оно было то под венграми, то под чехами, то под немцами и румынами. Коренные жители убежали из города, дома стояли пустые, мы могли поселиться в любом. Из Ужгорода переехали в Хуст. Здесь родилась в 1947 году сестра Зоя. Этим именем ее назвали по моей просьбе, потому что я восхищалась подвигом Зои Космодемьянской. И сестра моя выросла таким же стойким человеком.

Я закончила семь классов, культурно-просветительный техникум. Работала библиотекарем в сельской библиотеке. Встретила очаровательного молодого парня, лейтенанта саперного батальона. Через два года мы поженились. Но в Венгрии начались военные действия, и весь саперный батальон перевели туда. Потом женам разрешили приехать к мужьям, и мы прожили там три года. Там родились дочь и сын – самое большое наше богатство. Нам пришлось сменить много мест, пока добрались до Выксы. Сюда Николая назначили военным комиссаром Выксунского военкомата. Ровно 20 лет прожили мы в дружбе, согласии и любви. Жизнь Николая Васильевича оборвалась в 1977 году. Так судьба определила нам постоянное место жительства – Выксу.

Елена Липатова

«Иду в бой и целую Машкину ладошку...»

...Писал жене с фронта Иван Лизунов.
А дочь смогла побывать на могиле отца
лишь спустя 75 лет.

Провожая мужа на фронт, Пелагея спросила: «А как же мне теперь жить-то? Скоро ведь третий ребенок родится... На что Иван рассудительно ответил: «Не плачь, Пелагея, он тебе под старость – кусок хлеба».

На войну мужчин Верхняя Верея проводила всем селом, под Новый, 1942 год. А 14 апреля у Пелагеи Васильевны родилась дочь Мария. В это время наводчик противотанкового орудия рядовой Иван Лизунов участвовал в ожесточенных боях. Получая

Мария Лизунова на могиле отца

письма с родины, от жены и родителей, всегда писал, что грозит фашистскую нечисть, и очень хочет повидать малышку. А старшая дочь Саша приложила ладошку Машеньки на листок бумаги и обвела ее карандашом. Поместила в конверт и отправила отцу. В ответ он написал: «Спасибо за письмо. Как в бой иду, так обязательно целую ладошку Машкину...»

9 октября 1943 года он погиб в бою. Дочка Маша так его и не увидела. Она знала о нем только из рассказов мамы, сестры и брата. Ей было обидно и горько, что у нее нет папы.

Однажды (ей было тогда года три), спросила:

– Мам, а зачем люди воюют?

– За землю.

Маше невозможно было понять, почему надо воевать и убивать друг друга из-за земли, ведь ее так много! Потом,

взрослея, стала осознавать бессмысленность войн. И в ней укреплялось желание съездить на могилу отца. Но осуществить эту мечту она смогла только спустя 75 лет.

Вернемся в прошлое. После окончания школы Маша работала на металлургическом заводе: фрезеровщицей в ремонтно-механическом цехе, в коньковом; затем, после курсов крановщиков, уехала в Томск, где и нашла свое счастье. Вышла замуж за томича, родились дети. Сейчас у нее уже пять внуков. Но за всеми заботами, хлопотами, семейными делами, она всегда знала, что обязательно должна поехать на могилу отца.

На свой запрос в Центральный архив Министерства обороны СССР получила 19 февраля 1991 года ответ: «По документам учета безвозвратных потерь сержантов и солдат советской армии установлено: наводчик ПТР 47 стрелкового дивизиона рядовой Лизунов Иван Петрович, находясь на фронте Великой Отечественной войны, погиб 9.10.1943 года. Захоронен в д. Батрачки Меховского (ныне Городокского) района Витебской области».

А два месяца спустя, 12 апреля, пришло второе письмо. В нем сообщалось, что рядовой Лизунов Иван Петрович внесен в списки погибших и захороненных на территории Городокского района, д. Марченки.

Дело в том, что захоронения объединили, укрупнили, и прах отца покоится в другом месте.

И Мария Ивановна стала готовиться к поездке. Но... постоянно возникали какие-то препятствия, которые не давали возможности ее осуществить. И только в 2017 году давнюю мечту удалось осуществить.

Рассказывает племянница Марии Ивановны, Людмила:

– Приехали в деревню Езерищи и сразу к главе поселкового совета Владимиру Каторжанскому. Встретил нас приветливо

и на своей машине довез до деревни Марченки. По дороге рассказал, что здесь шли ожесточенные бои за каждую пядь земли. Только на территории Городокского района 18 братских могил, в которых прах свыше пятисот воинов.

Все русские. Нет среди погибших ни белорусов, ни солдат других национальностей. Вся земля усеяна русскими косточками, – поясняет Людмила Анатольевна.

– Мой папа, – говорит Мария Ивановна, – он же дедушка Людмилы, Иван Павлович Лизунов, погиб в бою за деревню Батрачки. Его на окраине этой деревни похоронил друг. Как рассказали нам наши сопровождающие, бои за освобождение Белоруссии шли суровые – с 9 по 23 октября 1943 года. Война прошла здесь дважды. Когда фашисты наступали, они сжигали деревни дотла, а когда уходили, было еще страшнее. Перезахоронения проводили с воинскими почестями; имена всех погибших высечены на плитах. Мы взяли земличку с братской могилы, привезли на родину отца. А туда, наоборот, землю от родного порога, из деревни Верхняя Веря. Теперь я знаю места и страшных боев, и упокоения отца. Хорошо, что мы съездили туда в канун Дня Победы. Потери войск Калининского (И Прибалтийского) фронта во время Невельской и Городокской операций (октябрь-декабрь 1943 года) составили 168 902 человека, в том числе безвозвратные потери – 43 551 человек, среди них был и мой отец.

Елена Липатова

Из солдат в металлурги

Выкса – город металлургов, поэтому в годы войны многие работники Выксунского металлургического завода уходили на фронт. Молодые и пожилые, здоровые и не очень, начинающие и уже профессиональные специалисты, имеющие бронь. Каждый из них внес свой собственный вклад в Победу, приблизил ее, а тем, кто вернулся, предстоял после военного ничуть не менее важный подвиг – трудовой. Об этих людях мы вам и расскажем.

Телефонист на линии огня

Василий Любшин

Василий Семенович Любшин родился 22 декабря 1921 года в Грязной. В армию был призван в декабре 1941 года, служил телефонистом в звании гвардии старшего сержанта. Воевал в составе артиллерийского дивизиона 21-й гвардейской механизированной бригады. Его фронтовые дороги проходили на Западном, Калининском, Воронежском, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах.

В 1943-м был награжден медалью «За боевые заслуги» за то, что в боях 30-31 декабря в районе Казатина быстро обеспечил связь с наблюдательными пунктами батарей и командным пунктом дивизиона, под огнем противника оперативно восстанавливал поврежденную линию.

Уже позже, в июле 1944 года, в боях за переправу через реку Западный Буг Василий Любшин проложил линию от огневой позиции до наблюдательного пункта и в течение трех часов поддерживал связь под сильным артиллерийско-минометным огнем противника. В районе польской деревни Доброщице 11-12 августа он несколько раз под вражеским обстрелом обеспе-

чивал связь для корректировки огня батарей, благодаря чему тот велся непрерывно. Это помогло пехоте отразить контратаки противника и удержать занимаемый рубеж. За те бои Василий представили к ордену Красной Звезды.

Но не только связь обеспечивали телефонисты на войне, приходилось им брать в руки и оружие. Участвовал он в освобождении Варшавы 14-17 января 1945 года, за что получил медаль. На следующий день Любшин находился на наблюдательном пункте в районе деревни Субина, заметил движение вражеской пехоты в свою сторону и, подпустив фашистов поближе, в упор уложил 13 гитлеровцев и пятерых взял в плен. В том же месяце в районе Дембе он обнаружил засаду у перекрестка на опушке леса. Немцы собирались напасть на автоколонну, но Василий своевременно открыл огонь и уничтожил двух гитлеровцев, а семерых захватил в плен. Автоколонна двинулась дальше без потерь.

«Товарищ Любшин мужественный, смелый и бесстрашный в бою связист», – писал в представлении к ордену Красной Звезды командир артдивизиона Соколов.

21 апреля 1945 года в районе города Фридрихсхаген Василий Любшин метким огнем из фаустпатронов уничтожил 20 вражеских солдат, зенитное орудие, три автомашины, пулемет и захватил в плен пятерых солдат противника. До 2 мая телефонист поддерживал непрерывную связь между командованием и наблюдательным пунктом дивизиона, штабом бригады, обеспечивая своевременный вызов огня для поддержки нашей пехоты. За это был представлен к ордену Славы III степени.

Василий Семенович дошел до Берлина, был награжден медалью «За взятие Берлина», после окончания войны демобилизован. Работал на ВМЗ до самой пенсии. С женой воспитали трех дочерей, которые подарили им шестерых внуков. Дождались супруги и правнуков.

О войне Василий Семенович не рассказывал, но чем старше становился, тем чаще повторял одну фразу: «Дожить бы до 9 Мая...». День Победы был для него главным праздником. Только после его смерти 13 марта 2004 года родные узнали через общедоступные базы данных в сети Интернет подробности героической военной биографии отца и дедушки.

Бил по врагам прямой наводкой

Григорий Гришин

Григорий Семенович Гришин родился 22 октября 1923 года в селе Любимовка Курской области. На фронт его призвали в 1942 г., после окончания командирских курсов был назначен помощником командира взвода, зачислен в пехоту, однако вскоре командование заметило его математические способности и командира перевели в артиллерию. Зимой 1942 года Григорий был ранен. На реабилитацию попал в Выксунский район, где какое-то время жил в Проволочном, а заодно проходил обучение. Здесь же познакомился со своей будущей женой Марией, к которой вернулся после войны, чтобы больше никогда не разлучаться.

Но это потом. А пока, восстановившись после ранения, Григорий Гришин вернулся на фронт, уже в звании командира орудия. Войну закончил командиром взвода артиллерийского полка. Воевал на Донском, Центральном, Белорусском и 2-м Белорусском фронтах.

В 1944 году был награжден орденом Красной Звезды за то, что «за период наступления показал себя смелым и мужественным командиром. Добился большой слаженности своего оружейного расчета. Только в бою под станцией Садовое его орудие уничтожило четыре пулеметных точки, до взвода пехоты противника, подавило огонь батареи, что дало воз-

можность продвигаться нашей пехоте вперед». Позже был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Как указано в представлении к награде: «За период наступательных боев в 1945 году товарищ Гришин показал себя смелым младшим командиром. 27 января 1945 первым форсировал реку Висла и установил свое орудие на прямую наводку. Из него подавил огнем 75 мм пушку, две пулеметные точки, уничтожил и рассеял до взвода пехоты противника».

После войны, в августе 1945 года, вернулся в Выксунский район и женился на своей любимой Маше. Вместе они воспитали шестерых детей, из которых почти все связали свою жизнь с ВМЗ. Сам Григорий Семенович всю жизнь проработал на мартене. Умер 23 января 1993 года.

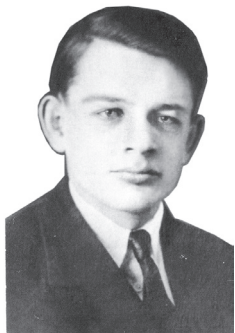
Полина Артамонова

Семья Киреевых всю войну ковала победу на заводе ДРО

Братья Киреевы внесли огромный вклад в освоение и изготовление заводом ДРО военной продукции.

На улице Почтовой, недалеко от магазина «Купец», стоит дом, где Прокофий Викулович и Пелагея Михайловна Киреевы воспитали семерых сыновей.

Отец работал мастером на железной дороге, по которой курсировали паровозы между Верхним и Нижним заводами. Сыновья, подрастая, бегали к отцу на работу и по мере возможности помогали. Окончив школу, они поступили в технические вузы и стали высококвалифицированными специалистами. Однако лишь трое из них связали свою судьбу с заводом ДРО и создали настоящую рабочую династию. О них мы расскажем подробнее.

Виктор Киреев

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для страны и для завода. Именно в этих непростых условиях проявились способности замечательного человека, организатора производства Виктора Киреева – самого младшего из братьев.

Он родился в 1913 году и после окончания механического факультета Московского института стал работать в конструкторском отделе завода ДРО, где прошел путь от рядового конструктора до главного. Был всеми признанным арбитром в решении спорных вопросов между цеховой администрацией и представителями заказчика. А его трудовой режим был примером для всех. Утро на работе Виктор Прокофьевич начинал с обхода цехов, где беседовал с ведущими станочниками и слесарями, внимательно выслушивал их замечания и предложения.

В годы войны возглавил конструкторское бюро, затем стал заместителем начальника и начальником технического отдела. В 1942-м в новом блоке цехов началось освоение выпуска боеприпасов. Виктор Киреев сразу решил организовать производство на конвейере: и обработку, и сборку, и сдачу – это значительно упростило процесс.

Он прожил недолгую жизнь. Пятого февраля 1947 года на 34-м году жизни в расцвете сил и творческой энергии скоропостижно скончался от инфаркта.

Этот человек многое сделал для создания отечественных дробилок. За самоотверженный труд в годы войны в 1945 году Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом Красной Звезды.

Владимир Киреев был чутким, отзывчивым человеком. Какую бы должность он ни занимал, всегда с большим пониманием относился к каждому, кто к нему обращался.

Родился в 1902 году, окончил Нижегородский механомашиностроительный институт по специальности инженер. В годы Великой Отечественной работал заместителем главного технолога завода, заместителем главного инженера и затем начальником цеха.

В начале войны с переходом на выпуск военной продукции вводились новые технологические процессы. У завода была большая номенклатура выпускаемых изделий – от бронекорпусов танков до корпусов снарядов для знаменитой установки «Катюша». Будучи технологом, Владимир Киреев активно участвовал в их разработке.

После окончания войны занимал должность технического инспектора ЦК профсоюза рабочих транспортного машино-

Владимир Киреев

строения при заводе ДРО. Затем перешел во вновь построенный механический цех ВМЗ. Его сын, Владислав, тоже посвятил себя машиностроению.

Михаил Киреев родился в 1905 году. В 1932 году окончил МВТУ им. Баумана и пришел работать на завод ДРО. В годы войны был начальником производственно-технического отдела, начальником механосборочного цеха №1, который в военное время выпускал оборонную продукцию. За самоотверженный труд и расширение производства Михаил Киреев награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и юбилейными медалями.

Михаил Киреев

В 1949 году решением бюро Выксунского ГК КПСС его рекомендовали на должность главного инженера, в 1954 году – на должность директора недавно построенного завода изоляционных материалов. Под его руководством в конце 1950-х годов прошла реконструкция предприятия, которое он возглавлял до ухода на заслуженный отдых. Его дочь Галина продолжила семейные традиции вслед за папой и дядями. Получив высшее образование, она устроилась на работу в отдел главного конструктора завода ДРО, где трудилась до выхода на пенсию.

За годы Великой Отечественной войны завод дробильно-размольного оборудования в 3,6 раза увеличил объем выпускаемой продукции.

Среди предприятий танковой промышленности заводу ДРО 22 раза присуждались призовые места.

Семья Киреевых. 1927 год. Семья Киреевых

В верхнем и среднем ряду, слева направо: Николай с женой Ольгой и сыном Генрихом; Иван с женой Зинаидой и дочерью Тамарой; отец семейства Прокофий Викулович с женой Пелагеей Михайловной и внучкой Ниной (дочерью Ивана); Михаил с племянницей Лидией (дочерью Ивана); Владимир с женой Валентиной и сыном Владиславом; Василий. В первом ряду, слева направо: Виктор и Борис (сын Ивана). Старший из семи братьев, Александр, на фото отсутствует.

Улица Почтовая
28 июня 2021 года
Дом на улице Почтовой,
где жила семья Киреевых.
На нем даже сохранились
наличники, сделанные
Прокофием Викуловичем

Татьяна Мазурина

Маленькие корабли и большие планы

Александр Сапогов (слева)

В далеком 1942 году наиболее опытных моряков отозвали из действующего состава армии на главную базу Северного флота – Полярное, где распределили по командам будущих корабельных экипажей. Их ждала важная миссия – отправиться в США и доставить оттуда

переданные по ленд-лизу тральщики, которые должны были помочь советскому флоту.

В числе этих краснофлотцев был и Александр Алексеевич Сапогов, моряк, до войны служивший на большом тральщике Беломорской военной флотилии, а потому имеющий опыт работы на таком типе кораблей.

Александр Сапогов родился 25 октября 1918 года в Выксе. В сентябре 1938 года его призвали служить на флот. Когда началась война, ушел добровольцем на фронт, был направлен в шестую морскую бригаду особого минометного батальона в должности командира минометного расчета. В составе этого подразделения участвовал в обороне Ленинграда в декабре 1941 года. При отражении атаки противника был контужен и ранен в руку.

После излечения его направили на выполнение правительственного задания: провести корабли из США в СССР, прикомандировав к тральщику ТЩ-113.

Экипажам предстояло в кратчайшие сроки изучить новую технику и самостоятельно перегнать ее через Атлантический океан в Полярный, так как английские и американские военнослужащие от этой задачи отказались. На судах небольшого размера, по мнению союзников, это было очень опасно делать.

Нарком ВМФ Николай Кузнецов тогда на свой страх и риск подписал такой приказ, рассчитывая на героизм и мастерство наших моряков.

Будущие команды отправляли по железной дороге во Владивосток, откуда торговыми судами доставляли в США, далее они на поезде добирались до города Тампо. По воспоминаниям участника миссии капитана 2 ранга в отставке Василия Григорьевича Жигалова, советские военные встречали только доброе и уважительное отношение к себе. Они выступали с номерами художественной самодеятельности в парках Тампо и Майами и пользовались большой популярностью у местного населения.

В то же время военные занимались изучением новой техники, что было непросто. Александр Сапогов, будучи командиром отделения мотористов, провел огромную работу с личным составом, чтобы подчиненные в короткий срок освоили механизмы. Мастерство оттачивали в ходе напряженных тренировок. Наконец все тральщики были готовы. Советских моряков ждал сложный переход через океан при штормовой погоде. В этих непростых условиях Александр Алексеевич смог обеспечить в течение всего похода бесперебойную работу машинного отделения.

Последние мили до конечного пункта назначения были особенно трудными. Приходилось идти при восьми-девятибалльном шторме (максимальное значение 12 баллов). Небольшой тральщик может раскатать даже малая волна, поэтому союзники и отказались от рискованного похода. Но несмотря на трудности все корабли дошли до места назначения в целости и сохранности. Миссия заняла около года.

Александра Сапогова в это время выбрали секретарем комсомольской организации корабля, и он вел большую воспитательную работу с личным составом.

Участвовал он и в выводе из Арктики ледокола «Иосиф Сталин». В трудных условиях обеспечил бесперебойную работу машинного отделения, что способствовало успешному выполнению боевого задания.

Корабль в порту. Фото из открытых интернет-источников

Всего моряк провел 40 конвоев, из них 14 арктических. Участвовал в отражении атак двух подводных лодок противника и в потоплении одной. Всего на корабле Александр Сапогов прошел расстояние, равное пяти маршрутам от Москвы до Владивостока.

Наш земляк награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За оборону советского Заполярья», благодарностью от командующего Северным флотом и народного комиссара ВМФ.

Домой вернулся в 1946 году, работал на ВМЗ и в нижегородском колхозе «Путь Ленина». Умер в 1968 году.

Полина Артамонова

Орудие возмездия

Михаил Федорович Тагунов родился 18 декабря 1919 года в Выксе. В Красную Армию был призван в 1939 г. и по окончании срочной службы направлен на фронт. Служил в 8-м гвардейском кавалерийском Краснознаменном полку 2-й гвардейской кавалерийской дважды Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого Крымской дивизии 1-го Украинского фронта.

В бою под Остриевым (Ровненская область, Украина) 18, 19, 21 февраля 1944 года Михаил Тагунов, командуя орудием, подавил две немецкие огневые точки; в бою за местечко Колки (Волынская область, Украина) – одну и до 15 пехотинцев, рассеяв около взвода пехоты. В боях 25-26 февраля на высоте 224,9 и в Гончарке, поддерживая наступление эскадрона, младший сержант уничтожил около 20 немецких пехотинцев, три огневые точки и минометную батарею. За это в апреле 1944 г. был удостоен ордена Славы III степени.

Михаил Тагунов

Бой в городе. Фото из открытых интернет-источников

19 июля того же года, уже будучи сержантом и командиром орудия 76-мм батареи, Михаил Федорович участвовал в боях за город Сокаль (Украина), где орудийный расчет под его командованием уничтожил одно вражеское орудие, три пулемета, 25 солдат противника, разбил около 20 повозок с боеприпасами и имуществом. На следующий день фашисты предприняли несколько яростных атак, пытаясь прорваться на западный берег Западного Буга, и орудие Тагунова уничтожило две автомашины немцев, один миномет, одно ружье ПТР и около 30 вражеских солдат и офицеров.

За эти бои в октябре наш земляк был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В районе высоты 585 17 сентября сосредоточилось около роты немцев, которые перешли в наступление. Михаил Тагунов, уже будучи командиром огневого взвода, дал возможность противнику спуститься с высоты и, подпустив его на близкое расстояние, стал расстреливать прямой наводкой. Вражеская атака была отбита, боевые порядки рассеяны, при этом противник потерял 15 солдат.

Через три дня, 20 сентября, в районе Ольховца к рубежам, которые оборонял наш земляк, подошли два вражеских бронетранспортера и автомашина. Михаил Федорович, развернув орудие, открыл по немецкому транспорту огонь и подбил автомашину. За эти бои он был награжден орденом Красной Звезды.

После Победы вернулся в родную Выксу, где всю жизнь проработал на лезозаводе. Умер 20 июля 1976 года.

Полина Артамонова

Мое единственное желание – чтобы мир был вечно...

...говорит ветеран войны Софья Масленникова.

Софья Яковлевна Масленникова (в девичестве Кочеткова) дорогами войны прошла с рацией за спиной. Победу встретила в Пруссии. Оттуда и уехала домой, вышла замуж, родила двух девочек и всю жизнь проработала на металлургическом заводе – сначала контролером ОТК в листопрокатном цехе, затем сортировщицей на фитинговом участке. Ей уже 92 года. Давно на пенсии, но живо интересуется событиями в мире и стране, читает книги и газеты. И вот мы сидим рядом на диване, и она неторопливо вспоминает давно минувшее...

Софья Масленникова с подругой

– Какое время для Вас самое счастливое?

– Детство. Это счастье, когда просыпаешься летом и, едва разлепив глаза, бежишь на Оку и бросаешься с размаху в прохладную и ласковую воду! Переплывешь на противоположный берег, передохнешь и опять в воду! Все лето мы проводили на реке, беззаботные, довольные тем, что живем. Я

любила спорт и самодеятельность. Танцевала, пела, в скетчах участвовала.

– Комсомолка, активистка, красавица – так, верно?

– Да, так (Софья Яковлевна смеется так молодо и задорно, что невольно хохочу вместе с ней).

– Какие предметы в школе были любимыми?

– Очень любила географию. Преподавал ее брат нашего писателя, Николая Петровича Ключарева, Сергей Петрович. Рассказывал увлеченно, говорил четко, я до сих пор отлично помню географию, мои внуки удивляются: «Откуда ты все знаешь?» «Из школы», – говорю я. Тогда педагоги были другие, время иное, и мы – самостоятельнее. Любимым учителем был у меня, да и у всех в классе, Евгений Иванович Кедрин. Учитель математики Меньшов тоже был авторитетен у нас. Так вот росли год за годом.

– А кем хотели стать?

– Вы не поверите! Архитектором! Тогда до войны выходил журнал «Мурзилка» с приложением, где предлагалось из бумаги сделать разные фигуры и конструкции. У меня очень хорошо все получалось, и педагог, похваливая меня, зародил в душе эту мечту. Но началась война...

– Расскажите, как это было?

– В июне мы закончили девять классов, и я уговорила маму отпустить меня в Казань, где жил брат с семьей. Добраться туда можно было только пароходом. И я пустилась в путешествие. Наслаждалась проплывающими мимо живописными берегами, большими городами и деревушками, радовалась,

что незнакомые люди махали нам вслед руками и весело кричали что-то. Однажды, когда я стояла на палубе и улыбалась от счастья, что наконец-то еду одна в незнакомую Казань, рядом со мной остановился молодой человек и стал расспрашивать, куда и к кому еду. Я все рассказала. Его реакция была неожиданной: «Вам надо возвращаться назад. Война скоро будет». Удивленно посмотрела на него, засмеялась и сказала: «Да кто вам сказал? Не буду возвращаться! Вот уж глупости!» Мы же тогда верили всему, что нам говорили по радио, не сомневались ни капельки в том, что наша страна самая лучшая и мы построим новый мир. Благополучно приехала, брат встретил меня, и мы тем же вечером искупались в Волге...

А наутро – война! Брат говорит: «Оставайся! Куда поедешь?» Я уперлась: домой, к маме! Только домой! Взяла билет на пароход до Шиморского и отправилась. В те дни по Волге очень много пароходов возвращалось в Москву.

С Ниной Андреевой, героически погибшей при защите высоты, вместе отправились по комсомольской путевке на войну. Нам, пяти девушкам и двум парням из школы, девятиклассникам, активистам, комсомольцам, пришли путевки. Но нам не сказали, куда направят, мы почему-то думали, что будем где-то работать взамен ушедших на фронт мужчин... Приехали в Горький, где ситуация прояснилась. Ребят отправили домой, сказав, что вас, мол, еще вызовут. А девчонок отправили с эшелонам в Казанском направлении. Вот ведь как судьба со мной пошутила...

В Казани были два дня в военном городке. Занимались строевой подготовкой. Кормили очень хорошо. Потом поехали в Елабугу. Нам выдали гимнастерки и юбки, но все это не по размеру! Мы хохотали, примеряя их. Молодость! Потом ушили, подрезали, сделали, как и положено, по фигуре. Помню, как сидели на песочке на берегу Камы, тихо, тепло. Будто и нет войны...

Начались суровые будни. Нас стали обучать азам радиосвязи. Учили, как с помощью азбуки Морзе зашифровывать алфавит. Учились до Нового года. И вновь железнодорожная станция, до которой шли пешком, опять эшелон, дорога и вновь город Горький.

В Горьком проходили практику на радиозаводе (нынешний телевизорный завод), изучали материальную часть радиостанции. Пришли на завод, а там одного цеха как не бывало, бомба попала. Но меня поразило, что люди работали, несмотря ни на что. Когда мы переехали в Москву, нас разместили в школе у парка «Сокольники». Один день мы там находились, приехали военные и нас всех «разобрали». Вот так я оказалась в отдельной роте связи 157-го укрепрайона.

Что характерно, в роте я была единственная девушка. Все остальные юноши, пулеметчики. Рота находилась в Чертанове, радиостанция была в землянке. Мы стояли на обороне Москвы.

Нас перевели в распоряжение 326-го пулеметного батальона. Мы были в резерве армии 2-го Белорусского фронта. На плечах – 10-килограммовая радиостанция, карабин, винтовка, 20 штук патронов и противогаз. Шли по освобождаемым территориям. Видели сгоревшие деревни. В лесу занимались стрельбой, я тоже ходила со всеми на стрельбище. Стреляла, кстати, из карабина отлично.

– Где Вас застала Победа?

– В Пруссии. Да, надо сказать, что в батальоне ко мне мужчины и юноши относились с уважением. Если те спали в землянках, то для меня находили помещение более-менее приспособленное: дом с хозяйкой или какую-нибудь школу поблизости. В те майские дни в Пруссии мы размещались в каком-то доме.

И вдруг рано утром слышу, как телефонист кричит: «Победа! Войне конец!»

Мы все повыскакивали, стали обниматься, целоваться, танцевать, кричать от радости! И слезы текли сами!

– Как сложилась жизнь после войны?

– Наверно, как у всех. Вернулась домой. Вышла замуж за хорошего человека, Ивана Масленникова, родились у нас две дочки. Мы с мужем работали на металлургическом заводе. Он – слесарем во втором трубном, я – контролером ОТК листопрокатного. Жили в коммуналке на улице Островского. В тесноте, да не в обиде. И каждое лето к нам приезжали мои сестры с детьми, и все размещались в этой комнате. Брали лодку на целый день и катались по пруду, много купались. Было очень хорошо и сердечно. Потом, когда от завода стали строить для своих рабочих жилье, получившее название Самостроя, муж тоже стал строиться. Вот с тех пор, с 1957 года, и живу здесь. Дочери свили свои гнездышки. У меня уж и внуки взрослые. Хотя и не рядом мои родные, но приходят, помогают, подбадривают. Мое единственное желание – чтобы никогда не повторились ужасы войны, чтобы дети не теряли родителей, а родители – детей, чтобы мир был вечно!

Елена Липатова

Штыком и гранатой

Николай Федорович Карев родился 19 декабря 1919 года в селе Григорово Меленковского района Владимирской области. Работал на судоремонтном заводе, в речном пароходстве, а затем приехал в Выксу, устроился на ВМЗ. В 1939 году был призван на службу в армию, попал в полковую школу, которую успешно окончил.

Николай Карев

«Тогда комвзвода Брызгунов посоветовал мне:

- Послушай, Николай, в училище скажи, что окончил ты семь классов.
- А если обнаружится обман?
- Не переживай, я обо всем договорился».

Так Николай Карев в 1941-м попал в военно-пехотное училище, потом и сам обучал новичков. В июне того же года в составе 959-го стрелкового полка 309-й стрелковой дивизии отправился на Воронежский фронт. 30 августа принял свой первый бой. В 1943-м был ранен, лечился в Тамбове в эвакогоспитале. 22 июля 1943 г. комроты стрелкового полка прибыл на Курскую дугу. За один день его рота отбила 11 атак.

В боях с 23 июля по 23 августа на белгородском участке и харьковском направлении фронта наш герой проявил исключительное мужество и отвагу, за что получил орден Красного Знамени. 2 августа батальон закрепился на узкой полосе правого берега Северского Донца между селами Соломино и Таплинка Белгородского участка фронта. На рубеже обороны, занимаемом старшим лейтенантом Каревым с 10 бойцами, противник силами до роты предпринял наступление с целью отрезать полк с восточной стороны. Николай не растерялся.

Оставив часть бойцов с ручными пулеметами, он приказал открыть массированный огонь по противнику в момент сближения, а сам со второй группой вышел во фланг и с криком «Ура» бросился в контратаку. Враг, предположив численное превосходство, бежал, бросив 6 станковых и 24 ручных пулемета, три гранатомета, два огнемета и оставив на поле боя свыше 30 солдат и офицеров. В этом бою старший лейтенант Карев, будучи легко ранен, продолжал командовать ротой. 23 августа был ранен второй раз.

В том же году награжден вторым орденом Красного Знамени, показав себя исключительно смелым, дерзким, решительным и инициативным командиром, не теряющим в самой сложной боевой обстановке, в должности командира 5-й строевой роты 2-го стрелкового батальона 214-го Воронковского гвардейского стрелкового полка 72-й Сталинградской гвардейской стрелковой дивизии.

Николай Карев одним из первых форсировал Днепр 25 сентября 1943, высадившись с группой бойцов на остров Глинс-Бородаевский, где вступил в бой с засевшей там группой немцев численностью свыше 20 человек. Находясь лично в боевых порядках своей группы, с криком «Ура!» пошел в атаку. К полудню 25 сентября остров был зачищен, и группа Карева вместе с другими подразделениями вплотную подошла к селу Бородаевка. Благодаря этим исключительно решительным и дерзким действиям был обеспечен беспрепятственный выход всех частей дивизии к селу.

«Представьте себе: Днепр широкий и вольный, а в районе села Бородаевка он через небольшой островок соединяется со старым руслом. Так вот, наша задача такова: перебраться на остров, выбить оттуда немцев, потом на другой берег, где закрепитесь на береговой полосе. Перебрался я на остров, а тут приказ: вернуться назад за «чернорубашечниками». Это местное демобилизованное население, необученное, безоружное. Сутки с ними позанимался, переправился к своим», – вспоминал об этих событиях Николай Федорович, которого в полку прозвали «Партизан».

В течение 26 сентября на окраине села Бородаевка рота под его командованием отбила четыре контратаки противника с танками. В тяжелой боевой обстановке, когда выбыл из строя командир батальона, а боеприпасы были на исходе, Карев принял на себя командование батальоном и вместе с бойцами с криком «Ура» бросился в контратаку, действуя штыком и гранатой. Отбил атаку с шестью танками, поджег один, другой захватил исправным. Противник при бегстве оставил штаб. В этом бою было уничтожено свыше 120 немецких солдат и офицеров.

«Бой идет, сил недостаточно. Я уж и так исхитрялся, и эдак. До того доисхитрялся, что попал в пустой блиндаж. Вижу: фляжка, потряс, понюхал – спирт, отпил глоток, а тут офицер влетает, видит меня. Наган у меня пустой, оружия больше никакого нет, оглянулся – граната. Схватил, кричу: «Ложись!». Подскочил к офицеру, выхватил у него парабеллум, и вперед. Прихватил по пути еще одного фрица. Так двоих и привел в штаб».

В боях южнее Бородаевки с 29 сентября в районе хуторов Николай Карев, исполняя обязанности командира батальона, смело и решительно действовал в наступлении и при отражении многочисленных превосходящих сил противника, не отступая ни шагу назад, несмотря на тяжелую обстановку на флангах соседней дивизии.

В 1944 году Николай Карев стал уже заместителем командира стрелкового батальона, в этой должности награжден орденом Красной Звезды. В боях с 29 февраля по 4 марта при наступлении на села Котовка и Варваровка Долинского района Кировоградской области проявил мужество и отвагу. Когда выбыл из строя командир 2-й стрелковой роты, Карев под шквальным огнем добрался до нее и принял на себя командование. Рота успешно заняла южную окраину Варваровки, вы-

полнив поставленную задачу и дав возможность полку закрепиться в селе, отбила четыре атаки противника и истребила до взвода вражеской пехоты.

«Никак мы оттуда немцев выбить не могли: то в погребе засядут и бьют прицельным огнем, то еще где. Но много хлопот нам доставил дзот. Подходит ко мне заместитель комбата: «Карев, давай, иди к телефону. Генерал будет с тобой говорить». Слышу: голос грубый, с хрипотцой:

- Взять дзот сможешь?
- А что мне за это будет?
- Что хочешь?
- Четверть водки.
- Выкуришь немцев – водка будет.

Разбил я роту на три группы: одна отвлекает, одна наступает, а третья в тыл зашла. Захватили дзот. Сдержал генерал слово: не только водки прислал, но и отдохнуть позволил сутки».

В 1944 году 31 марта Николай Карев вновь был ранен под Тирасполем. Его отправили в госпиталь в Тбилиси, а через три месяца он уже был в Выксе. Передавал армейский навык учащимся школы №4, работая военруком. В 1947 году устроился на ВМЗ, откуда, спустя много лет, вышел на пенсию. Умер в 2008 году.

Полина Артамонова

От Выксы до Праги

Николай Федорович Седышев прошел всю войну, но Победу отпраздновал только 11 мая 1945 года и отнюдь не в Берлине. Но обо всем по порядку.

Родился Николай Седышев в 1922 году в Ближне-Песочном. Работал на заводе ДРО, где производили бронекорпуса для танков и самоходок, корпуса минометов и реактивных снарядов.

Когда началась война, помогал создавать оборудование для бронепоезда «Илья Муромец». А в 1942-м Николая, в возрасте 20 лет, призвали на фронт, сначала отправив на обучение.

В 1944 году разведчик 1-го дивизиона 272-го гвардейского минометного полка Николай Седышев был награжден медалью «За боевые заслуги». 23 марта он, пробравшись в расположение противника в районе деревни Хмелевки, выявил немецкие огневые средства, которые были уничтожены сосредоточенным залпом.

В 1945 г. получил медаль «За отвагу», будучи уже наводчиком миномета 3-й батареи. В бою под Обер-Билау 3 марта при отражении вражеской контратаки умело и точно наводил миномет и вел губительный огонь по пехоте, уничтожив при этом около 20 немецких солдат.

Под Берлином попал в плен, получив ранение в голову. Был приговорен фашистами к расстрелу, но приговор не успели привести в исполнение – город взяли штурмом советские войска.

Вместе с остальными выжившими военнопленными Николая отправили в госпиталь.

Николай Седышев

Ранение не помешало нашему земляку принять участие в Пражской наступательной операции, в ходе которой были освобождены Чехословакия и ее столица Прага. Это была последняя стратегическая операция Красной армии в ходе Великой Отечественной войны, так как во время нее были уничтожены немецкие армии «Центр» и «Юг».

Проходила она с 6 по 11 мая, и в Советском Союзе (а впоследствии и в России) на законодательном уровне установлена оговорка, юридически продлевающая Великую Отечественную войну до 11 мая 1945 года для участников операции.

Так что победа для Николая Седышева наступила чуть позже. За участие в тех боях он удостоен медали «За освобождение Праги».

Домой вернулся с аккордеоном и продолжил работать на заводе ДРО, где протрудился до самой пенсии. Умер в 1987 году.

Полина Артамонова

Бронепоезд "Илья Муромец". Фото из открытых интернет-источников

Привет с подводной лодки

Павел Мишин

В годы войны наш земляк Павел Мишин служил коком в составе экипажа Щ-309 («Щуки»), торпедной подлодки «Дельфин». Она была спущена на воду в апреле 1935 года, участвовала в советско-финской, а затем в Великой Отечественной войне. Павел Иванович на этой подлодке прошел их обе. Его призвали на службу в армию в 1937 году и, как оказалось, почти на десять лет.

«Большой симпатией у личного состава лодки пользовался ее «кормилец» – кок-матрос Павел Иванович Мишин. Это был превеликий мастер составлять разнообразные меню и вкусно готовить. А ведь в условиях длительных походов это очень важно!» – знакомит с экипажем в опубликованных воспоминаниях Исаак Кабо, который был командиром лодки с февраля 1940-го по февраль 1943-го. Экипаж состоял из 37 человек.

Исаак Соломонович делится и тем, как отмечали первую успешную атаку на противника в августе 1942 года: «Решил ознаменовать успех первой атаки и кок Мишин. Вместо предусмотренного в меню на этот день рассольника он приготовил ароматный бульон с пирожками, которые так и таяли во рту. «Домашний» обед на глубине в несколько десятков метров прошел весело и шумно».

Всего за время Великой Отечественной войны «Дельфин» совершил восемь боевых походов и 14 торпедных атак, потопив четыре судна: «Боден», «Карл Кордс», «Норденхам» и «Геттинген».

1 марта 1943 года подлодке присвоили звание гвардейской.

В 1944 году Павел Иванович Мишин был представлен к награде – медали «За отвагу». На сайте «Память народа» есть документ с описанием его подвига: «За время двух боевых походов и кампании 1944 года проявил себя мужественным, стойким и выносливым краснофлотцем. Отлично знает свою специальность и любит ее. В трудных условиях осенних штормов постоянно обеспечивал личный состав горячей пищей. Приготовленные обеды всегда отличались разнообразием и отличными вкусами. Правильно и экономно расходовал продукты. Своей добросовестной работой способствовал выполнению боевого задания и потоплению трех транспортов и одного миноносца противника. За участие в боевом походе, проявленные мужество, стойкость, умение и отвагу достоин правительственной награды».

Щ-309 ("Щука"). Фото из открытых интернет-источников

Его характеристику дополняет информация из представления к медали Нахимова в 1945 году:

«Отличным знанием кулинарного дела способствовал боевому успеху ПЛ».

Также Павел Иванович награжден орденом Красной Звезды: «За 53 дня пребывания ПЛ на боевой позиции исключительно мастерски готовил для личного состава пищу, несмотря на противодействие противника – жестокую бомбежку ПЛ. Тем самым обеспечил бодрое состояние личного состава и содействовал потоплению четырех транспортов противника и одного миноносца типа «Ягуар».

Представления к наградам написаны в разные годы, а потому, скорее всего, разными командирами. Начиная свой путь Щ-309 под командованием Исаака Кабо, в 1943 году его сменил Николай Филов, в 1944-м – Павел Ветчинкин. И каждый из них отмечает уместность кока Павла Мишина и значимость его работы. И это понятно: выполнения боевой задачи нужны силы, которые обеспечивает хорошее питание, а вкусная еда – залог бодрого расположения духа экипажа, что особенно важно в замкнутом пространстве под толщей воды и возможном близком соседстве с противником.

Свой путь подлодка «Дельфин» закончила в 1949 году. К сожалению, увидеть ее можно только на снимках – лодку разрезали на металлолом. Но Павел Иванович не застал последних лет жизни Щ-309. Спустя девять лет после ухода на срочную службу он наконец вернулся домой. В 1946 году устроился на Ковровский экскаваторный завод. А в 1948-м переехал в Выксу и начал работать молотобойцем на конном дворе завода ДРО. С этого предприятия он и вышел на заслуженный отдых.

Ксения Абдуллакова

Война и связь

Александр Николаевич Петрухин родился 14 октября 1914 года в селе Кудрино Меленковского района Владимирской области. В армию был призван осенью 1935 г. Служил телефонистом в 14-м артиллерийском полку во Владимире. Там получил знания, которые позжегодились ему во время Великой Отечественной войны. Отслужив, вернулся домой, женился и работал заведующим магазина.

Александр Петрухин

Сохранились воспоминания Александра Петрухина о начале войны: «Мы узнали о войне 22 июня, хотя радио в селе не было. А в ночь на 23 июня мне уже принесли повестку, но на несколько дней дали отсрочку, чтобы передать магазин друтому заведующему. На фронт меня провожала жена Мария».

Александр прибыл сначала в Шую, где формировался полк тяжелой артиллерии, там его назначили старшим телефонистом.

В сентябре 1941 года часть, в которую был зачислен Петрухин, отправили на фронт под город Ахтырку (Сумская обл., Украина). Здесь он получил боевое крещение. Бойцы заняли оборону вдоль реки. Немцы подошли к берегу и открыли сокрушительный огонь. Солдаты были вынуждены отступить до Старого Оскола и уже там заняли оборону и дождались пополнения. Но впереди были сражения куда более масштабные.

5 июля 1943 года началась Курская битва.

«Сначала было тихо, – вспоминал Александр Николаевич. – Но в 5:30 немцы произвели артподготовку и начали наступление. На нас пошло огромное количество танков. Перебило кабель, и мне пришлось ползти и восстанавливать линию. В мою задачу входило обеспечение телефонной связи с батареей командного наблюдательного пункта. Я находился с командирами взвода и батареи на передовой. Во время этого сражения мне много раз

под огнем противника приходилось восстанавливать связь. Со мной вместе служили телефонисты Иван Иванович Фунтиков и Федор Васильевич Ситников».

В том бою погибли командир батареи и командир взвода, а 12 июля советские войска перешли в наступление и 5 августа освободили Орел и Белгород.

Потерпев поражение под Курском, гитлеровцы рассчитывали закрепиться на Днепре. Артиллерийский дивизион прорыва, в котором воевал Александр Петрухин, всегда бросали на самые трудные участки фронта. В этот раз полк получил приказ форсировать реку с ходу и создать плацдарм на правом берегу. Операция проходила в крайне тяжелых условиях. В низовьях ширина Днепра достигала трех километров, правый берег был гораздо выше и круче, чем левый, что усложняло переправу. В дополнение ко всему берег, на котором укрепился противник, был превращен фашистами в огромный комплекс преград.

Александр с боевым товарищем

Необходимых для переправы средств не хватало. Для переправы пехоты использовали рыбацьи лодки, бревна, пустые бочки, доски... Для пушек делали плоты. Немцы вели непрерывный огонь, но советские солдаты совершили невозможное – река была форсирована, и на правом берегу создали несколько плацдармов. За мужество, проявленное при форсировании Днепра, наш земляк был награжден медалью «За отвагу».

И вот войска Красной Армии перешли границу и вступили на территорию Польши. Александр Петрухин участвовал в освобождении Варшавы, Кракова, Лодзи, а также заключенных

концлагерей. В 1944 году был награжден медалью «За боевые заслуги»: «В боях при форсировании реки Висла и расширении плацдарма на ее западном берегу в районе Гурна проявил личную храбрость и воинское мастерство. 3 августа под сильным артогнем противника на рыбацкой лодке своевременно навел телефонную линию через реку Висла и тем самым обеспечил связь огневой позиции с наблюдательным пунктом командира батареи. На следующий день Петрухин под вражеским огнем устранил три порыва линии связи на реке, чем способствовал отражению контратаки танков и пехоты противника огнем дивизиона в районе Гурно».

Наступил 1945 год. Советские войска подошли к Берлину.

В том же году Александр Николаевич был удостоен ордена Славы III степени. При прорыве обороны противника на западном берегу Одера показал высокое воинское мастерство, мужество, инициативу и смелость. 15 апреля 1945 года в районе Лечин под сильным артогнем устранил десять порывов телефонной линии, что позволило бесперебойно вести огонь по огневым точкам противника, препятствующим продвижению стрелковых частей.

Из-за сильного артобстрела противника 16 апреля часто нарушалась связь. Александр Петрухин, невзирая на опасность, устранил пять обрывов, тем самым дав возможность вести огонь дивизиону. В результате было подавлено пять артиллерийских батарей противника.

После Победы Александр Петрухин в составе своего полка находился в Германии, в октябре 1945 г. демобилизовался и вернулся на Родину.

Скончался в 1984 г.

Полина Артамонова

По полю танки грохотали...

Дмитрий Моисеев трижды спасался из горящего танка. О его боевом пути и послевоенной жизни рассказала дочь Вера Дмитриевна Рыжова.

Первый бой

Дмитрий Андреевич Моисеев родился 7 ноября 1910 года в Туртапке в небогатой крестьянской семье, в которой было четверо детей. Мальчик застал гражданскую войну и последовавшие за ней голод и разруху. В 18 лет окончил четыре класса и освоил профессию сварщика, потом отслужил в армии и был зачислен в запас. До начала войны работал по специальности в выксунской конторе «Сантехмонтаж», женился и воспитывал сына Павла.

Дмитрий Моисеев

Но вот грянула война. Дмитрий и его брат Михаил отправились на фронт. Дмитрий отучился на механика-водителя в 10-м танковом учебном полку и был направлен в 183-й танковый батальон 16-й армии маршала Рокоссовского. Его первым серьезным испытанием стало сражение под Москвой в районе Волоколамского шоссе. Три бравых танкиста-товарища – Моисеев, Мочалов и Махров на своем Т-34 участвовали в бою. Их танк загорелся, но они сумели выбраться и после перевязки вернулись на поле боя.

Награды для солдата и бригады

Дмитрий Андреевич принял участие в сражении на Орловско-Курской дуге, где снова горел в танке. Служил он в то время в роте технического обеспечения в должности сварщика, был отмечен медалью «За боевые заслуги», потому что «все даваемые задания выполняет в срок, благодаря настойчиво-

сти в работе, не считаясь со временем, отказываясь от сна. При задании по наварке шипов на траки танков работу окончил досрочно. Во время боевых действий бригады принимал активное участие по восстановлению машин на поле боя».

Затем экипаж Дмитрия перевели в 202-ю танковую бригаду, которая позже заслужила звание Сивашской и Краснознаменной. В ней он воевал до конца войны. В ноябре 1943 года бригада приняла участие в форсировании озера Сиваш, за что получила первое имя. С Сивашского плацдарма советское командование планировало нанести по противнику главный удар, направленный на освобождение Крыма. В том бою Дмитрий был ранен и попал в госпиталь.

А в 1944 году его наградили орденом Красной Звезды за работу водителем и «отличное обеспечение перевоза грузов, подвоза боеприпасов и топлива на поле боя, проявляя при этом инициативу и находчивость. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, боеприпасы и топливо доставлены на передовую ранее срока». В том же году Дмитрий участвовал

Переправа. Фото из открытых интернет-источников

в штурме Перекопа, куда советские войска двинулись после переправы через Сиваш. Всю зиму 1943-44 годов войска 4-го Украинского фронта, в составе которых воевал Дмитрий, в районе Сиваша и Перекопа, а отдельная Приморская армия в районе Керчи, готовились к прорыву укрепленной обороны противника. Затем был город русской славы Севастополь. 9 мая 1944 года советские войска освободили его от фашистов. Это стало заключительным этапом Крымской операции.

А уже в июле бригада Дмитрия приняла участие в Шауляйской операции и получила орден Красного Знамени, став Краснознаменной «за образцовое выполнение заданий ко-

мандования в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны противника северо-западнее и юго-западнее Шауляя (Шавли) и проявленные при этом доблесть и мужество». Сам же Дмитрий Андреевич был награжден орденом Ленина.

Цена победы

За время войны Дмитрий сменил три танка. Во всех трех горел и лишь чудом не пострадал. Не единожды приходилось голодным и холодным сидеть в болотах в ожидании тягачей. Но как бы ни было трудно и голодно самим, в освобожденных городах отдавали детям последний сухарь. Дмитрий Моисеев знал, какой ценой завоевана Победа.

В 1945 году вернулся домой. Жена и сын встречали его со слезами на глазах. «Ура! Мой папа вернулся живой!» – кричал девятилетний Павлик. А вот брат, Михаил Моисеев, с войны не вернулся – пропал без вести.

Дмитрий устроился на завод ДРО, где проработал больше 20 лет и считался отличным специалистом. Свои навыки он передал сыну, который продолжил династию.

Но война давала о себе знать, Дмитрия Андреевича мучили старые раны. Ему предлагали оформить инвалидность, но он отказался и честно доработал до заслуженной пенсии. Участвовал в строительстве жилых домов на улице Красные Зори, магазина «Лебединка», Дворца Культуры им. Ленина.

Очень часто Дмитрий Андреевич вспоминал товарищей-однополчан, боевой Т-34, любил петь песню «Три танкиста». Он умер 31 января 1975 года, а его родные 9 мая и в День танкиста по семейной традиции приходят с цветами на его могилу.

Полина Артамонова

Рассказ прабабушки

Давно отгремела война. 80 лет прошло. Я и мои друзья знаем то время только по фильмам и книгам. Наше поколение живых свидетелей тех событий застало мало. Но моя прабабушка – Вера Ивановна Погодина – много рассказывала о своем детстве. Когда началась война, ей было всего 12 лет... И сегодня я хочу поделиться ее воспоминаниями.

«22 июня 1941 года. Я – пионерка, и у нас как раз шел пионерский слет. В парке гуляли с пионерскими галстуками. Гордые!

Даже концерт был организован, мы собрались на танцевальной площадке в овраге. И вдруг внезапно музыка в репродукторах замолкает, и голос народного комиссара иностранных дел Молотова сообщает о нападении фашистской Германии.

Объявляют войну. Мы испугались. Разбежались по домам. А на следующий день в дома уже начали разносить повестки».

«Моему отцу тоже прислали повестку. Мать ему, помню, сумку собрала. Мы пошли его провожать на станцию, а народу много – плачут все. Папа уехал. Доехал до Москвы, где новобранцев ждала проверка. Отец мой стрелять не умел, но был грамотным. Его вернули обратно и отправили на завод, дали бронь, потому что на предприятии он был нужен больше, чем на фронте».

«Наш завод переквалифицировали. Мама там работала, снаряды делала. И дети тоже работали.

Мама Нина, отец Иван
Дети (слева направо): Вера,
брат Коля, брат Женя

Но меня отец на завод не устроил, потому что надо было сажать огород. Нас землей наделяли по 4 сотки. Далеко, где железная дорога, а там все завалено: разрушенные танки, самолеты, их переплавляли. Высокие горы металла – поезда не видно. Дети в огородах сажали и окучивали картошку, да караулили ее по ночам. Однажды я наш участок днем караулила и уснула, а в огород залезла коза и капустную рассаду съела, а это был такой дефицит! Отец пришел ко мне с работы, увидел, что случилось, эх, и рассердился! У нас на участке находился колодец, а на нем ковшик, и вот отец голодный, злой, меня этим ковшом ударил по голове. Шрам до сих пор».

«У нас в Выксе были госпитали школа № 8, «Рабочий клуб». Дворец тоже был заполнен ранеными. А как их хоронили! Гроб деревянный кое-как собьют, потому что умирало каждый день по несколько человек. В этот гроб положить и везут. Была телега и в нее бык запряжен, потому что лошадей всех забрали на фронт. И вот несколько раз в день по пять-шесть гробов возили на кладбище, которое за базаром находилось. Там шел сплошной лес. Лес и могилы, могилы, могилы...»

«Я два года в седьмом классе училась, плохо было с математикой. Но тогда все старались остаться на лишний год в школе, там хлебушка давали. Один день мы ходили, а потом не ходили, потому что давали пайку на два дня. Голодные были, голодные! Очистки ели. Картошку чистили тоненько-тоненько и эти очистки сушили, в ступке мололи, потом водой разводили и пекли лепешки...»

«Мимо Выксы летали самолеты на Горький. И мы от ужаса прятались в окопы. Окопы сами рыли, мы – ребятишки – и старики. Комендантский час был. Боже упаси, у кого ночью свет увидят!»

«Никаких у меня счастливых воспоминаний из детства нет. Никаких. Но тогда все так жили, вся страна. Но за Родину мы – и дети, и взрослые – все перенесли. Не были бы тогда люди все вместе – не победили бы. Единственное вспоминать больно: есть, все время хотелось есть».

Светлана Федорова

С молитвой у сердца и с музыкой в душе

Он прошел всю войну с отцовским благословением и вернулся невредимым, стал свидетелем масштабного сражения, видел двух маршалов и не забыл о своей любви к музыке.

Иван Федорович Колосов родился 22 апреля 1923 года в селе Новоселки Вознесенского района. До войны трудился токарем на заводе ДРО. Работать приходилось по 12 часов, выполняя норму на 1000%. В столовой выдавали 700 граммов хлеба по карточкам.

«За 12 часов домой нести уже нечего. По щепотке, как конфетку, съедали мы свой паек», – вспоминал Иван Федорович.

Иван Колосов

В 1942 году ему исполнилось 18 лет, тогда он и ушел на фронт.

«Живые помощи» и комсомольский билет

«Когда я отправился на фронт, мать сильно жалела, а отец мне сказал: «Я, сынок, не доживу до твоего возвращения».

(Так и случилось. Он умер в 1943 году. – Прим. автора). Сунул мне бумажку в карман, я говорю, чего это, а он: не раскрывай, носи вместе с документами. И я положил ее в кармашек.

Потом прочитал, это была молитва «живые в помощи», хранил ее с комсомольским билетом. Прошел и воду, и огонь, и все это время она у меня лежала в кармане. Может быть, она подействовала на мою судьбу, не знаю. А все же у меня какая-то вера была. Человек должен во что-то верить, какие-то чудеса есть».

Не танкисты мы, не летчики, а шоферы

В армию Ивана призвали 10 июля и на пароходе отправили в Горький. Оттуда – в Зеленый город, где формировался гвардейский минометный полк. Два с половиной месяца курсанты изучали устройство машин. Потом Москва. Оттуда Ивана и еще 14 солдат отправили в Пушкино, для обучения вождению. Осваивали как иностранные машины – английские, американские, так и отечественные. Колосов стал шофером 74-го химического батальона. Их эшелон отправили на Курско-Орловское направление, но он не доехал до Старого Оскола – налетели немецкие штурмовики.

«Стали нас бомбить. А наш эшелон шел как бы в туннеле, с обеих сторон крутые насыпи. И вот они никак не попадут по нам. Потом все же в последний вагон прилетела одна бомба, оторвала его. Поезд остановился, мы из вагонов повыскакивали и давай отбиваться. Хорошо, наши истребители подоспели, два «ястребка» прилетели, отогнали их. А то бы немцы нас всех из пулемета положили».

Ужас под Курском

Солдатам пришлось разгружать вагоны и добираться своим ходом до узловой станции под Прохоровкой. Только приехали, в себя пришли – началась Курская битва.

Батальон Колосова прислали на случай химической атаки со стороны врага. В боях они не участвовали, но стали свидетелями творившегося ужаса. Вскоре немец достаточно далеко продвинулся. Спасла химиков эшелонированная оборона Красной Армии.

«У врага были «Королевские тигры», мощные танки с толстой броней, которую не могли пробить наши орудия. Я вот лично видел, если под башню «Королевскому тигру» угодил бронебойный снаряд, только так с ним и можно справиться. А впрямую – не брали снаряды».

Отступая за реку, решили защититься дымовыми завесами, потому что вражеская авиация мешала сооружению пере-

прав, и батальон Ивана Колосова стал использовать для этого дымовые шашки. Их зажигали и пускали по реке.

Два маршала

Под Киевом, куда их перебросили, нужно было делать дымозавесу на Днепре.

«На киевской переправе я Георгия Константиновича Жукова видел, расстояние было метров 10. Знаков различия не было. И мне говорят, вот он, Георгий Константинович Жуков. Я посмотрел, ну мужчина как мужчина. Он был среднего роста, коренастый такой, в полушубке».

А уже после войны судьба свела Ивана Федоровича с маршалом Константином Рокоссовским. Он провел учения и принял парад у солдат.

«Я его видел на трибуне, когда мы проходили парадным шагом», – вспоминал ветеран.

Песни войны

После Киева отправились в центральную Украину, прошли на Сандомирский плацдарм. Но даже на войне Иван Колосов не забывал о главном своем увлечении – музыке.

«Однажды кто-то принес гармонь. Говорят, сыграй-ка «Землянку». И вот я играю, ребята подпевают, а тут бомбежка. Все врассыпную.

На аккордеоне же меня научила играть немка.

Идет старушка, совсем уже дряхленькая. Думаю, голодная. А у меня как раз с собой были в вещмешке консервы в банках, американская тушенка, граммов 700. Ну, думаю, отдам ей. Смотрю, а она того гляди упадет. Я ей говорю: битте, возьмите, пожалуйста. Она посмотрела на меня и заплакала, взяла и – «данкешон, данкешон» – все мне кивала. А потом как-то внезапно спрашивает: а вы, дескать не музыкант, не играете? Она, оказывается, пианистка. Дала мне адрес и говорит: приходите ко мне, я вас очень уважаю, у меня сын погиб под Сталингра-

дом, такой же как ты. Так она мне объяснила. И вот научила меня немножко играть, а пианино ведь с аккордеоном почти одно и то же. И вот я этот аккордеон берег, сделал ему футляр и до самого дембеля носил».

Этот День Победы...

В Польше тылы отстали, и химбатальону пришлось двигаться с передовыми частями до Одера. После форсирования реки заняли оборону. Там же захватили химический комбинат.

Из батальона Колосова в живых осталось семнадцать человек, они остановились на заводе. А напротив стояли немцы, однако стрелять по комбинату побоялись. 7 мая взяли Бреслау (нынешний Вроцлав), «германский Брест», а 9 мая закончилась война.

«День Победы в лесу встретил, это под Легницей. И вот объявили Победу. Нам налили, ну грамм по сто, наверное, красного вина. У немцев не было такой хорошей водки, как у нас. Они нашу водку любили, а у них красное и малоградусное. В самом Берлине в рейхстаге побывал. Даже отметку свою сделал, написал фамилию. Там, не знаю где, на потолках расписывались, а я внизу на стене. Вот так вот моя эпопея и закончилась».

В 1947 году Иван Федорович вернулся домой. Хотел работать шофером, но не получилось. Устроился на завод ДРО, где и проработал 45 лет. Иван Федорович занесен в Книгу Почета предприятия и отмечен за труд на Заводе корпусов, куда перешел позже.

«Детство тяжелым было, юность еще труднее. Но есть что вспомнить – и войну, и производство, уважение и почет, какие мне оказывали. Все заслужил честным трудом».

Ивана Колосова не стало 16 января 2011 года.

Полина Артамонова

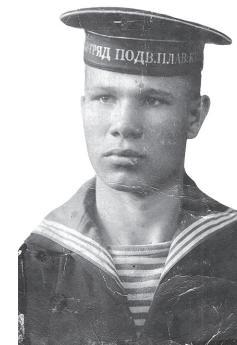
Воевали и подводник, и снабженец

В годы войны Красной Армии требовались специалисты самого разного профиля.

Подводники топили вражеские корабли, не давая противнику получить подкрепление и боеприпасы. Снабженцы автотрот подвоза заботились о том, чтобы наши войска всегда имели необходимые запчасти, продукты, горючее и т.д. Какой была их война? Узнаем из первых уст.

Петр Алексеевич Толоконников

Родился 19 сентября 1921 года в селе Илев Вознесенского района. В армию был призван еще в 1940 г. и до начала войны служил курсантом в учебном отряде подводного плавания им. Сергея Мироновича Кирова. До 1939 года этот отряд оставался единственным в стране учебным заведением, которое готовило квалифицированные кадры моряков-подводников. Именно на флот и попал Петр в июле 1941 г.

Служил он мотористом на подлодке С-11 с июля по август 1941-го, участвовал в обороне Ленинграда, за что позже был награжден медалью. Подлодка вела активные боевые действия на коммуникациях (маршрутах) противника. При непосредственном участии Толоконникова экипаж уничтожил два вражеских транспорта: один с живой силой противника, другой с боеприпасами и техникой. По возвращении на базу близ острова Даго («Остров Дня», сейчас Хийумаа, Эстония) подводную лодку торпедировала вражеская субмарина.

Петр Толоконников

С августа 1941-го по июль 1942 года наш земляк служил мотористом на подлодке Щ-308. При его непосредственном участии она уничтожила фашистский транспорт с боезапасом и техникой. Подлодка участвовала в высадке разведывательных групп на побережье Финского залива.

Во время операции по прорыву вражеской обороны под городом Нарва (Эстония) Петр Толоконников в составе 775-й батареи 302 Отдельного артиллерийского дивизиона Таллинского морского оборонительного района Краснознаменного Балтийского флота дежурил ночью на прожекторе, а днем бесперебойно обеспечивал боезапасами группу подачи 3-го орудия.

С его участием уничтожили одно орудие, танк, два ДЗОТа, шесть автомашин, 12 повозок с боеприпасами, около взвода солдат противника.

Во время боя, находясь под обстрелом врага, вел себя стойко и мужественно, являясь примером для личного состава. За это был награжден медалью «За отвагу».

Петр Толоконников вернулся домой в 1946 году, работал на Выксунском металлургическом заводе. Умер в 2002 г.

Иван Васильевич Приуполин

Родился в 1912 году в Выксе. Отслужил в армии в 1934 году, участвовал в Советско-финской войне. На фронт Великой Отечественной призван в 1941 г. С момента формирования части служил командиром автовзвода и за безупречную службу был выдвинут на должность командира автороты подвоза 279-й стрелковой дивизии. В роте было шесть награжденных бойцов и командиров, отличившихся при выполнении заданий. За хорошую организацию подвоза во время боев и в период создания запасов Иван Приуполин получил благодарность от командования.

Также ввиду отсутствия запчастей на армейских складах ему дали задание обеспечить роту необходимыми комплектующими. Для этого он рассылал подчиненных и лично выезжал в различные МТС (машинно-тракторные станции, в годы войны осуществляли транспортное обслуживание) и заводы Ворошиловграда (ныне Луганск, Украина). Также бойцы собирали запчасти с подбитых машин, брошенных на дорогах.

Кроме того, лейтенант организовал изготовление новых необходимых деталей в мастерских МТС и на токарных станках местных заводов. За образцовое выполнение задания командования и проявленную при этом находчивость Иван Приуполин был удостоен ордена Красной Звезды.

Участвовал Иван Васильевич во взятии Берлина, за что был награжден медалями «За взятие Берлина» и «За боевые заслуги».

После войны продолжил службу в рядах Красной армии. В родной город вернулся в 1950-х годах, устроился на работу на ВМЗ. Воспитал семерых детей. Умер в 1955 году.

Иван Приуполин

Полина Артамонова

Шел в бой, презирая смерть

Вячеслав Михеев

Эти слова из наградного листа как нельзя лучше характеризуют героя нашей статьи. Вячеславу Алексеевичу Михееву, ветерану Великой Отечественной войны и завода ДРО, довелось участвовать в боевых действиях чуть больше двух месяцев, но зато в одной из самых блестящих операций конца войны – Венской.

Вячеслав Михеев родился 13 ноября 1926 года в Мещовске Калужской области. Когда немцы вероломно напали на нашу страну, ему было всего 15 лет, поэтому и призвали его только в марте 1944-го. Направили юношу в запасной стрелковый полк курсантом, однако пробыл он там недолго. В часть приехали офицеры и отобрали ребят для службы в десантных войсках. Среди них оказался и Вячеслав. Он попал в 140-й гвардейский батальон, где стал сапером-разведчиком. Обучался взрывному делу и минированию до 1945 года.

А в феврале его полк уже оказался на передовой. До Победы оставалось несколько месяцев.

Батальон Вячеслава направили на 3-й Украинский фронт в Венгрию. Именно в феврале 1945-го советская разведка раскрыла планы вермахта, готовившего наступательную операцию «Весеннее пробуждение». Враг планировал отбросить советские войска за Дунай, ликвидировав тем самым угрозу захвата Вены и южных районов Германии. Кроме того, немцы стремились сохранить за собой стратегически важные нефтяные месторождения.

Венгрию наши солдаты прошли с тяжелыми боями и пересекли границу Австрии, положив начало наступлению на Вену. Когда фашисты узнали, что против них воюют десантники («голубые погонники», как их еще называли за цвет петлиц на форме), распорядились пленных не брать.

За австрийскую столицу пришлось побороться. Стремясь сохранить исторические памятники города, маршал Толбухин приказал ограничить использование артиллерии, что усложнило задачу. «Бились даже не за каждую улицу, а за каждый дом, за каждый этаж. Много друзей-товарищей тогда погибло», – вспоминал позже Вячеслав Алексеевич. Освобождали дом за домом вплоть до 13 апреля, когда немцы, наконец, капитулировали и выкинули белые флаги.

Подвиг советских солдат, павших в боях за взятие Вены, увековечен в памятнике на площади Шварценбергплац. А сам Вячеслав Михеев за участие в этой операции был награжден орденом Славы III степени за героизм, проявленный при переправе через Дунай и медалью «За взятие Вены».

Из наградного листа: «Под ураганным огнем противника, при непрерывном освещении местности ракетами, быстром течении воды, гвардии рядовой Михеев, в ночь с 11 на 12 апреля 1945 года, преодолев 250-метровое расстояние, по-пластунски, презирая смерть и угрозу, увлекая за собой своих товарищей, первым поднес со своим расчетом плот, и спустив его на воду, достиг середины канала. Плот перевернулся из-за попадания снаряда. Презирая всякую опасность, как достойный сын Родины, переправившись на свой берег, продолжал под огнем противника оказывать помощь переправляющимся».

«Но на этом наша война, конечно, не закончилась. Сутки «перекурили» и отправились дальше шагать по Европе. Дошли до границы Чехословакии. Здесь и узнали радостную весть, что кончилась война. Фашист капитулировал», – вспоминал ветеран.

После войны Вячеслав Михеев попал в госпиталь, а затем был направлен в 627 батальон аэродромного обслуживания в венгерском Дебрецене. В ноябре 1949 г. молодой солдат вернулся домой. Всю жизнь Вячеслав Алексеевич проработал на заводе ДРО, ушел из жизни 10 января 2012 года.

Полина Артамонова

«Приокская глубинка» № 1 (24) 2025
Краеведческий альманах

Главный редактор – Елена Самсонова
Руководитель проекта – Наталья Гусева
Составители – Елена Самсонова, Светлана Абрамова,
Инна Чуркина, Ольга Захарова, Наталья Орлова
Консультант – Галина Никулина

Фото на обложке
предоставлено сайтом МояВыкса (<https://myvyksa.com>)
Автор фото: Александра Наумова
На фото: письма с фронта В.Л. Силаева,
фотография Н.Ф. Логинова, военный билет С.П. Гусева

Фотографии представлены:
редакцией газеты «Выксунский рабочий»,
авторами статей,
открытыми интернет-источниками

